

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

34 2021
ЧАСТЬ II

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 34 (376) / 2021

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975), английский историк, социолог, философ истории и культуролог.

Арнольд Тойнби родился в Лондоне, в семье секретаря Гарри Тойнби и Сары Эдик Маршал. Он был стипендиатом Винчестерского колледжа и Бейлиол-колледжа Оксфорда, а также учился в афинской Британской школе. По окончании учебы Тойнби стал преподавать в стенах родного Бейлиола историю античности. В составе департамента разведки британского МИДа он был делегирован на мирную конференцию в Париже. Тойнби был профессором Лондонского университета и профессором школы экономики в Лондоне, а также возглавлял столичный Королевский институт международных отношений. Не оставляя сотрудничества с МИДом, историк руководил его исследовательским отделом.

Арнольд Тойнби стал автором цивилизационной теории, отвергая идею общественно-экономических формаций. Помимо множества его работ, данная теория получила полное отражение в его фундаментальном 12-томном труде «Постижение истории» (*A Study of History*), который профессор создавал и публиковал с 1934 по 1961 год. В нем он описал свыше двадцати существовавших в разное время цивилизаций, большая часть из которых благополучно развилась (например, западный мир), а меньшая — либо так и не осуществилась, либо была задержана в развитии (например, спартанцы). Для XX века ученый выделял десять действующих цивилизаций.

По теории Тойнби, история состоит из отдельных цивилизаций, и все они проходят схожие стадии существования, все рождаются и со временем погибают. Факторами, определяющими цивилизацию, являются ее религиозная и территориальная составляющие, это часто видно и из названий, например православная христиан-

ская цивилизация в России. Жизнеспособность же той или иной цивилизации, как и само ее развитие, определяется тем, как она реагирует на так называемые вызовы (климата, социальной обстановки, внешнего воздействия других цивилизаций и т. д.). На этапах зарождения и расцвета цивилизация может легко давать ответ на вызовы, на стадии заката эта способность теряется, что и определяет ее вырождение, а затем и конец.

Основным вызовом, определившим развитие русской православной цивилизации, Тойнби считает непрерывное внешнее давление. Впервые оно началось со стороны кочевых народов в 1237 году походом хана Батые. Ответ заключался в изменении образа жизни и обновлении социальной организации.

Утвердившийся в России коммунизм Тойнби рассматривал как «контрудар», отбивающий назад то, что Запад навязал России в XVIII веке.

Юрий Иванович Семёнов, советский и российский историк, философ, этнолог, специалист по философии истории, утверждал: «Тойнби подгоняет реально существующие общества и системы обществ под свои схемы, не останавливаясь перед прямым насилием над фактами».

До 1960-х годов теория Тойнби, несмотря на определенную критику, была невероятно популярна, ее изучали и поддерживали многие ученые (Г. А. Иннис, Э. Р. Курциус и др.). «Постижение истории» расходилось огромные тиражами, его содержание обсуждали на семинарах, а сам профессор выступал со своими идеями на Би-би-си. Однако позднее теория потеряла свою популярность в науке и средствах массовой информации, но многие историки продолжают ссылаться на «Постижение истории» вплоть до наших дней.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Асланов Р. С.

Несоответствие места закрепления принципа действия уголовного закона во времени в Уголовном кодексе Российской Федерации ... 91

Бяширова Л. Д.

Электронное правосудие 94

Голышева Н. Ю.

Правовые пробелы, существующие при заключении и исполнении контрактов для обеспечения государственных нужд..... 96

Гусев Н. В.

Проблемы компенсации морального вреда как способа защиты чести, достоинства и деловой репутации 101

Гусев Н. В.

Актуальные проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации лица в Российской Федерации 110

Жукова Н. И., Кузнецов В. А., Цветков А. В.

Защита прав граждан — участников долевого строительства на примере определения Верховного Суда РФ № 69-КГ20–15-К7 от 19.01.2021 116

Ибрагимова А. М.

Понятие несовершеннолетнего в уголовном процессе..... 118

Ибрагимова А. М.

Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка..... 119

Ибрагимова А. М.

Компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок... 121

Ибрагимова А. М.

Практика работы органов прокуратуры Российской Федерации по взаимодействию с общественностью и правовому просвещению 123

Иванова С. А., Кирсанов К. А., Желтова Е. Д., Лобанова М. С.

Понятие участника закупки по Федеральному закону от 05.04.2013 № 44-ФЗ и Федеральному закону от 18.07.2011 № 223-ФЗ 125

Климин А. В., Рузметов С. А.

Правовое обеспечение банковской тайны в Российской Федерации..... 127

Коняшина Е. Н., Рузметов С. А.

Административная ответственность за правонарушения в сфере налогов и сборов ... 129

Коняшина Е. Н., Рузметов С. А.

Налоговые правонарушения: правовая характеристика 132

Корсун Т. А.

Актуальные проблемы гражданско-правовой ответственности медицинских работников 136

Лычковская А. О.

Применение *lex mercatoria* Международным арбитражным судом при Белорусской торговой-промышленной палате 139

Маркова Ю. Д.

Соотношение гражданско-правового и трудового правового регулирования в спорте 141

Мытарева А. С.

Договор в сфере информационных технологий: понятие и виды 143

Пузик К. С.

Проблемы правового регулирования банкротства кредитных организаций 145

Салимгареев Р. Р.

Предмет доказывания в налоговых спорах
при искусственном дроблении бизнеса 147

Сафаров Р. Р.

Понятие территориальной организации местного
самоуправления 150

ПЕДАГОГИКА**Абрамова И. А.**

Как влияет состояние памяти на развитие речи:
обзор 153

Gubaidulina I.

The ways to overcome the language barrier 155

Давлетова С. Ш.

Сказкотворчество как метод развития речи детей
школьного возраста 157

Ибрагимова А. М.

Аспекты нравственного и патриотического
воспитания молодежи 159

Коцеруба Л. В., Парфенова С. В.

Формирование дружеских отношений среди
дошкольников 160

Овчаренко М. С.

Частичные результаты социологических
исследований о необходимости развития
надпрофессиональных навыков в условиях
профессиональной подготовки курсантов
военных вузов 162

Симонова А. Д., Богданова Ю. Е., Серикова О. А.

Участие дошкольников в проектировании
внутренней среды ДОУ с использованием
технологий виртуальной реальности 165

Симонова А. Д., Богданова Ю. Е.

Раннее развитие навыков грамотного письма
у дошкольников с применением виртуальных
и компьютерных технологий 168

Трофимова Е. И.

Влияние цифровизации на развитие личности
современных детей 170

Черепкова О. О.

Роль философии в подготовке студентов
инженерных специальностей 172

**МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ
ҚАЗАҚСТАН****Бахтиярова С. Б.**

Қазақстан Республикасындағы мемлекеттік сатып
алу саласындағы мамандарды даярлау 175

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Несоответствие места закрепления принципа действия уголовного закона во времени в Уголовном кодексе Российской Федерации

Асланов Рашид Садикович, студент магистратуры
Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

В статье рассмотрена проблема о целесообразности закрепления ст.9 УК РФ «Действие уголовного закона во времени» к принципам уголовного права. Показана законодательное и практическое нормативное значение закрепления данной статьи в системе принципов уголовного права.

Ключевые слова: уголовный закон, принципы уголовного права, действие уголовного законодательства во времени, значение.

Inconsistency of the place fixing principle action criminal law in time in Criminal Code Of the Russian Federation

Aslanov Rashid Sadikovich, student master's degree program
Kostroma State University

The article considers the problem of the expediency of fixing Article 9 of the Criminal Code of the Russian Federation «The effect of criminal law in time» to the principles of criminal law. The article shows the legislative and practical normative significance of fixing this article in the system of principles of criminal law.

Keywords: criminal law, principles of criminal law, the effect of criminal law in time, meaning.

Принципы уголовного права занимают ведущую роль, на которой базируется вся система уголовного права, так как они отражают в себе основополагающие идеи, фундаментальные и наиболее важные в российском законодательстве концепции и принципы, обеспечивающие справедливость уголовного процесса [1].

Обращаясь к системе принципов уголовного права, мы видим основные пять принципов, выделяемых Уголовным кодексом Российской Федерации (далее УК РФ): принцип законности, принцип равенства граждан перед законом, принцип вины, принцип справедливости и принцип гуманизма.

Все указанные принципы нашли свое закрепление в уголовном законодательстве.

В то же время ряд общих положений, которые по существу являются принципами уголовного права, не были определены в качестве таковых и в УК РФ либо отсутствуют вовсе, либо располагаются в иных главах [2].

Действие уголовного закона во времени в действующем уголовном законодательстве законодателем не от-

ражается как один из основополагающих принципов, но он отражает в себе как принцип справедливости, так и принцип гуманизма, что напрямую говорит о том, что данный принцип имеет место.

Основная часть

Положение о действии уголовного закона во времени находит свое отражение в основном законе государства — Конституции РФ, а также основывается на общеизвестных принципах и нормах, которые были закреплены Всеобщей декларацией прав человека, принятой 10 декабря 1948 г. [3], и Международным пактом о гражданских и политических правах, принятым 16 декабря 1996 г. [4], что в большей степени подчеркивает важность и значимость данного принципа, через который реализуются конституционные права и свободы граждан.

Регулирующие действие уголовного закона во времени принципы можно подразделить на следующие три группы:

— принцип действия уголовного закона во времени совершения преступления,

— принцип обратимости более мягкого уголовного закона,

— принцип необратимости более строгого уголовного закона.

При этом следует помнить, что сам закон «принципами» их не называет, для облегчения понимания его содержания это за него делает доктрина.

Охарактеризуем вышеперечисленные принципы:

1) Принцип действия уголовного закона во времени совершения преступления выражен в ч. 1 ст. 9 УК РФ [5] — означает, что за деяние, которое в момент его совершения не признавалось преступлением, никто не должен нести уголовную ответственность.

Действующим уголовным законом во время совершения преступления считается тот закон, который к моменту начала совершения преступления вступил в силу и продолжал действовать ко времени окончания преступления. Само преступление признаётся совершённым во время действия данного уголовного закона в том случае, если оно началось и окончилось в промежутке с момента вступления закона в силу и момента прекращения его действия [6].

2) Принцип обратимости более мягкого уголовного закона, иначе называемый ретроактивностью, сформулирован в ч. 1 ст. 10 УК. Имеющий обратную силу закон распространяется на всех лиц, которые могут понести или уже несут уголовно-правовое наказание, наряду с судимостью. В том случае, если правовые последствия к моменту принятия более мягкого закона уже прекратились, то обратная сила нового закона на лиц, понесших их, не распространяется.

Таким образом, определенные временные рамки ограничивают пределы действия закона с обратной силой. В подобном случае возможно решение вопроса о законности или обоснованности применения к лицу старого закона без учёта нового закона. В этом случае лица, осужденные незаконно или необоснованно, могут быть реабилитированы.

Например, основываясь на старом законе, лицо было осуждено к лишению свободы на срок 10 лет. За то же преступление вступивший в силу новый закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 5 лет. Таким образом, суд на основе нового закона при рассмотрении дела, руководствуясь ч. 2 ст. 10 УК РФ, имеет право сократить осуждённому лицу срок лишения свободы до 2, 3, 4 или 5 лет. Суд имеет право при этом сократить размеры или полностью освободить осуждённого от отбывания дополнительного наказания, если оно не предусмотрено новым законом.

3) В ч. 1 ст. 10 УК РФ определен гуманный и справедливый принцип необратимости более строгого уголовного закона. Он заключается в том, что устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица уголовный закон обратной силы не имеет. Следовательно, на деяния, которые были совершены до вступления в силу нового закона, он не распространяется.

Как следует из вышеприведенного, положению о действии уголовного закона во времени присущи следующие признаки принципа права:

1) это основополагающее общеобязательное начало (положение), выраженное (закрепленное) в уголовном законодательстве (УК РФ);

2) оно обладает общей значимостью;

3) оно является нормативным, фундаментальным и обладает высокой степенью обобщения;

4) выступает критерием правомерности деятельности участников регулируемых правом отношений.

Из этого следует, что положение о действии уголовного закона во времени, обладая свойственными принципу права признаками, является принципом права.

Кстати, многие юристы, говоря о действии закона во времени, употребляют в отношении этого положения именно термин «принцип».

Понятие принципа действия уголовного закона во времени тесно связано с понятием времени совершения преступления. Оно подразумевает, что преступность и наказуемость деяния определяется уголовным законом, который действует на момент совершения данного деяния. Под временем совершения преступления понимают время совершения общественно опасного действия (бездействия) вне зависимости от времени наступления последствий. Такие понятия дает нам доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Саратовского национального исследовательского государственного университета Анна Анатольевна Рождественская в своем труде «Уголовное право» [7].

Тогда как Решняк Мария Генриховна — кандидат юридических наук, в своей работе «Действие уголовного закона во времени и в пространстве: тенденции развития» дает следующее понятие принципа действия уголовного закона во времени: это пределы, в рамках которых преступность и наказуемость деяния предопределяются уголовным законом, действующим во время совершения общественно опасного деяния [8].

Заключение

Как мы видим, положение о действии уголовного закона во времени, базируясь на нормах международного права и Конституции РФ, являясь по существу принципом общеправового характера и обладая присущим принципу права признаками, в действующем уголовном законе расположено вне главы 1 «Задачи и принципы УК РФ», т. е. законодатель не относит действие закона во времени (равно как и действие закона в пространстве) к принципам уголовного закона, что, на наш взгляд, является в корне неверным.

На основании изложенного мы полагаем, что было бы целесообразным переименовать главу 1 УК РФ «Общие положения» и оставить в ней ст.1 «Уголовное законодательство Российской Федерации» и ст.2 «Задачи уголовного кодекса Российской Федерации», а принципы уголовного закона выделить в отдельную 2 главу, назвав «Принципы уголовного кодекса Российской Федерации»,

которую, кроме уже существующих, следует расширить за счет включения в нее принципа действия уголовного закона во времени.

Кроме того, мы полагаем, что необходимо положения ст.10 УК РФ «Обратная сила уголовного закона» добавить в ст.9 УК РФ «Действие уголовного закона во времени», так как обратная сила закона является одним из слагаемых понятия действия уголовного закона во времени.

Нормативное состояние принципа не отражает его сущностного содержания, а научные определения лишены конкретики и связанности с практикой, что не позволяет правоприменителю эффективно использовать данный принцип.

Столкнувшись с проблемой наличия более подробного и точного доктринального понятия принципа действия уголовного закона во времени, предлагаем доктринально закрепить понятие «принцип действия уголовного закона во времени» в следующей редакции: принцип действия уголовного закона во времени — это один из принципов уголовного права, находящий свое отражение в Конституции РФ и Уголовном кодексе РФ и подчеркивающий

справедливость и гуманизм в реализации конституционных прав и свобод граждан, в соответствии с которым преступность и наказуемость совершенного деяния будет определяться согласно тому уголовному закону, который действовал на момент совершения общественно опасного деяния.

Указание в предложенном нами определении принципа действия уголовного закона во времени на основной закон Российской Федерации является существенно значимым, так как именно Конституция РФ — гарант прав и свобод личности.

Учитывая вышесказанное, можно определить место принципа действия уголовного закона во времени в системе уголовного права — данный принцип занимает одну из главенствующих позиций в системе российского уголовного права, так как справедливость и гуманизм данного принципа очевидны.

Решение проблемы поможет усилить роль института действия уголовного закона во времени как принципа, через который происходит реализация конституционных прав и свобод граждан.

Литература:

1. Бараташвили, Л. Н. Содержание института действия уголовного закона во времени / Л. Н. Бараташвили. — Текст: электронный // Черные дыры в Российском законодательстве. — 2014. — № 4. — с. 92–95.
2. Иванов, Н. Г. Время совершения преступления / Н. Г. Иванов. — Текст: непосредственный // Уголовное право. — 2018. — № 2. — с. 37–41.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021). — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
4. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс», раздел «Законодательство». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 29.11.2019).
5. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс», раздел «Законодательство». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 27.11.2019).
6. Аитова, О. Ф. Уголовно-правовые проблемы времени преступления: автореферат дис.... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Аитова Олеся Фанилевна; [Место защиты: Сарат. гос. юрид. акад.]. — Саратов, 2016. — 26 с.
7. Рождественская, А. А. Уголовное право ст. 72 УК РФ в контексте темпорального действия уголовного закона / А. А. Рождественская. — Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 5. — с. 115–117.
8. Решняк, М. Г. Действие уголовного закона во времени и в пространстве: тенденции развития / М. Г. Решняк. — Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. — 2015. — № 1. — с. 140–145.

Электронное правосудие

Бяширова Лейла Дамировна, студент

Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева (г. Саранск)

В данной статье рассмотрены различные электронных правовые системы, которые помогут оптимизировать систему правосудия. Одной из таких систем является электронная система «Правосудие». Также, в данной работе делается вывод о положительных свойствах таких систем и их позитивном влиянии на систему российского правосудия РФ.

Electronic Justice

This paper talks about various electronic legal systems that will help to optimize the justice system. One such system is the electronic system «Justice». Also, in this paper, a conclusion is made about the positive properties of such systems and their positive impact on the Russian justice system of the Russian Federation.

В XXI веке происходит активное развитие современных технологий и повсеместное их внедрение в различные сферы общества. Судебная система не является исключением, поскольку использование инноваций в данной сфере приведёт к значительному упрощению жизни не только судей, но и других участников судопроизводства, а также позволит оптимизировать всю систему в целом. Сделать её более систематизированной и упорядоченной, а принимаемые решения стали бы более единообразными и законными.

Например, в данный момент существует такая проблема, как принятие диаметрально противоположных друг другу решений по идентичным судебным спорам. Это в первую очередь обусловлено тем, что большое значение придаётся личному усмотрению судей, которые, к сожалению, не всегда обладают достаточной квалификацией и знаниями, а также они могут видеть ситуацию через призму субъективизма. Также существует такая проблема, как высокая загруженность судей, ввиду чего они иногда не в состоянии в полной мере вникнуть в суть дела и проверить, не рассматривалось ли это дело в другом суде. В гражданско-процессуальном праве запрещается рассмотрение тождественных исков, к сожалению, не всегда можно соблюсти это правило по указанной выше причине. Некоторые участники судебного процесса бывают недовольны принятым решением и подают иск в другой суд. В настоящее время существуют системы учёта материалов гражданского судопроизводства, но они недостаточно упорядочены и систематизированы. Например, для того, чтобы получить сведения о рассмотренных делах в городе Саратове, необходимо ознакомиться как минимум с пятью сайтами, что значительно сказывается на эффективности такого труда, также зачастую не так просто с первого раза найти материалы нужного дела. Создание единой базы материалов судебных дел, значительно упростило бы задачу судей и устранило бы возникновение вышеуказанных нарушений, возникающих в гражданском процессе на практике. Это позво-

лило бы в некоторой степени снизить нагрузку судей, так как им не пришлось бы повторно рассматривать дела, которые уже были рассмотрены другими судьями. Также создание единой базы положительно повлияет на защиту прав тех граждан, в чью пользу было вынесено решение при изначальном рассмотрении дела, поскольку оно уже не будет рассматриваться повторно при отсутствии установленных на то законом оснований, например, таких как наличие вновь открывшихся оснований или приостановление судебного разбирательства.

По словам бывшего председателя Федерального Арбитражного суда Е. З. Васютина, современные информационные технологии в системе арбитражных судов стали активно внедряться в 2009 году; в июле того же года Федеральный арбитражный суд Поволжского округа начал размещать в сети Интернет первые судебные акты. И это можно назвать революцией! Те, кто профессионально связан с арбитражной системой, помнят, как тяжело было получить копии судебных актов, что вызывало бесконечные жалобы сторон. В настоящее время тексты судебных актов в сети Интернет нами воспринимаются как данность. И если еще недавно в суде пачками размножали документы на ксероксе, то сегодня благодаря использованию технических средств необходимость в этой трудоемкой и затратной работе отпала. Электронное правосудие подразумевает использование в арбитражном судопроизводстве современных информационных технологий, которые позволяют, например, подавать иски, заявления, приложения к ним, представлять отзывы на иски в электронном виде, получать доступ к судебным актам, рассылать участникам процесса уведомления через интернет или посредством SMS-сообщений, рассматривать дела в онлайн-режиме и др. [3]

Все это — новый уровень развития правосудия. Но говорить об электронном правосудии можно только тогда, когда оно закреплено на законодательном уровне. Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» в закон внесены изменения,

которые в основном касаются внедрения вышеперечисленных возможностей. [2]

Также немаловажным является вопрос соблюдения заявителем технических требований.

По задумке авторов ГАС «Правосудие» должна способствовать решению следующих задач [1]:

- поддержание законности и обоснованности принимаемых судебных решений и качества судебных документов;
- сокращение сроков рассмотрения дел и жалоб на основе использования новых информационных технологий, включая средства видеоконференцсвязи;
- повышение эффективности судебного делопроизводства и подготовки данных судебной статистики;
- повышение достоверности и полноты первичной информации, получаемой в ходе судебных заседаний;
- повышение оперативности сбора и оформления судебных материалов при подготовке и слушании дел;
- обеспечение сетевого доступа к библиотечной электронной информации;
- обеспечение оперативного доступа судей и работников аппаратов судов к актуальной и точной информации по действующему законодательству и правоприменительной практике;
- обеспечение объективного анализа правоприменительной практики, структуры правонарушений и направлений криминализации общества на основе больших объемов судебной статистики и данных предыстории;
- повышение оперативности информационного взаимодействия судов с Верховным Судом Российской Федерации, Судебным департаментом, следственными органами, прокуратурой, Минюстом России и органами государственной власти субъектов Российской Федерации;
- повышение эффективности информационных процессов кадрового, организационного, материально-технического и ресурсного обеспечения деятельности судов с созданием инструмента информационно-аналитической поддержки принятия решений во всех сферах обеспечения судебной деятельности;
- обеспечение полноты и достоверности информации, необходимой для административного управления, сокращение сроков ее предоставления;
- создание достаточного функционального, информационно-технологического и программного обеспечения судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента;
- обеспечение адекватного решения вопросов информационной безопасности;
- повышение информированности общества о деятельности судов, обеспечение прозрачности и открытости состояния системы правосудия в России;
- создание эффективной, экономически целесообразной системы управления, обеспечения, эксплуатации, поддержания и сервисного обслуживания имущественного комплекса ГАС «Правосудие»;

— обеспечение вхождения в информационное пространство системы органов государственного управления, правоохранительных органов, организация взаимодействия между центральными национальными органами обеспечения деятельности судов (в первую очередь, в рамках СНГ) с ведущими международно-правовыми и судебными организациями — Международным судом, Советом Европы и другими зарубежными организациями.

В настоящее время проводятся работы по созданию единой базы, наиболее интересным вариантом является проект, разработкой которого занимаются создатели государственной автоматизированной системы «Выборы». Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие» — это территориально распределенная автоматизированная информационная система, предназначенная для формирования единого информационного пространства судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Эта система позволит обеспечивать информационную и технологическую поддержку судопроизводства на принципах поддержания баланса между потребностью граждан, общества и государства в свободном обмене информацией и ограничениями на распространение информации. Данная система является весьма сложной, поэтому поделена на множество уровней, её деятельность обеспечивают 27 подсистем, среди которых можно выделить такие как:

— **«Судебное делопроизводство и статистика»** — эта подсистема обеспечивает автоматизированное судебное делопроизводство, документооборот и ведение электронных архивов судебных дел, баз данных по судимости граждан, сбор, контроль, обработку, хранение и анализ, а также представление данных судебной статистики.

— **«Банк судебных решений (судебной практики)»** — позволяет автоматизировано собирать и анализировать судебные решения, систематизировать сведения о судебных прецедентах, производить аналитическую обработку и тиражирование обобщенных данных судебной практики и оперативно обмениваться этими данными между судами разных инстанций.

— **«Право»** — является подсистемой, обеспечивающей доступ к правовой информации и юридическим изданиям в электронном виде. Способствует поддержанию правовых баз в актуальном состоянии, информированию судей, судейских коллегий и органов Судебного департамента о правовых нормах и обобщенной судебной практике.

— Особое место в данной системе занимает подсистема **«Судейское сообщество»**, которая обеспечивает учет, систематизацию и автоматизированную обработку информации для органов судейского сообщества. Решение о создании этой подсистемы было принято в связи с большой значимостью деятельности органов судейского сообщества для судебной системы РФ. «Судейское сообщество» сочетает в себе информационные ресурсы всех субъектов РФ и даёт возможность органам

судейского сообщества публиковать электронные документы и сведения о своей деятельности. Все эти сведения располагаться в одном месте, связаны между собой, использовать единую поисковую систему и, как следствие, представляют собой наиболее удобный информационный ресурс.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что создание и развитие единой электронной базы судов, которая будет включать в себя судебные решения, сведения о вакансиях, методические рекомендации для начинающих судей, связанные с обобщенной судебной практикой и многие другие разделы, позволит упростить и оп-

тимизировать работу судей, а также достичь того, что решения станут более законными и обоснованными, поскольку у судей будет материал судебной практики, на который они смогут опираться. Также вынесенные ими решения будут видны всем желающим, что ещё больше повысит прозрачность судебного процесса и увеличит доверие к судебной системе в целом. Увеличение открытости судебного процесса приведёт к тому, что недобросовестные судьи будут опасаться дополнительного контроля и порицания со стороны своих коллег и общества, мы считаем, что этот факт способствует вынесению ими более справедливых и законных решений.

Литература:

1. ГАС «Правосудие»: новые технологии и возможности URL: <http://www.vkks.ru/publication/265/> (дата обращения 18.08.2021). — Текст: электронный.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 02.03.2016 N 47-ФЗ
3. Электронное правосудие: новые стандарты открытости и доступности правосудия на примере Федерального арбитражного суда Поволжского округа URL: <http://www.garant.ru/company/cooperation/gov/action/regional/400393/> (дата обращения 18.08.2021). — Текст: электронный.
4. <http://vkks.ru/publication/265/>

Правовые пробелы, существующие при заключении и исполнении контрактов для обеспечения государственных нужд

Голышева Наталья Юрьевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

Система закупок (размещения заказов) для обеспечения государственных, муниципальных нужд, существует в современной России не один десяток лет, и начало отсчета можно обозначить 1997 годом, когда был принят Указ Президента РФ от 08.04.1997 N 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд». В связи с принятием 6 мая 1999 г. Федерального закона N 97-ФЗ «О курсах на размещение заказов на поставки товаров, оказание услуг и выполнение работ для государственных нужд» Указ Президента РФ от 8 апреля 1997 г. N 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд», утвердивший Положение об организации закупки товаров, работ и услуг для государственных нужд, сохраняет свою юридическую силу, но только в части регулирования отношений по закупке и поставке продукции для государственных нужд субъектов Российской Федерации и нужд муниципальных образований (см. Определения Верховного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2004 г. N

74-Г04-12, от 30 марта 2005 г. N 58-Г05-3, от 20 декабря 2002 г. N 51-Г02-55, N 64Г-01-10). Указанные нормативно-правовые акты утратили свою силу, в связи с принятием 21.07.2005 Федерального закона № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», который дал новый виток в развитии системы закупок (размещения заказов) на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг как для государственных, так и муниципальных нужд, установив единый порядок размещения заказов, включает единство норм размещения заказов за счет средств бюджетов и внебюджетных источников на всей территории Российской Федерации, для всех ветвей и уровней власти.

В связи с несовершенством Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» 05.04.2013 г. был принят Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», вступивший в силу с 01.01.2014 г, который дей-

ствуется до настоящего времени. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Несмотря на то, что Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» учел несовершенство ранее действовавшего законодательства о закупках (размещении заказов), а также учитывая тот факт, что в Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» периодически вносятся изменения, связанные с необходимостью дальнейшего развития и совершенствования системы закупок, можно сказать о том, что не все правовые проблемы решены, остается ряд вопросов, не решенных до сих пор, появляются и новые правовые проблемы, являющиеся результатом изменения законодательства.

На сегодняшний день при заключении и исполнении государственного контракта, по мнению автора, наиболее значимыми правовыми проблемами являются:

— за более чем 7-летнюю историю существования, в Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» редактировался 79 раз. При этом специалисты понимают, что нынешняя редакция Федерального закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» не является окончательной. В рамках реализации положений Федерального закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» принято огромное количество под законодательных актов, в том числе регулирующие отношения, связанные с заключением и исполнением государственных контрактов. Так например, разработанный и утвержденный в 2018 году Минтруд России типовой контракт на поставку кресел-колясок для инвалидов, являющийся обязательным для применения заказчиками, не учитывает изменения законодательства 2019–2021 года: заключение контракта по максимальному значению цены контракта, о порядке и сроке предоставления поставщиком обеспечения гарантийных обязательств, о праве применять авансирование, о сроке оплаты, о сроке возврата поставщику денежных средств внесенных в качестве обеспечения исполнения контракта и т. д. До настоящего времени в Приказ Минтруда России от 28.09.2018 N 605н «Об утверждении типового контракта на поставку кресел-колясок для инвалидов, заключаемого с единственными поставщиками, и информационной карты типового контракта на поставку кресел-колясок для инвалидов, заключаемого с единственными поставщиками» не вносились изменения. Не соответствие типового контракта, обязательного для применения, нормам действующего

законодательства, ставит заказчиков в двусмысленное положение. На официальном сайте ФАС России <https://fas.gov.ru> по состоянию на 29.01.2021 г. размещен «Перечень нормативно-правовых актов, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении ФАС России мероприятий по государственному контролю (надзору) за соблюдением законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», куда в том числе входит Приказ Минтруда России от 28.09.2018 N 605н «Об утверждении типового контракта на поставку кресел-колясок для инвалидов, заключаемого с единственными поставщиками, и информационной карты типового контракта на поставку кресел-колясок для инвалидов, заключаемого с единственными поставщиками».

— нормативными правовыми актами, принятыми в рамках статьи 14 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ и устанавливающими ограничения, условия допуска товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок определены случаи, при которых заказчик при исполнении контракта не вправе допускать замену товара или страны происхождения товара. Так, например, в силу ч.2(1) Постановления Правительства от 05.02.2015 № 102 установлено «В случае если заявка (окончательное предложение), которая содержит предложение о поставке медицинских изделий, включенных в перечень N 1 или перечень N 2 и происходящих из иностранных государств (за исключением государств — членов Евразийского экономического союза), не отклоняется в соответствии с установленными настоящим постановлением ограничениями, применяются условия допуска для целей осуществления закупок товаров, происходящих из иностранного государства или группы иностранных государств, установленные федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»... В случае если ограничения, предусмотренные Постановлением Правительства № 102 не сработают, то заказчик применяет условия допуска установленные приказом Минфина России от 04.06.2018 № 126н, согласно которым «При исполнении контракта на поставку товаров, указанных в Приложениях, не допускается замена страны происхождения данных товаров, за исключением случая, когда в результате такой замены страной происхождения товаров, указанных в Приложениях, будет являться государство — член Евразийского экономического союза». (1.7). Не редки случаи когда, осуществив закупку медицинского изделия иностранного происхождения, при исполнении контракта, заказчику вынужден отказаться от приемки товара, так как в контракте указана, страна происхождения товара, не соответствующая стране поставляемого товара. Данные ситуации встречаются достаточно часто и связано это с тем, что производитель имеет несколько производственных

площадок, расположенных в разных странах. Рассмотрим, конкретный пример, заказчик осуществлял закупку медицинских изделий с учетом принятых в рамках реализации ст.14 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ ограничений установленных Постановлением Правительства РФ от 05.02.2015 № 102 и условий допуска предусмотренных Приказом Минфина России от 04.06.2018 № 126 н. По результату закупки выиграл Поставщик, предложивший к поставке медицинское изделие — шприц без игл или с приложенными иглами, организация заявитель медицинского изделия B.Braun Melsungen AG, Carl-Braun-Str.1, 34212 Melsungen, Germany, регистрационное удостоверение от 31 декабря 2009 года № ФСЗ 2009/05984. При исполнении контракта заказчик был вынужден отказать Поставщику в приемке указанного медицинского изделия, так как производственной площадкой поставленной партии товара является не B.Braun Melsungen AG, Carl-Braun-Str. 1, 34212 Melsungen, Germany, а B. Braun Medical. AG, HauptstraPe 39, 6182 Escholz matt, Switzerland. В рассматриваемом случае при поставке товара не происходит ни замена товара, ни замена производителя, но, тем не менее, заказчик обязан отказать в приемке товара, так как страной происхождения будет не заявленная ранее Поставщиком Germany, а Switzerland. Указанный вывод соответствует определению Верховного Суда РФ от 27.05.2019 N 305-ЭС19–6288 по делу N A40–223309/2017. В целях избежания таких ситуаций, по мнению автора, целесообразно указывать информацию о нескольких странах происхождения товара в составе заявки на участие в закупке, что соответствует выводам Министерства финансов РФ, органа осуществляющего нормативно-правовое регулирование, изложенным в письме от 07.11.2017 N 24–06–01/73251 с учетом определения Верховного Суда Российской Федерации от 20.06.2017 N 306-КГ17–552 по делу N A49–307/2016. В противном случае, поставляемый товар, происходящий из иной страны, нежели указанная в контракте, не будет принят и оплачен заказчиком, поскольку он не соответствует условиям контракта. В случае приемки и оплаты заказчиком товар, происходящего из иной страны, нежели указанная в контракте, действия заказчика могут быть квалифицированы как административное правонарушение, предусмотренное ч. 10 ст. 7.32 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

— нормативными правовыми актами, принятыми в рамках статьи 14 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ и устанавливающими ограничения, условия допуска товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок также определены порядок их применения и условия заключения контракта. Так в силу ч.2(1) Постановления Правительства от 05.02.2015 № 102 «В случае если заявка (окончательное предложение), которая содержит предложение о поставке медицинских изделий, включенных в перечень N 1 или перечень N 2 и происходящих из иностранных государств (за исключением государств — членов Евразийского экономического союза), не отклоняется в соот-

ветствии с установленными настоящим постановлением ограничениями, применяются условия допуска для целей осуществления закупок товаров, происходящих из иностранного государства или группы иностранных государств, установленные федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».. в случае если ограничения предусмотренные Постановлением Правительства № 102 не срабатывают, то заказчик применяет условия допуска установленные приказом Минфина России от 04.06.2018 № 126н, согласно которым «Установить следующие условия допуска товаров, происходящих из иностранного государства или группы иностранных государств, допускаемых на территорию Российской Федерации для целей осуществления закупок товаров для обеспечения государственных и муниципальных нужд, указанных в приложении N 1, приложении N 2 к настоящему приказу (далее при совместном упоминании — Приложения) (1)». Осуществляя закупку таких медицинских изделий как одежда медицинская, одежда специальная для поддержания физической формы, специальные хирургические одноразовые стерильные изделия из нетканых материалов для защиты пациентов и медицинского персонала (код ОКПД2–14.12, 14.19) заказчик обязан применять ограничения предусмотренные Постановлением Правительства от 05.02.2015 № 102, и в случае если они не срабатывают, то условия допуска установленные приказом Минфина России от 04.06.2018 № 126н. Однако приложения № 1 и приложения № 2 к указанному приказу не содержат такие медицинские изделия как одежда медицинская, одежда специальная для поддержания физической формы, специальные хирургические одноразовые стерильные изделия из нетканых материалов для защиты пациентов и медицинского персонала (код ОКПД2–14.12, 14.19). Возникает вопрос: надо ли применять условия допуска, предусмотренные положениями приказом Минфина России от 04.06.2018 № 126н к товарам, включенным в перечни из Постановления Правительства от 05.02.2015 № 102, но не указанные в перечне, прилагаемой к приказу Минфина России от 04.06.2018 № 126н? Казалось бы, формулировки Постановлений Правительства от 05.02.2017 N 102 не дают поводов для сомнений, однако согласно разъяснений Минфина от 16.06.2017 № 24–06–07/37742 в случае если покупаемый товар не включен в соответствующий перечень товаров согласно приказа, требования, установленные приказом, в отношении такой закупки неприменимы. При этом Постановление Правительства РФ от 05.02.2015 № 102 имеет приоритет над приказом Минфина России от 04.06.2018 № 126н как акт большей юридической силы. При этом заказчик должен понимать, что в случае заключения контракта с нарушением объявленных условий определения поставщика, действия заказчика могут быть квалифицированы как администра-

тивное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 7.32 Кодекса РФ об административных правонарушениях. В рассматриваемом случае все зависит от позиции контролирующих органов, чем они будут руководствоваться при принятии решения.

— в силу ч.5 ст.34 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «В случае просрочки исполнения заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом, а также в иных случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом, поставщик (подрядчик, исполнитель) вправе потребовать уплаты неустоек (штрафов, пеней). Пени начисляется за каждый день просрочки исполнения обязательства, предусмотренного контрактом, начиная со дня, следующего после дня истечения установленного контрактом срока исполнения обязательства. Такая пеня устанавливается контрактом в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пеней ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации от не уплаченной в срок суммы. Штрафы начисляются за ненадлежащее исполнение заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом, за исключением просрочки исполнения обязательств, предусмотренных контрактом. Размер штрафа устанавливается контрактом в порядке, установленном Правительством Российской Федерации». Ранее автор работы отмечал, что ответственность за нарушение обязательств, является существенным условием государственного контракта. При этом, как мы видим, Закон четко устанавливает размер пени за просрочку исполнения заказчиком обязательств — одна трехсотая действующей на дату уплаты пеней ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации от не уплаченной в срок суммы за каждый день просрочки исполнения обязательства, предусмотренного контрактом, начиная со дня, следующего после дня истечения установленного контрактом срока исполнения обязательства. Размер штрафа устанавливается самим контрактом в виде фиксированной суммы, определенной в порядке, установленном Постановлением Правительства РФ от 30 августа 2017 г. N 1042. Наиболее частым нарушением обязательств со стороны заказчиков по государственному контракту, является нарушением срока оплаты. Е смотря на положения ст.72 Бюджетного кодекса, а также ст.16 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ в силу которых государственные контракты заключаются в соответствии с планом-графиком закупок товаров, и оплачиваются в пределах лимитов бюджетных обязательств, нередко случаи когда происходит недофинансирование заказчика со стороны соответствующего распорядителя бюджетных средств. Частью 9 ст. 34 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ установлены специальные основания освобождения стороны контракта от ответственности «сторона освобождается от уплаты неустойки (штрафа, пени), если докажет, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, предусмотренного контрактом, произошло вследствие непреодолимой силы или по вине другой стороны». Од-

нако, данные обстоятельства не могут служить основанием как для снижения размера неустойки, так и для освобождения от неустойки. Так согласно правовой позиции, изложенной:

— в пункте 73 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» «Доводы ответчика о невозможности исполнения обязательства вследствие тяжелого финансового положения, наличия задолженности перед другими кредиторами, наложения ареста на денежные средства или иное имущество ответчика, отсутствия бюджетного финансирования, неисполнения обязательств контрагентами, добровольного погашения долга полностью или в части на день рассмотрения спора, выполнения ответчиком социально значимых функций, наличия у должника обязанности по уплате процентов за пользование денежными средствами (например, на основании статей 317.1, 809, 823 ГК РФ) сами по себе не могут служить основанием для снижения неустойки»;

— в пункте 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 N 21 (ред. от 28.05.2019) «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров с участием государственных и муниципальных учреждений, связанных с применением статьи 120 Гражданского кодекса Российской Федерации» «недофинансирование учреждения со стороны собственника его имущества само по себе не может служить обстоятельством, свидетельствующим об отсутствии вины учреждения, и, следовательно, основанием для освобождения его от ответственности на основании пункта 1 статьи 401 Кодекса».

По мнению автора, взыскание неустойки с заказчиков в связи с нарушением срока оплаты в виду отсутствия финансирования, содержат правовую проблему, ведь фактически вины в несвоевременном исполнении обязательств со стороны заказчика в рассматриваемом случае нет. Однако судебная практика по этому вопросу сложилась и по решению суда неустойка взыскивается в полном объеме до фактического исполнения заказчиком своего обязательства: дело № А74-5634\2020, А27-15996\2020, А82-8982\2020, А72-9497\2020, А39-7856\2020.

Кроме того, следует обратить внимание и на положения КоАП РФ, согласно ст.7.32.5 КоАП РФ должностное лицо заказчика за нарушение срока и порядка оплаты товаров при осуществлении закупок для обеспечения государственных нужд, в том числе неисполнение обязанности по обеспечению авансирования, предусмотренного государственным контрактом, несет административную ответственность. Как было уже отмечено ранее, зачастую должностное лицо заказчика не может исполнить обязательства по оплате в связи с отсутствием финансирования. Так, постановлением начальника отдела организационно-правового обеспечения и контроля в сфере закупок Министерства экономики Пензенской области от 21 мая 2020 г. N 11-05/2020 главный врач Государствен-

ного бюджетного учреждения здравоохранения признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 7.32.5 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа в размере 30 000 рублей. Решением судьи Первомайского районного суда г. Пензы от 22 июня 2020 года N 12–140/2020 указанное постановление должностного органа оставлено без изменения. Решением Пензинского областного суда от 23.07.2020 по делу N 7–244/2020 постановление начальника отдела организационно-правового обеспечения и контроля в сфере закупок Министерства экономики Пензенской области от 21 мая 2020 г. N 11–05/2020 и решение судьи Первомайского районного суда г. Пензы от 22 июня 2020 г. N 12–140/2020 по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 7.32.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, было отменено на основании доказательств свидетельствующих, что главный врач, как руководитель учреждения не бездействовал, неоднократно обращался в Министерство здравоохранения Пензенской области, являющееся учредителем Государственного бюджетного учреждения здравоохранения, а также в комиссию по разработке территориальной программы обязательного медицинского страхования при Территориальном фонде обязательного медицинского страхования Пензенской области, указывая на необходимость предоставления дополнительных финансовых средств учреждению для погашения кредиторской задолженности и выплаты заработной платы сотрудникам лечебного учреждения.

Аналогичные выводы сделаны Санкт-Петербургским городским судом 21.01.2020 по делу N 12–758/2019. В решении суда указано «В соответствии со статьей 1.5 КоАП РФ лицо подлежит административной ответственности

только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. Неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица. Отменяя постановление должностного лица, судья Петроградского районного суда Санкт-Петербурга, указала, что в постановлении отсутствуют исследование и оценка доказательств, на основании которых должностным лицом установлены обстоятельства правонарушения и сделан вывод о наличии в действиях главного бухгалтера признаков вмененного правонарушения.

Данный вывод следует признать правильным, поскольку должностным лицом, при вынесении постановления не дана оценка доводам главного бухгалтера о том, что ее вины в нарушении сроков оплаты не имеется, причиной задержки стало неисполнение бюджетных обязательств по доведению предельных объемов финансирования, невозможности воспользоваться остатками целевой субсидии за 2018 год. При этом суд учитывает, что согласно п. 6.3 гражданско-правового договора, оплата поставленного товара производится за счет средств целевых субсидий. Согласно сведениям об операциях с субсидиями на 2019 года, а также выписки из отдельного лицевого счета бюджетного учреждения, остатки средств на лицевом счете, к использованию не разрешены. Таким образом, на лицевом счете фактически отсутствовали денежные средства, разрешенные к использованию, в том числе для оплаты договора».

Автор работы обращает внимание на тот факт, что перечень правовых проблем, указанный автором не исчерпывающий, по мнению автора он очень большой и требует детальной проработки с последующим изменением законодательства о контрактной системе в части заключения и исполнения государственного контракта.

Литература:

1. Постановление Правительства от 05.02.2015 № 102 «Об ограничениях и условиях допуска отдельных видов медицинских изделий, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд»// КонсультантПлюс
2. Приказ Минфина России от 04.06.2018 N 126н «Об условиях допуска товаров, происходящих из иностранного государства или группы иностранных государств, для целей осуществления закупок товаров для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // КонсультантПлюс
3. Приказ Минтруда России от 28.09.2018 N 605н «Об утверждении типового контракта на поставку кресел-колясок для инвалидов, заключаемого с единственными поставщиками, и информационной карты типового контракта на поставку кресел-колясок для инвалидов, заключаемого с единственными поставщиками»
4. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»// Консультант Плюс
5. Картотека арбитражных дел: дело № А74–5634\2020, А27–15996\2020, А82–8982\2020, А72–9497\2020, А39–7856\2020.
6. Определение Верховного Суда РФ от 27.05.2019 N 305-ЭС19–6288 по делу N А40–223309/2017
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»// Консультант Плюс
8. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 N 21 (ред. от 28.05.2019) «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров с участием государственных и муниципальных учреждений, связанных с применением статьи 120 Гражданского кодекса РФ»// Консультант Плюс

9. Решение Санкт-Петербургским городским судом 21.01.2020 по делу N 12–758/2019// КонсультантПлюс
10. Решение Пензинского областного суда от 23.07.2020 по делу N 7–244/2020// консультантПлюс

Проблемы компенсации морального вреда как способа защиты чести, достоинства и деловой репутации

Гусев Николай Владимирович, студент магистратуры

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

В современном обществе важную роль играет информация и процессы её создания, получения и распространения. Далеко не всегда влияние распространяемой информации о гражданах и юридических лицах оказывается положительным. К сожалению, используя своё конституционное право на свободу слова и выражения собственного мнения, граждане или юридические лица могут посредством распространения информации нарушать право других лиц на честь, достоинство и деловую репутацию. Важным и очень распространённым способом защиты права на честь, достоинство и деловую репутацию является компенсация морального вреда, поскольку помимо ущерба, наносимого непосредственно чести, достоинству и деловой репутации, распространение порочащей эти нематериальные блага информации очень часто вызывает у граждан нравственные и физические страдания, а юридическим лицам наносит нематериальный и репутационный ущерб, что существенно нарушает их функционирование и жизнедеятельность. В данной статье рассматриваются вопросы законодательного регулирования компенсации морального вреда, а также проблемные вопросы, связанные с реализацией данного способа защиты права на честь, достоинство и деловую репутацию. В содержании статьи, в результате изучения юридической литературы, выявлены и рассмотрены несколько ключевых проблем, возникающих в процессе взыскания компенсации морального вреда, а также изучены и приведены предлагаемые решения данных проблем. Прежде всего это проблемы терминологического обоснования морального вреда; проблемы определения размера компенсации морального вреда; а также проблемы компенсации морального вреда в контексте защиты деловой репутации юридических лиц.

Достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни согласно ст. 150 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) относятся к нематериальным благам, которые выступают одним из важнейших элементов гражданских правоотношений [29, с. 75]. Статья 12 ГК РФ закрепляет способы защиты прав, применяемые в том числе и к нематериальным благам. Их защита будет осуществляться в порядке и пределах, установленных ГК РФ, а также другими законами. Так, в соответствии со ст. 152 ГК РФ гражданину принадлежит не только право требования опровержения в судебном порядке сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, но и право возмещения убытков и компенсации морального вреда, причинённых распространением таких сведений [1, ст. 152].

Именно с принятием судами решений о компенсации морального вреда связано большинство проблем судебной защиты личных неимущественных прав [10, с. 8].

О таком способе защиты нематериальных благ, как компенсация морального вреда, было известно ещё в Древней Руси [32, с. 84]. Проследить развитие вопроса о защите таких прав можно начиная с «Русской Правды». В данном документе говорилось о таком нарушении нематериальных благ, как обида, и за причинение данного «вреда» предусматривались положения о взыскании с виновного

определённой компенсации. Примеры закрепления способов защиты своего личного нематериального блага можно увидеть в Соборном Уложении 1649 года, Своде законов Российской империи и иных нормативно-правовых актах. После революции 1917 года институт защиты нематериальных благ претерпел изменения. Нормы о защите нематериальных благ были исключены из гражданского законодательства. В категорию нематериальных благ тогда отнесли только честь и достоинство, защита этого нарушенного права могла быть осуществлена только путём опровержения распространённых сведений, носящих неправдивый или порочащий характер.

Гражданско-правовая судебная защита чести и достоинства была установлена в статье 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и введена в действие с 1 мая 1962 года [25, с. 86]. В Гражданском кодексе РСФСР 1964 года (ст. 7) были закреплены нормы о защите чести и достоинства. К концу существования Советского государства институт защиты нематериальных благ вновь приобрёл такое понятие, как компенсация морального вреда. В 1991 году изменения, внесённые в ст. 7 Гражданского кодекса РСФСР, позволили предъявлять иски о компенсации морального вреда при посягательствах на честь, достоинство и деловую репутацию.

Широкое распространение способов защиты нематериальных благ и обширный перечень этих благ был закре-

плён в Гражданском кодексе РФ в 1994 году. В статье 150 ГК РФ были перечислены нематериальные блага, которые обеспечивались каждому человеку: жизнь и здоровье, достоинство личности, неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства. Помимо того, что в ГК РФ приведён перечень этих прав, в его статьях были перечислены способы и механизмы защиты этих нематериальных благ и разделение этих способов на общие и специальные. В соответствии с ГК РФ компенсация морального вреда является общим способом, а, например, опровержение порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений — специальным способом.

Согласно ст. 151 ГК РФ, моральный вред определяется как физические или нравственные страдания, причинённые гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом. Более развёрнутое определение морального вреда даётся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»: в соответствии с п. 2 данного Постановления [5, п. 2], под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причинённые действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина. Также, согласно п. 2 данного Постановления, моральный вред, в частности, может заключаться в переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причинённым увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесённым в результате нравственных страданий и др.

В юридической литературе можно выделить некоторые терминологические проблемы, связанные с определением и содержанием понятия морального вреда.

Исходя из рассмотренных нами выше определений морального вреда, представленных в ГК РФ и в Постановлении Пленума ВС РФ N 10 от 20.12.1994 г., можно

сделать вывод, что само понятие «моральный вред» раскрыто достаточно расплывчато и обобщённо, тем самым создаются сложности при его доказывании — причинение гражданину физических или нравственных страданий, явившихся следствием нарушения нематериальных благ и неимущественных прав гражданина. По мнению Л. А. Шигониной и Э. Р. Куртмаллаевой [33, с. 1314], для упрощения доказывания необходимо внести конкретику в понятие морального вреда, поскольку в законодательстве дано определение широкого формата. С точки зрения данных авторов, внесение конкретики в понятие морального вреда должно заключаться прежде всего во включении в определение данного понятия разъяснения свойств нравственного и физического страдания, однако перечень данных свойств не должен быть исчерпывающим.

Ряд авторов высказывает точки зрения на определение морального вреда в целом: употреблять ли понятие «моральный вред» или целесообразно заменить его каким-либо другим термином? [20, с. 72]. По мнению О. Е. Чорновол [31, с. 14], правильнее было бы руководствоваться понятием «психический вред», поскольку моральный вред проявляется в негативных психических реакциях потерпевшего. Таким образом, согласно данной точке зрения, «вред» как общее понятие подразделялся бы на «имущественный, телесный или психический вред». А. В. Жаглин [15, с. 63] отмечает, что сам термин «моральный вред» неточен: под ним понимают как собственно «моральный вред, причинённый в сфере нравственных чувств и отношений, так и всякий иной вред (психические травмы, увечье и т. п.), который хотя далеко выходит за рамки морального, также не является имущественным» [15, с. 63]. В связи с этим сторонники рассматриваемой точки зрения предлагают заменить понятие морального вреда понятием вреда неимущественного. Однако существует и альтернативная точка зрения, которой придерживается, например, А. С. Батыров [8, с. 138], который считает более целесообразным использование термина «моральный вред», закреплённого в действующем законодательстве. По мнению данного автора, это позволяет избежать дополнительных трудностей в правоприменительной деятельности и судебной практике.

Как отмечают М. М. Колесникова и А. В. Семёнов [20, с. 73], такая терминологическая дискуссия, хотя и правильная по существу, в данном случае ведёт лишь к запутыванию проблемы, поскольку очевидно, что законодатель, используя понятие «моральный вред», в действительности вкладывает в него более широкое содержание.

Вторая проблема, связанная с терминологией, затрагивает использование термина «страдания» как основного элемента определения понятия «моральный вред». Проанализировав понятие морального вреда, можно заметить, что законодатель выделяет слово «страдание» (то есть негативную психическую реакцию лица на совершение в отношении него противоправных действий) в качестве приоритетного и главенствующего при раскрытии

«морального вреда». Однако несмотря на полноту определения морального вреда, данного в Постановлении Пленума ВС РФ N 10 от 20.12.1994 г., следует констатировать, что судом не дано общее определение понятий физических или нравственных страданий, хотя имеется небезуспешная попытка раскрыть содержание такого вида морального вреда, как страдания нравственные. В частности, суд под ним понимает переживания [28, с. 92].

Приоритет, отдаваемый законодателем категории «страданий» при определении понятия морального вреда, по мнению Е. Ф. Сливкиной [28, с. 92] нельзя считать вполне обоснованным. Самым термином «страдания» уже заранее предопределяется обязательность определённой психической реакции пострадавшего в ответ на действия правонарушителя. Именно интеллектуальное осознание потерпевшим умаления своего блага вызывает у него психологический дискомфорт и приводит к нарушению нормального биологического функционирования его организма. Поэтому в целом страдания являются психической реакцией человека на нарушение принадлежащего ему блага, а следовательно, самостоятельное использование термина «физические страдания», так же, как и «нравственные страдания», не несёт практического значения, т. к. такие страдания отражаются только в психике потерпевшего (имеется в виду эмоциональная сфера). Следовательно, термин «нравственные и физические страдания» может быть заменён термином «переживания», под которыми в составе понятия «моральный вред» в гражданском законодательстве будут пониматься любые дискомфортные состояния, негативные эмоции пострадавшего, вызванные нарушением принадлежащих ему как материальных, так и материальных благ.

В юридической литературе встречались попытки определить нравственные страдания как «переживания, в содержание которых могут входить страх, стыд, унижение, иное неблагоприятное в психологическом плане состояние, сказывающееся на здоровье человека», как «родовой термин, обозначающий негативные эмоции и эмоциональные состояния (например, личностные комплексы), вызванные неправомерным вторжением в сферу нравственного сознания личности» [17, с. 14]. Однако, использование категории «переживания» признаётся отдельными авторами весьма неудачным. Например, А. М. Эрделевский считает необходимым определить их как «негативные психические реакции человека, выражающиеся в ощущениях и представлениях», указывая при этом на нецелесообразность рассмотрения их содержательной стороны, т. к. невозможно объективно сравнить «тошноту и удушье...страх и горе...». Из этого учёный делает вывод, что не сам характер страданий важен для определения размера компенсации морального вреда, а значимость тех нематериальных благ, которым причиняется вред [37, с. 133].

Физические страдания обычно понимаются как причинение человеку физической боли или иного дискомфорта в виде тошноты, зуда и др. Анализ различных мнений

по данному вопросу позволяет сделать вывод, что ключевой составляющей физических страданий является именно боль. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» от 20.12.1994 г. N 10 в качестве одного из признаков морального вреда также указывается боль [5].

О. В. Дмитриева разделяет физические страдания на первичные, испытываемые непосредственно при нарушении неимущественных благ личности и влекущие впоследствии нравственные страдания (например, боль от ожога кислотой, повлекшего неизгладимое обезображивание лица, влечёт затем и душевные переживания), и вторичные, являющиеся результатом нравственных страданий (например, болезненные изменения в организме в результате эмоционального стресса) [14, с. 61].

Некоторые исследователи, разграничивая моральный и неимущественный вред, считают невозможным включение физических страданий в понятие морального вреда. Так, Е. А. Михно [24, с. 45] понимает под моральным вредом «отрицательные последствия нарушения имущественных или неимущественных благ, выразившиеся в душевных страданиях или переживаниях». Таким образом, основание для денежной компенсации морального вреда считается только правонарушение, в результате которого лицо претерпело эмоциональный урон. Далее автор указывает, что «физические страдания как правовая категория не могут быть включены в содержание понятия «моральный вред». Они приобретают юридическую значимость для возложения гражданско-правовой ответственности за причинение морального вреда лишь постольку, поскольку вызывают нравственные страдания (к примеру, при обезображивании лица денежная компенсация должна быть выплачена не за сам факт такого увечья, а за тот эмоциональный ущерб, который потерпевший понёс в результате увечья» [24, с. 45].

Представляется разумным согласиться с мнением А. В. Жаглина, обратившего внимание на то, что, определяя значение термина «физические страдания», правоведы обходят вниманием понятие «характер физических страданий» [15, с. 64]. М. Н. Малеина предлагает при оценке степени испытываемых потерпевшим физических страданий при нанесении вреда здоровью использовать критерии, применяемые в уголовном праве, т. е. степень тяжести причинённого вреда [22, с. 20]. А. В. Жаглин считает, что использование для оценки физических страданий только тяжести причинённого вреда явно недостаточно, если речь идёт «не об обычном человеке» [15, с. 64]. Он настаивает на разграничении понятий «физические страдания» и «физический вред» и учёте индивидуальных особенностей потерпевшего при определении характера физических страданий. Следовательно, при определении характера физических страданий следует принимать во внимание: силу и длительность физических страданий; качество переживаемых страданий как следствие первого критерия, например, имеющиеся на-

рушения в организме и возможность их устранения; наличие последующих нравственных переживаний, психических травм, комплексов и т. п., где, безусловно, должны учитываться индивидуальные особенности потерпевшего [20, с. 73].

Если говорить о проблемах общего характера, связанных с законодательным регулированием вопросов компенсации морального вреда, то следует отметить наличие правового дисбаланса между статьями 151 и 1101 ГК РФ в контексте компенсации морального вреда в спорах о защите чести, достоинства и деловой репутации [19, с. 5]. Если ещё раз обратиться к понятию морального вреда, то оно заключается в физических или нравственных страданиях, испытываемых лицом при нарушении его личных неимущественных или иных нематериальных благ. Исходя из этого, при наличии юридических факторов для возникновения правоохранительного отношения по защите чести, достоинства и деловой репутации возможным является применение статьи 151 ГК РФ, в которой указано, что суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. Соответственно, данная мера наказания будет являться компенсацией морального вреда. Но в то же время согласно п. 1 статьи 1101 ГК РФ компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме. В связи с изложенным, следует отметить наличие правового дисбаланса между статьёй 151 ГК РФ (компенсация морального вреда) и статьёй 1101 ГК РФ (способ и размер компенсации морального вреда), т. к. ст. 151 ГК РФ устанавливает возможность денежной формы компенсации указанного вреда, а п. 1 ст. 1101 ГК РФ устанавливает обязательность данной денежной формы. Наличие данного дисбаланса требует доработки действующего законодательства в вопросе компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных прав гражданина (защита чести и достоинства).

Как отмечает А. В. Шкитова [35, с. 57], российскому законодательству следует разрешить вопрос как об определении некоторых критериев возмещения морального вреда, так и об ответственности за распространение любых сведений, порочащих лицо, а также постараться установить более чёткий порядок взыскания с ответчиков компенсации за причинение неимущественного морального вреда, и правила расчёта морального вреда. Так как на сегодняшний день официальной методики определения размера компенсации морального вреда нет, многое зависит при вынесении решения в суде от убедительности доводов истца. При этом, суды действуют на своё личное усмотрение в рамках предоставленной им законом процессуальной свободы, исходя в первую очередь из максимально возможного возмещения истцу реально причинённого ему морального вреда, не допуская неправомерного обогащения. Но при этом определяя суммы, соответствующие финансовому статусу ответчика, не введя последнего в тяжёлое положение.

Важной особенностью современного гражданского законодательства является отсутствие закрепления презумпции морального вреда [28, с. 93]. В связи с этим, доказательство таких фактов, как наличие данного вреда, его характера и интенсивности, возлагается, на основании статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2, ст. 56]. Обычно в качестве доказательств в подобных судебных процессах используются различного рода медицинские документы и материалы правоохранительных органов, в которых отражены полученные телесные повреждения, продолжительность расстройства здоровья, характер оказанной медицинской помощи, последствия, которые возникнут в будущем (например, невозможность иметь детей, инвалидность и т. д.). Довольно часто используются и показания свидетелей, контактировавших с пострадавшим. В данном случае важной проблемой является то обстоятельство, что наличие морального вреда реально доказать только в случае, когда нравственные и физические страдания потерпевшего имеют какие-либо внешние проявления, в качестве которых чаще всего выступает ухудшение здоровья. Не секрет, что душевные переживания лица не всегда могут влечь столь явные последствия, видимые посторонним, вследствие чего доказывание факта причинения морального вреда в подобных случаях весьма проблематично.

Для решения обозначенной проблемы некоторыми авторами, в частности А. М. Эрделевским, предлагается ввести правило презюмирования морального вреда в некоторых случаях. Обращаясь к зарубежному опыту, он считает необходимым ввести в оборот концепцию среднего разумного человека, согласно которой такой человек в сравнимых обстоятельствах должен испытывать определённые страдания. Сами страдания и их интенсивность при этом презюмируются.

Соглашаясь с данным автором, А. С. Батыров обозначает такие положительные моменты этой концепции, как: облегчение процесса доказывания, освобождение потерпевшего от причинения ему повторного морального вреда во время описания его страданий и, наконец, наличие объективных критериев, которые могут быть использованы для расчёта и присуждения справедливой суммы в качестве компенсации. Однако, отрицательной стороной анализируемой концепции является весьма формальный учёт особенностей личности самого потерпевшего [8, с. 138].

Необходимость законодательного закрепления презумпции морального вреда представляется весьма актуальной и оправданной по следующим основаниям: это явно упростит процесс доказывания, а также будет способствовать устранению противоречий между судебной практикой и действующим законодательством, т. к. анализ судебной практики свидетельствует о фактическом применении судами данной презумпции по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Лишь установив факт наличия неправомерного действия в отношении

потерпевшего, суды считают такой вред причинённым и занимаются решением вопроса о размере его компенсации [28, с. 93].

Поэтому закрепление в ст. 151 ГК РФ презумпции причинения морального вреда противоправным нарушением неимущественных благ пострадавшего является вполне целесообразным и оправданным. Таким образом истец будет освобождён от доказывания факта наличия страданий, а ответчик получит право опровергнуть установленную законом презумпцию.

Некоторые авторы обращают внимание на то, что при современном подходе к определению морального вреда как физических и нравственных заданий без защиты остаются некоторые категории граждан, не способных понимать характер порочащей их информации или действий и вследствие этого испытывать какой-либо душевный дискомфорт: лица с умственной отсталостью, несовершеннолетние, потерявшие память [20, с. 73]. Например, при реализации права требования компенсации морального вреда в исках о защите чести, достоинства по отношению к несовершеннолетним возникают проблемы, поскольку родители определяют самостоятельно нанесённый моральный вред их ребёнку [27, с. 30]. Согласно ст. 57 Семейного кодекса Российской Федерации [3, ст. 57], ребёнок вправе выражать своё мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Мнение ребёнка обязательно учитывается при достижении им десятилетнего возраста, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам.

В этой связи необходимо расширить круг субъектов, обладающих правом требования компенсации морального вреда. Законодатель исходит из того, что по правовой природе компенсация морального вреда невозможна, в связи с тем, что указанные лица не всегда могут испытывать нравственные и физические страдания.

Существенной проблемой является определение размера компенсации морального вреда. Согласно позиции Верховного Суда РФ, выраженной в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», размер компенсации морального вреда зависит от характера и объёма причинённых истцу нравственных или физических страданий, степени вины ответчика в каждом конкретном случае, иных заслуживающих внимания обстоятельств. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости.

Рассматривая проблематику определения размера компенсации морального вреда. Следует отметить, что все люди разные: для кого-то достаточно 50 тысяч рублей, а кому-то будет мало и 500 тысяч рублей. А кого-то деньги в данном споре могут не интересовать вообще. Данную проблему можно решить путём внесения в законодательство альтернативных форм ответственности за нарушение

таких прав, с правом выбора потерпевшего [30, с. 454]. Так, следует, учитывая специфику нематериальных благ, предусмотреть в действующем законодательстве как материальные, так и нематериальные формы компенсации. К примеру — право требовать восстановления психического состояния, например путёвка в дом отдыха; право на оказание какой-либо услуги, эквивалентно понесённым страданиям.

Весьма сложной задачей является доказывание уровня моральных страданий потерпевшего и оценка их в денежном выражении, и данная задача требует доработки со стороны законодателя. Справедливости ради следует отметить, что разработки в данном направлении ведутся, хотя и достаточно медленно. В 2019 году в Государственную Думу РФ было внесено на рассмотрение предложение о компенсации морального вреда в виде пожизненных выплат [11, с. 92].

Действующее гражданское законодательство не устанавливает ни минимального, ни максимального размера компенсации морального вреда, а также не содержит формулы или пропорций, согласно которым возможно производить расчёты размера компенсации, передавая решение данных вопросов всецело на усмотрение суда. В Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утверждённом Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.03.2016 г., суд привёл данные, позволяющие сделать вывод, что гражданин, чьим чести, достоинству или деловой репутации причинён вред, не может физически и душевно страдать на сумму, превышающую пять тысяч рублей, а также указал на особую природу морального вреда, не поддающуюся точному исчислению [6]. В качестве одного из основных источников, регулирующих вопросы компенсации морального вреда, в данном обзоре упоминается Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда». Указанный документ, в свою очередь, не содержит дополнительной информации о порядке исчисления морального вреда, за исключением того, что судам рекомендуется устанавливать, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий. Чем заявитель может подтвердить причинение ему таких страданий, а, главное, их размер, Верховный Суд РФ не уточнил.

В такой ситуации суды по гражданским делам «вынуждены» повторять друг за другом определённый размер присуждаемой компенсации, независимо от разности в обстоятельствах дела, либо, что ещё хуже — «изобретать» некий размер, который отличается от обычно применяемого размера по конкретной категории дел, что, однако, также никак не объясняется в судебном акте [16, с. 49].

Размер компенсации морального вреда должен быть более чётко законодательно определён, однако, прежде чем вводить формулу и коэффициенты расчётов в прак-

тику, необходимо отработать их применение путём расчётов на «прошлых», уже разрешённых делах, далее провести необходимую коррекцию, выработать рекомендации, и только после этого формулы и коэффициенты могут быть применены в правосудии.

Необходимо также учитывать, что множественность и многогранность условий определения размера компенсации морального вреда делают невозможность точную оценку причинённых потерпевшему душевных страданий. Как отмечают, К. И. Голубев и С. В. Нарижный [12, с. 25], эта невозможность во многом предопределяет известную ещё с прошлых веков доктрину, согласно которой при определении размера денежного вознаграждения свободное и справедливое судебское усмотрение является составной частью института компенсации морального вреда.

По мнению М. Н. Малеиной [21, с. 27], правильным будет установление в законе минимального размера компенсации за неимущественный вред, связанного с кратным (к примеру, трех-, четырех- или более) размером минимальной заработной платы. При этом минимальный размер компенсации должен быть обязательным для суда, а не для потерпевшего. То есть, если потерпевший заявит размер компенсации менее установленного, суд должен удовлетворить требование потерпевшего в соответствии с поданным иском. В случае, если истец указывает в исковом заявлении размер компенсации, превышающий минимальную сумму, то суд был бы не вправе снизить размер ниже установленной в законе величины.

Определение критериев размера компенсации морального вреда предлагается М. Н. Малеиной в следующей системе [23, с. 60].

Во-первых, это общие критерии определения компенсации неимущественного вреда, применяемые при нарушении любого субъективного права. Общими критериями определения размера компенсации должны стать форма и степень вины нарушителя, а также общественная оценка действия (бездействия), вызвавшего вред.

Во-вторых, частные, или же дополнительные к общим критерии определения компенсации неимущественного вреда, используемые при нарушении конкретного субъективного права. Например, при нарушении правомочия неприкосновенности индивидуального облика для определения размера компенсации неимущественного вреда можно предложить дополнительный частный критерий — характер изменения индивидуального облика. Следует выделять несколько ступеней: облик обезображен и прежний вид невосстановим; облик изменился в меньшей степени и прежний вид невосстановим; облик обезображен или изменился, но прежний вид восстановим. Таким образом, наименьший размер компенсации должен присуждаться при возможности полного восстановления индивидуального облика.

В-третьих, общие основания повышения и снижения взыскиваемой компенсации неимущественного вреда. Применение данных оснований зависит от усмотрения суда с учётом конкретных обстоятельств дела.

К общим основаниям повышения размера компенсации предлагается отнести: причинение одновременно морального и физического вреда при нарушении одного неимущественного права, наступление нематериального вреда в связи с одновременным нарушением нескольких неимущественных прав.

К общим основаниям снижения размера компенсации предлагается отнести: форму и степень вины потерпевшего, имущественное положение гражданина — причинителя вреда, истечение длительного периода времени после возникновения вреда при определённых условиях, а также принятие мер нарушителем к добровольному сглаживанию последствий причинённого неимущественного вреда до предъявления иска в суд [23, с. 60].

По мнению Г. С. Джумагазиевой и К. К. Азмуханова [13, с. 113], целесообразно рекомендовать судам с помощью принятия соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ при определении размера денежной компенсации морального вреда, причинённого распространением сведений, порочащих честь, достоинство и (или) деловую репутацию гражданина, включать в этот размер, в зависимости от обстоятельств конкретного дела, специальные, общие и штрафные убытки, причинённые потерпевшему. В этом постановлении следует дать определение понятий «специальные убытки», «общие убытки» и «штрафные убытки». Так, специальные убытки можно определить как убытки, фактически понесённые истцом в результате распространения о нём не соответствующих действительности и порочащих его честь, достоинство, деловую репутацию сведений. К специальным убыткам следует относить судебные издержки потерпевшего, включая расходы на помощь представителя, медицинские затраты, вызванные ухудшением здоровья истца, наступившим вследствие распространения о нём не соответствующих действительности порочащих сведений, неполученный доход (упущенную выгоду). Размер специальных убытков должен определяться на основе документов, прилагаемых к исковому заявлению (договор об оказании представительских услуг, медицинские справки, чеки, свидетельствующие о расходах на покупку лекарств при ухудшении здоровья, данные о получаемой заработной плате при потере работы вследствие распространения спорных сведений и т. д.). Таким образом, размер денежной компенсации истцу специальных убытков может быть объективно установлен судом при вынесении решения по делу. Общие убытки можно определить как денежную компенсацию морального вреда, причинённого гражданину в результате распространения о нём порочащих, не соответствующих действительности сведений, если эти сведения были распространены по обычной неосторожности. Штрафные убытки можно определить как денежную компенсацию морального вреда гражданину, если в отношении него были распространены порочащие, не соответствующие действительности сведения по грубой неосторожности либо умышленно.

По мнению Е. В. Рузановой и В. Р. Беришвили [26, с. 65], одной из наиболее проработанных методик расчёта размера компенсации морального вреда является методика А. М. Эрделевского, суть которой состоит в том, что размер компенсации меняется в зависимости от обстоятельств дела, когда базовая (максимальная) сумма компенсации умножается на ряд поправочных коэффициентов, зависящих от вида правонарушения.

Формула, объединяющая данные критерии, имеет вид:

$$D = d \cdot f(v) \cdot i \cdot c \cdot (1 - f_s) \cdot p,$$

где:

D — размер компенсации действительного морального вреда;

d — размер компенсации презюмируемого морального вреда;

$f(v)$ — степень вины причинителя вреда ($0 \leq f(v) \leq 1$);

i — коэффициент индивидуальных особенностей потерпевшего ($0 \leq i \leq 2$);

c — коэффициент учета заслуживающих внимания фактических обстоятельств причинения вреда ($0 \leq c \leq 2$);

f_s — степень вины потерпевшего, при этом ($0 \leq f_s \leq 1$);

p — МРОТ.

Е. В. Рузанова и В. Р. Беришвили [26, с. 65] провели сравнительно-правовой анализ судебной практики по вопросам защиты чести, достоинства и деловой репутации физического лица и модели компенсации морального вреда по методике А. М. Эрделевского на конкретном примере. Так, 1 августа 2011 г. Кондопожским городским судом Республики Карелия были рассмотрены материалы гражданского дела по иску Филантовой Н. Н. к Семенову В. П. о защите чести, достоинства и деловой репутации. Основанием к заявлению иска явился факт размещения ответчиком видеоролика под названием «Деградация Кондопожской полиции» на международном видеохостинге Youtube, количество пользователей которого по данным 2017 года превысило 1 миллиард. В данном видеоматериале содержатся ложные сведения об истце, порочащие его честь. Судебной коллегией было принято решение об удовлетворении исковых требований и взыскания с ответчика в пользу истца компенсации морального вреда в размере 10000 рублей. Размер компенсации действительного морального вреда, рассчитанного по методике А. М. Эрделевского, составил 663984 рубля.

Весьма актуальной является проблема взыскания компенсации морального вреда применительно к юридическим лицам. Согласно действовавшему до 2013 года пункту 7 статьи 152 Гражданского кодекса РФ, правила о защите деловой репутации гражданина могли применяться к защите деловой репутации юридического лица. При толковании указанной нормы возникла правовая проблема, связанная с возможностью либо отсутствием возможности компенсировать моральный вред юридическому лицу, о котором распространены порочащие деловую репутацию сведения.

После принятия 2 июля 2013 г. Федерального закона N 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела

I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4], предусматривающего изменение положений, касающихся нематериальных благ, вступившая в силу с 1 октября 2013 г. статья 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации» ГК РФ была дополнена новыми существенными способами защиты чести, достоинства и деловой репутации. Согласно действующему пункту 11 статьи 152 ГК РФ, правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица.

Мнения цивилистов по данному вопросу разделились. Так, с точки зрения Е. А. Ковалёва и В. Д. Шевчука [18, с. 23], юридическое лицо не вправе требовать возмещения морального вреда, на основании того, что моральный вред — это физические и нравственные страдания, которые юридическое лицо испытывать не может. В то же время А. В. Шичанин со ссылкой на пункт 7 статьи 152 ГК РФ указывал на аналогию прав юридического лица и гражданина на защиту деловой репутации [34, с. 31]. По мнению Е. В. Гаврилова, при классическом понимании морального вреда в условиях новой редакции статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации его компенсация организациям невозможна, при этом данная правовая норма не устанавливает запрет на компенсацию нематериального (репутационного) вреда, о котором гражданское законодательство как ничего не говорило, так и не говорит [9, с. 79]. При этом следует обратить внимание на подход, сформированный по данному вопросу практикой Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). ЕСПЧ использует в своей прецедентной практике термины «нематериальный вред» или «нематериальные убытки». Впервые ЕСПЧ пришёл к выводу о том, что не может исключить возможность присуждения юридическому лицу компенсации за нематериальные убытки в решении по делу «Компания Комингерсол С. А. против Португалии» [7]. ЕСПЧ исходит из того, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 1950 года предоставляет юридическим лицам равную с физическими лицами защиту и не ограничивает право компаний на возмещение причинённого им нематериального ущерба. Перевод на русский язык данного решения был сделан В. В. Старженецким, и именно благодаря ему данный термин был включён в судебную-арбитражную практику и в практику Конституционного Суда РФ.

В п. 2 Определения Конституционного Суда Российской Федерации Российской Федерации от 4 декабря 2003 г. № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» подчёркнуто, что отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причинённых умалением деловой репутации, или нематериального вреда,

имеющего своё собственное содержание, которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения. КС РФ высказался о существовании нематериальных убытков применительно к юридическим лицам. Правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ были восприняты судебной-арбитражной практикой, при этом возникла тенденция к определению нематериального вреда, причинённого деловой репутации юридических лиц, как репутационного вреда.

В отечественной доктрине существуют следующие подходы к пониманию «нематериального вреда»: подход, отрицающий их существование (П. А. Астахов, М. Е. Жаглин, К. И. Скловский). Следующая группа авторов полагает, что «нематериальный вред» есть полный аналог убытков, предусмотренных п. 2 ст. 15 ГК РФ. Представители третьего подхода полагают, что нематериальный вред является полным аналогом неимущественного, репутационного вреда, т. е. некоего «морального вреда» юридического лица. Указанный подход разделяет КС РФ и большинство арбитражных судов. Наконец, четвёртый подход к пониманию «нематериального вреда» сводится к выделению данного

понятия в самостоятельную правовую категорию в российском праве, применяемую только в отношении юридических лиц, отличную от убытков, а также «морального», неимущественного, репутационного вреда [38, с. 290].

На основании изложенного можно сделать вывод, что нематериальный вред юридического лица отличается от вреда морального. Он не сводится только лишь к репутационному вреду, но, безусловно, включает его в себя.

Возможность законодательного закрепления правил о компенсации нематериального вреда юридическим лицам видится реальной. На уровне позитивного права можно установить универсальный способ защиты: компенсация нематериального репутационного вреда юридическим лицам.

Неспособность юридического лица к переживанию по поводу умаления репутации означает лишь невозможность в применении к нему института компенсации морального вреда, но никоим образом не исключает необходимости восстановить справедливость в отношении него, предоставив ему право на компенсацию нематериального репутационного вреда.

Литература:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть 1 // Электронная правовая база «Консультант Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Электронная правовая база «Консультант Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
3. Семейный кодекс Российской Федерации // Электронная правовая база «Консультант Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
4. Федеральный закон «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 02.07.2013 N 142-ФЗ (последняя редакция) // Электронная правовая база «Консультант Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148454/
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Электронная правовая база «Консультант Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5677/
6. «Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // Электронная правовая база «Консультант Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195322/
7. Решение Европейского Суда по правам человека от 06.04.2000 г. по делу компании Комингерсоль С. А. против Португалии // Электронный ресурс: <http://www.rrpoi.narod.ru/echr/translation/translation/komingersoll.htm>
8. Батыров, А. С. Проблемы анализа фактических обстоятельств при определении размера компенсации морального вреда // Аграрное и земельное право. — 2010. — № 4. — с. 138–141.
9. Гаврилов, Е. В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам и новая редакция ст. 152 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. М.: Закон, 2015. № 3. с. 79–90.
10. Гайфутдинов, И. Н. Честь, достоинство и деловая репутация как объекты гражданско-правовой защиты // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 58–6. с. 8–12.
11. Головизнина, Л. А. Защита чести, достоинства и деловой репутации в Российской Федерации // В сборнике: Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения-2019. Сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции. 2019. с. 92–94.
12. Голубев, К., Наричный С. Защита деловой репутации юридических лиц // Российская юстиция. 1999. № 7. с. 25–27.
13. Джумагазиева, Г. С., Азмуханов К. К. Защита чести, достоинства и деловой репутации в условиях реформирования гражданского законодательства // В сборнике: Актуальные проблемы права. Материалы IV Международной научной конференции. 2015. с. 113–115.
14. Дмитриева, О. В. Некоторые проблемы института компенсации морального вреда // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. — 2010. — № 1. — с. 61–64.

15. Жаглин, А. В. Некоторые проблемы института компенсации морального вреда // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. — 2010. — № 1. — с. 63–68.
16. Жилиева, С. К. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации // В сборнике: Информационные технологии в деятельности правоохранительных органов: проблемы использования и пути повышения эффективности. Сборник научных статей. Редколлегия: Л. Д. Матросова (и др.). 2017. с. 49–52.
17. Карномазов, А. И. Гражданско-правовое регулирование определения размера компенсации морального вреда: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — Самара, 2010. — 26 с.
18. Ковалев, Е. А. Защита чести и достоинства и деловой репутации в суде. Практические рекомендации / Е. А. Ковалев, В. Д. Шевчук. М.: Именем закона, 1995. 48 с.
19. Козьяйкин, Д. Н. Защита чести, достоинства и деловой репутации в современном обществе // Международный журнал гражданского и торгового права. 2017. № 4. с. 5–6
20. Колесникова, М. М., Семенов А. В. Компенсация морального вреда как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2 (44). с. 72–87.
21. Малеина, М. Н. Компенсация морального вреда за неимущественный вред // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 5. с. 27–29.
22. Малеина, М. Н. Защита чести, достоинства, деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. — 1993. — № 24. — с. 18–20
23. Малеина, М. Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан / М. Н. Малеина // Журнал российского права. — 2015. № 5. — с. 59–73
24. Михно, Е. А. Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах: дис. канд. юрид. наук. — СПб., 1998. — 163 с.
25. Палагина, А. А. Исторический опыт защиты института чести, достоинства и деловой репутации // В сборнике: Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права. Сборник научных статей. 2016. с. 86–90.
26. Рузанова, Е. В., Беришвили В. Р. Расчёт компенсации морального вреда по методике А. М. Эрделевского // В сборнике: Наука сегодня: проблемы и пути решения материалы международной научно-практической конференции: в 3 частях. 2018. с. 65–67.
27. Сербин, М. В., Сербина Л. А. Основные направления совершенствования гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации // В сборнике: Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. 2019. с. 30–32.
28. Сливкина, Е. Ф. Компенсация морального вреда как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Молодой учёный. 2018. № 8 (194). с. 92–95.
29. Таратухина, К. Ю. Проблемные аспекты возмещения морального вреда за нарушение чести, достоинства, деловой репутации граждан // Вестник науки и образования. 2017. Т. 1. № 12 (36). с. 75–77.
30. Ударцев, О. В. Правовые аспекты защиты чести, достоинства и деловой репутации в Российской Федерации // Вестник современных исследований. 2018. № 6. 4 (21). с. 454–456
31. Чорновол, О. Е. Обязательства по компенсации морального вреда в российском гражданском праве: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2011. — 26 с.
32. Шамагина, Т. В. Защита нематериальных благ // Вестник Нижегородской правовой академии. 2017. № 12 (12). с. 84–85.
33. Шигонина, Л. А., Куртмаллаева Э. Р. Компенсация морального вреда, защита чести, достоинства и деловой репутации как способы защиты нематериальных благ // Синергия Наук. 2018. № 29. с. 1314–1322.
34. Шичанин, А. В. Проблемы становления и перспективы развития института возмещения морального вреда: автореф. дис.... канд. юрид. наук / А. В. Шичанин. М., 1996. 143 с.
35. Шкитова, А. В. Проблемы компенсации морального вреда при защите чести, достоинства и деловой репутации // Молодой учёный. 2018. № 28 (214). с. 57–60.
36. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда М.: Р.Валент, 2007. — 272 с.
37. Эрделевский, А. М. Защита чести, достоинства и деловой репутации в судебной практике / А. М. Эрделевский // Хозяйство и право. 2006 — № 1. — с. 133–137.
38. Яковлева, С. П. К вопросу о компенсации нематериального репутационного вреда юридическим лицам // В книге: Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран Материалы V Международной научно-практической конференции. отв. ред. С. И. Суслова, А. П. Ушакова. 2016. с. 290–293.

Актуальные проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации лица в Российской Федерации

Гусев Николай Владимирович, студент магистратуры

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

В условиях существования идеологического и политического разнообразия, свободы массовой информации и особенно свободы слова, особое значение приобретает и имеет гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц [30, с. 57]. Необходимость повсеместного утверждения веры в достоинство человеческой личности тесно связана с разрешением глобальных проблем, а обеспечение защиты чести, достоинства и деловой репутации как людей, так и организаций является одной из важнейших задач любого современного государства. При этом, вопрос о чести, достоинстве и деловой репутации был, есть и будет оставаться одним из самых животрепещущих и актуальных вопросов в любых сферах жизни современного общества.

В современном российском обществе, когда существует свобода слова и свобода массовой информации, одним из лучших и широко распространённых способов политической борьбы является чёрный пиар, большое значение приобретает защита чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц [28, с. 454].

В настоящее время гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации в Российской Федерации сопряжена с рядом проблем, которые на данный момент окончательно не урегулированы [29, с.224].

Прежде всего следует обратить внимание на проблему отсутствия в действующем российском законодательстве некоторых понятий, определение и понимание которых имеет важное значение в контексте гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации. Невозможно применение норм Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающих правила защиты личных неимущественных благ, без раскрытия самого содержания защищаемого блага. Ведь для того, чтобы оценить, подверглось ли то или иное благо противоправному умалению, необходимо иметь крайне ясное и чёткое представление об объекте, которому причинён вред [30, с. 58]. Следует отметить, что данная проблема проявляется как на уровне нематериальных благ в целом, так и на уровне чести, достоинства и деловой репутации как отдельных примеров нематериальных благ.

В современной России институт нематериальных благ играет одну из главных ролей в определении правового статуса субъектов права, поэтому одна из задач правового государства связана именно с защитой неимущественных отношений [24, с. 140]. Значимость института нематериальных благ подтверждается нормами Конституции Российской Федерации, что находит отражение в статье 21 Конституции РФ, согласно которой достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основа-

нием для его умаления, а также в статье 23, в соответствии с которой каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени [1, ст. 21, 23]. При этом, в действующем российском гражданском законодательстве до сих пор не было дано полного и чёткого определения понятия нематериальных благ, что безусловно снижает эффективность гражданско-правовой защиты данного института. В части 1 ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации [2, ст. 150, ч. 1] содержится лишь примерный перечень нематериальных благ, к которым относятся: жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения в силу закона. Однако на вопрос о том, что такое нематериальное благо, законодатель на данный момент пока не ответил.

Российские учёные также поднимают данный вопрос. Так, Т. В. Трофимова считает нематериальным благом не имеющий имущественного содержания, неотчуждаемый и непередаваемый иным способом объект гражданского права, принадлежащий, как правило, физическому лицу от рождения или в силу закона и характеризующийся невозможностью восстановления в случае нарушения [27, с. 5]. Д. В. Сараев считает нематериальное благо одним из свойств субъекта права, основное содержание и назначение которого состоят в индивидуализации физического либо юридического лица, являющегося субъектом правоотношений [18, с. 3]. Н. А. Темникова, критикуя данную точку зрения, справедливо указала на неправильность сведения всех благ к единому свойству. По её мнению, нематериальные блага являются не имеющими денежной оценки объективно необходимыми для каждого индивида условиями его существования, физиологической и социальной жизнедеятельности, удовлетворяющими человеческие потребности в нематериальной сфере [23, с. 82]. Таким образом, наблюдается множество различных точек зрения юристов на нематериальные блага, и, соединяя всё вышеизложенное, можно сделать вывод, что нематериальное благо — это блага и свободы, не имеющие экономического содержания и не отделимые от личности их носителя.

Основной проблемой в контексте гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации является то, что законодатель не разъясняет понятия «честь», «достоинство» и «деловая репутация». Эта про-

блема приводит к ряду негативных последствий для гражданско-правовой защиты данных нематериальных благ. Во-первых, из-за отсутствия указанных легальных дефиниций круг лиц, которые имеют право на защиту этих благ, чётко не определён [14, с. 89]. Во-вторых, в судебной практике отсутствует универсальная позиция по делам о защите чести и достоинства граждан [31, с. 96]. В-третьих, в процессе подачи иска о защите чести, достоинства и деловой репутации у истцов возникают трудности в обосновании наличия в действиях ответчика посягательств на указанные нематериальные права. Например, понятие чести и достоинства имеет два аспекта: внешний (объективный) и внутренний (субъективный). Исковое заявление о защите чести и достоинства подлежит удовлетворению, таким образом, лишь тогда, когда эти два аспекта совпадают. Ведь если кто-то считает, что действия ответчика посягают на честь и достоинство, в то время как в общепринятом смысле это не так, то исковое заявление не подлежит удовлетворению [12, с. 286].

На основании проведённого анализа различных юридических исследований, имеющих в качестве объекта общественные отношения по защите чести, достоинства и деловой репутации, можно сделать вывод о том, что многие учёные-цивилисты на протяжении длительного периода времени продолжают попытки сформулировать определения данных понятий. Понятие чести подразумевает два аспекта — внешний и внутренний. Внешняя оценка чести тесно связана с понятием «репутация», «доброе имя», «престиж». М. Ю. Тихомиров определяет честь как: а) достойные уважения и гордости моральные качества человека, его соответствующие принципы; б) хорошая незапятнанная репутация, доброе имя; в) целомудрие, непорочность [26, с. 21]. М. Н. Малейна считает, что честь представляет собой социальную оценку личности, меру духовных и общественных качеств человека [15, с. 35]. С точки зрения А. М. Эрделевского, честь представляет собой отражение качеств человека в общественном мнении, которое сопровождается положительной публичной оценкой [32, с. 15]. По мнению С. Кузина, честь отражает достоинство индивида в сознании других людей, общественную его оценку с учётом существующей морали и правовых устоев в данном конкретном обществе. Как отмечают М. В. Сербин и Л. А. Сербина [19, с. 30], понятие чести включает следующие признаки:

- 1) неотчуждаема, принадлежит человеку с самого рождения;
- 2) формируется при проявлении моральных или иных качеств гражданина в обществе;
- 3) имеет оценку, которую дают окружающие люди;
- 4) оценка должна быть всегда позитивной;
- 5) общественная оценка подтверждает связь индивида с другими лицами;
- 6) лицо самостоятельно оценивает свои поступки;
- 7) не является предметом имущественного оборота.

Ю. Г. Иваненко отмечает, что под достоинством понимается уважение лицом своих положительных качеств

в собственном сознании [14, с. 90]. По мнению М. Ю. Тихомирова, достоинство представляет собой нематериальное благо, которое охраняется законом, связывает гражданина с обществом, определяет его в социальной сфере [26, с. 29]. Согласно утверждению А. Л. Анисимова, достоинство — это внутренняя самооценка собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего поведения, общественного значения [6, с. 17]. М. В. Сербин и Л. А. Сербина [19, с. 31] выделяют несколько признаков понятия «достоинство»:

- 1) принадлежит человеку с рождения;
- 2) не отчуждается, не передаётся (не имеет имущественной характеристики);
- 3) указывает на индивидуальные характеристики человека;
- 4) является осознанием человеком своих нравственных (духовных) качеств, значимости в обществе;
- 5) качества человека всегда положительные;
- 6) складывается из сложившихся в данном обществе ценностей.

Некоторые исследователи обращают внимание на тесную взаимосвязь чести и достоинства между собой, говоря о том, что честь и достоинство являются единым явлением и оценочными категориями по отношению к гражданину, его личным качествам. Например, в работах О. А. Пешкова прослеживается позиция о том, что в основе чести и достоинства лежит единый определённый нравственный критерий [9, с. 53]. Но нельзя и забывать о различии между честью и достоинством при сравнении их между собой: честь — это общественная оценка личности, достоинство же — это прежде всего самооценка, т. е. оценка себя непосредственно лицом.

В неотъемлемой связи с честью и достоинством находится и такое понятие, как «репутация». В. Д. Костюк отмечает, что репутация — сложившееся о лице мнение, основанное на оценке его общественно значимых качеств; преобладающее в определённой общественной среде мнение об отдельном лице или группе лиц; слава человека, добрая и дурная, как и чем кто славится; общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-либо, чего-либо; сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании; сложившееся у окружающих мнение о нравственном облике того или иного человека (коллектива), основанное на его предшествующем поведении [9, с. 54]. Репутация личности может быть положительной, либо отрицательной, т. к. зависит в первую очередь от поведения личности. Помимо понятия репутации, существует понятие и деловой репутации. С точки зрения А. М. Эрделевского, деловая репутация представляет собой отражение профессиональных качеств человека в сознании общества, которое сопровождается положительной общественной оценкой [32, с. 23]. По мнению О. Н. Садикова, деловая репутация — это оценка профессиональных качеств гражданина и юридического лица [9, с. 54]. А. Казалиев утверждает, что деловая репутация гражд-

данина — это уровень его квалификации и профессиональной деятельности, а деловая репутация юридического лица — оценка производственной (иной) деятельности в зависимости от статуса на рынке предпринимательства [13, с. 23]. Если говорить о применимости понятия деловой репутации к гражданам и к юридическим лицам, то по мнению А. А. Тимерханова [25, с. 8], «деловая репутация» применима только к юридическим лицам, поскольку они осуществляют предпринимательскую деятельность, в связи с которой деловая репутация носит имущественный характер и может быть оценена в денежном выражении. И. А. Зенин [11, с. 183], в то же время, говорит о том, что понятие деловой репутации может распространяться и на гражданина. Л. К. Рафиева отметила, что содержание чести и достоинства, деловой репутации любого человека постоянно обогащается, меняется по мере развития его общественной деятельности. В отличие от понятий чести и достоинства, развитие содержания деловой репутации имеет юридические последствия. Поскольку деловая репутация гражданина определяется уровнем его квалификации и характеристикой профессиональной деятельности, высказанное словосочетание «посредственный работник» в адрес одного и того же человека в разный период времени работы гражданина может расцениваться по-разному. При достижении высокого уровня мастерства в какой-либо сфере деятельности данная фраза может быть расценена как порочащая его деловую репутацию.

Проанализировав действующее законодательство и работы учёных-цивилистов по теме защиты чести, достоинства и деловой репутации, можно сделать вывод, что законодательство в Российской Федерации в настоящее время уделяет огромное внимание защите личных нематериальных благ, и, в частности, чести, достоинства и деловой репутации, однако оно требует дальнейшего совершенствования. В первую очередь необходимо восполнить пробел в законодательстве, связанный с вопросом легальных определений «нематериальные блага», чести, достоинства и деловой репутации, т. е. выработать единую позицию. В связи с тем, что физические и юридические лица в некоторых вопросах могут прибегать к самозащите чести, достоинства и деловой репутации, необходимо понимание объекта защиты, поскольку невозможно осуществлять защиту блага или права без понимания сущности понятий блага или права. Нематериальные блага представляют собой внутренние ценности субъекта правоотношений, проявляемые в поведении и действиях, принадлежащие субъекту от рождения или в силу закона. Исходя из этого, необходимо дополнить п. 1 ст. 150 ГК РФ абзацем следующего содержания: нематериальное благо — это объект личного неимущественного права, социальная ценность, не имеющая стоимостной оценки, неотделимая от жизни физического лица. Необходимо внести дополнения в п. 1 ст. 150 ГК РФ следующего содержания: честь — это совокупность моральных качеств лица, сложившиеся в общественном сознании мнение окружающих о граж-

данине, а также уважение собственных нравственных достоинств; достоинство — это осознание и уважение собственных положительных качеств, сложившиеся в обществе и признанное государством; деловая репутация — это сложившаяся в обществе динамичная, субъективная оценка профессиональных качеств гражданина и юридического лица.

Важной проблемой гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации является проблема разграничения дел о защите чести, достоинства гражданина от других нематериальных благ, которые перечислены в ст. 150 ГК РФ [7, с. 239]. В современных условиях остро ощущается столкновение права на защиту чести, достоинства и деловой репутации и свободы слова. Согласно ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Также в силу ч. 5 ст. 29 Конституции РФ гарантируется свобода массовой информации, запрещается цензура. Расширительно толкуя Основной закон, многие забывают, что, по общему правилу, собственное право заканчивается там, где начинается право иного лица. К сожалению, в эпоху развития средств массовой информации, сети Интернет, граждане и юридические лица всё чаще допускают нарушения норм нравственности, умаляют такие нематериальные блага других лиц, как честь, достоинство и деловая репутация.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в статье 10 закрепляет свободу выражения мнения [22, с. 68]. В части первой данной статьи указывается, что это право включает в себя свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. При этом часть 2 данной статьи допускает наложение обязанностей и ответственности, сопряжённых с определёнными формальностями, условиями, ограничениями и санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе, одним из которых является защита чести, достоинства и репутации других лиц. Статья 29 Конституции РФ гарантирует каждому свободу мысли и слова. Часть 2 данной статьи закрепляет ограничение данного права, а именно — запрет пропаганды и агитации, возбуждающих ненависть и вражду на расовой, национальной и религиозной почве. Статья 152 ГК РФ подтверждает право гражданина на опровержение в судебном порядке сведений, порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию. Положения Конституции РФ создают правовую основу для защиты чести, достоинства и деловой репутации, одновременно выступая необходимым ограничением свободы слова и массовой информации в случаях злоупотребления этими правами [31, с. 97]. В связи с этим нельзя не согласиться с Г. М. Резником и К. И. Скловским, которые отметили, что «свобода слова и защита репутации — две конституционные ценности, два общепризнанных права

человека, между собой конкурирующие, способные вступать в острые противоречия» [17, с. 22]. Нахождение баланса между ними является одной из важных и сложных проблем, решаемых как в международном праве, так и законодателями и правоприменителями всех демократических стран. Обеспечению баланса интересов сторон в этой связи служит пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [4, п. 1], согласно которому право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации является их конституционным правом, а деловая репутация юридических лиц — одним из условий их успешной деятельности. Кроме того, в данном пункте разъяснено, что суды при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации должны обеспечивать равновесие между правом граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации, с одной стороны, и иными гарантированными Конституцией Российской Федерации правами и свободами — свободой мысли, слова, массовой информации, правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, правом на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (статьи 23, 29, 33 Конституции Российской Федерации), с другой. По мнению А. А. Смирновой [21, с. 23], Конституционному Суду РФ необходимо с целью поддержки нахождения баланса между защитой чести, достоинства и деловой репутации, и свободой слова, сформировать правовую позицию, определяющую иерархию связанных с защитой чести, достоинства и деловой репутации конституционных ценностей, что позволит судам разрешать эти важные вопросы при рассмотрении указанных дел, ориентируясь на данную установку и опираясь на критерий добросовестности пользования свободами слова и информации, статусные характеристики опороченного лица, содержание информации и иные значимые факторы. Очевидно, что поиск баланса в каждом конкретном деле должен осуществляться на основе представления о человеке и его достоинстве как о высших конституционных ценностях.

В России, как и во всём остальном мире, с каждым годом становится всё больше пользователей сети Интернет». Вследствие этого увеличивается число нарушений, совершаемых в сети, в том числе в сфере нематериальных благ. Вопрос защиты чести, достоинства и деловой репутации в сети «Интернет» на сегодняшний день актуален как никогда ранее. Ещё несколько лет назад в российских судах рассмотрение подобных споров было не таким уж и частым явлением, в отличие от зарубежных стран, однако в последние годы ситуация значительно изменилась [29, с. 225].

Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации в сети «Интернет» сопряжена с рядом

проблем, которые на данный момент окончательно не урегулированы. В спорах о правонарушениях, совершённых с помощью сети «Интернет», самой сложной является проблема доказывания состава правонарушения. Она включает в себя две составляющие: во-первых, правовые основания, порядок сбора и обеспечения доказательств; во-вторых, допустимость таких доказательств с точки зрения процессуального права. Определённые сложности возникают у истцов и с представлением доказательств, подтверждающих факт распространения порочащих сведений в сети «Интернет» [16, с. 108]. В этом случае представителям истцов целесообразно рекомендовать своим доверителям до подачи иска в целях фиксации соответствующей интернет-страницы обращаться к нотариусу за удостоверением её содержания на основании статьи 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, в соответствии с которой по просьбе заинтересованных лиц нотариус обеспечивает доказательства, необходимые в случае возникновения дела в суде или административном органе, если имеются основания полагать, что предоставление доказательств станет невозможным или затруднительным [3, ст. 102].

Важной проблемой является проблема привлечения Интернет-сайтов к ответственности в контексте споров о защите чести, достоинства и деловой репутации в том случае, если Интернет-сайт не зарегистрирован как средство массовой информации. По мнению В. А. Гирина [7, с. 240], в данном случае необходимо привлекать к ответственности за распространение порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений в сети Интернет владельцев или администраторов сайтов. На настоящий момент, для регистрации доменного имени в зоне российского сегмента Интернета гражданину или юридическому лицу необходимо предоставить документ, удостоверяющий личность, или право действовать от имени юридического лица, таким образом, вопрос поиска ответчика разрешится сам собой. Е. Н. Сидорова [20, с. 42] отмечает, что администратор (владелец) сайта должен нести ответственность за распространение таких сведений, поскольку он имеет возможность отслеживать поступающую на сайт информацию и удалять порочащие и не соответствующие действительности, а также оскорбительные и клеветнические сведения. В противном случае возникает реальная возможность нарушения конституционных прав граждан и юридических лиц. В. А. Гирин согласен с утверждением Е. Н. Сидоровой о том, что в связи с распространением споров о защите чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет необходимо и на данный момент актуально установить ответственность администраторов интернет-сайтов в случае размещения на них порочащих сведений [7, с. 241]. Однако, стоит учитывать, что администраторы не могут в полной мере заниматься проверкой всех поступающих к ним на сайт материалов в силу объективных причин. В. А. Гирин предлагает такой подход, при котором владелец сайта, получая досудебную претензию, изучает её, и в случае, если пола-

гает, что на его сайте умаляются нематериальные права других лиц, удаляет такую информацию, а в случае, если владелец оставляет такую претензию без внимания или отказывает по необъективным причинам, у него возникает гражданско-правовая ответственность.

Нельзя оставить без внимания проблему определения круга правонарушителей в сети Интернет и привлечения их к юридической ответственности. Главная сложность поиска авторов, порочащих нематериальные блага, заключается в том, что в Интернете возможно создание нескольких сайтов одним автором, который может не указывать свои настоящие данные [7, с. 241]. Поиск таких аккаунтов — очень сложная и порой долговременная процедура. А недостаточно развитое законодательство в данной сфере только способствует увеличению количества дел, связанных с нарушением чести и достоинства граждан в Интернете. Поэтому происходит следующее: пострадавший может обратиться в суд с заявлением о нарушении права, вследствие которого неправомерная информация будет в лучшем случае удалена.

В качестве потенциальных ответчиков можно выделить следующие категории: провайдеры Интернета; собственники сайтов; пользователи. Зачастую установить лицо, разместившее клеветническую информацию, не представляется возможным, что позволяет данному лицу совершенно законным образом уйти от ответственности. Существует мнение, что при отсутствии автора, который распространяет не соответствующие действительности сведения, юридическую ответственность должен нести владелец сайта. В то же время, нужно понимать, что отследить каждого посетителя и каждый комментарий нелегко, а зачастую практически невозможно, особенно когда сайт популярен и имеет большую аудиторию.

Весьма актуальной в последние годы проблемой является проблема компенсации морального вреда как меры ответственности в контексте правонарушений в сфере защиты чести, достоинства и деловой репутации. Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [5, п. 2], под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причинённые действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина. В соответствии со статьёй 150 ГК РФ, честь, достоинство и деловая репутация относятся к понятию нематериальных благ. Исходя из этого, при наличии юридических фактов для возникновения правоохранительного отношения по

защите чести, достоинства и деловой репутации возможно применение статьи 151 ГК РФ, в которой указано, что суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда [10, с. 19]. Необходимо отметить наличие правового дисбаланса между статьёй 151 ГК РФ (компенсация морального вреда) и статьёй 1101 ГК РФ (способ и размер компенсации морального вреда), т. к. ст. 151 ГК РФ устанавливает возможность денежной формы компенсации указанного вреда, а ст. 1101 ГК РФ — её обязательность.

Наличие данного дисбаланса требует доработки действующего законодательства в вопросе компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных прав гражданина в случае защиты чести, достоинства и деловой репутации.

Действующее гражданское законодательство не устанавливает ни минимального, ни максимального размера компенсации морального вреда, а также не устанавливает пропорций или формулы расчётов такого вреда, передавая решение данного вопроса всецело на усмотрение суда. Между тем закон устанавливает ряд критериев, совокупное применение которых и является базисом подсчёта размера компенсации морального вреда.

Данный размер должен быть более чётко законодательно определён, однако, прежде чем вводить формулу и коэффициенты расчётов в практику, необходимо отработать их применение путём расчётов на ранее разрешённых делах, далее провести необходимую коррекцию, выработать рекомендации и только после этого коэффициенты могут применяться в правосудии.

Необходимо также учитывать, что множественность и многогранность условий определения размера компенсации морального вреда делают невозможной точную оценку причинённых душевных страданий. Как отмечают К. И. Голубев и С. В. Нарижный [8, с. 27], эта невозможность во многом предопределяет известную ещё с прошлых веков доктрину, согласно которой при определении размера денежного вознаграждения свободное и справедливое судебское усмотрение является составной частью института компенсации морального вреда. Так, в английском праве в начале прошлого века данный принцип обосновывался тем, что при компенсации морального вреда суд считается с конкретными данными, конкретной справедливостью, средствами сторон и многими другими обстоятельствами. Соответственно, если бы на этот предмет существовали обязательные для суда и заранее установленные критерии, то богатый человек мог бы сделаться всеобщим мучителем, подобно некоему знатному римлянину, имевшему обыкновение ходить вокруг Форума и бить по щекам каждого встречного, в то время как раб с кошельком следовал за ним, расплачиваясь за удары по установленной в законе таксе. Таким образом, при разработке новых критериев и формул расчётов, необходимо учитывать, что формулы и коэффициенты должны применяться в совокупности с таким критерием как усмотрение суда.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Электронная правовая база «Консультант Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть 1 // Электронная правовая база «Консультант Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. // Электронная правовая база «Консультант Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Электронная правовая база «Консультант Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Электронная правовая база «Консультант Плюс»: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5677/
6. Анисимов, А. Л. Честь, достоинство и деловая репутация под защитой закона // М., Норма, 2004 г. 88 с.
7. Гири́н, В. А. Отдельные проблемы правового регулирования споров о защите чести, достоинства и деловой репутации // Молодой учёный. 2019. № 3 (241). с. 239–241
8. Голубев, К. И., Наричный С. В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности // 2-е изд., доп. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. — 302 с.
9. Гулина, Н. М. Проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации // Вестник магистратуры. 2018. № 1–2 (76). с. 53–55.
10. Евграфова, Е. М. Недостатки законодательной базы в части, регламентирующей гражданско-правовые способы защиты чести, достоинства и деловой репутации // В сборнике: Перспективы развития науки и образования. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. 2017. с. 19–22.
11. Зенин, И. А. Гражданское право. М., издательство «Юрайт», 2015. 655 с.
12. Ивашин, Д. И. Иски о защите чести, достоинства и деловой репутации: проблемы теории и практики // В сборнике: Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. Редколлегия: О. Н. Широков (и др.). 2018. с. 286–287.
13. Казалиев, А. Компенсация репутационного вреда: торг неуместен // Бизнес-адвокат. — 2006. — № 22. с. 23–26.
14. Максина, С. В., Осипова Н. В. Проблемные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации в Российской Федерации // Вестник Студенческого научного общества. 2018. Т. 9. № 3. с. 89–91.
15. Малеина, М. Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. М.: Знание, 1991. 127 с.
16. Потапенко, Н. С. Особенности судебного представительства по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2018. № 4 (7). с. 108–118.
17. Резник, Г. М., Скловский К. И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ. — М., Статут, 2006. 270 с.
18. Сараев, Д. В. О соотношении понятий нематериальные блага и личные неимущественные права // Юрист. — 2002. — № 7. с. 3–6
19. Сербин, М. В., Сербина Л. А. Основные направления совершенствования гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации // В сборнике: Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. 2019. с. 30–32.
20. Сидорова, Е. Н. Процессуальные особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации // Евразийская адвокатура. 2013. № 3 (4). с. 42–46
21. Смирнова, А. А. Диффамация как правонарушение и злоупотребление правом: конституционно-правовой аспект: Автореф дис... канд. юрид. наук. — М., 2009. 27 с.
22. Таратухина, К. Ю. Проблема разграничений понятий «право на защиту чести, достоинства и деловой репутации» и «свобода слова»: пробелы права // Вестник науки и образования. 2016. № 12 (24). с. 68–70.
23. Темникова, Н. А. О понятии «нематериальное благо» в семейном праве // Вестник Омского университета. — 2007. — № 4 (13). с. 82–86.
24. Тереняк, А. М. Некоторые правовые проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации в Интернете // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. № 12 (28). с. 140–145.
25. Тимерханов, А. А. Деловая репутация юридического лица. Автореф. дис.: на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2013. 23 с.

26. Тихомиров, М. Ю. Защита чести, достоинства, деловой репутации: новые правила. Издательство Тихомирова М. Ю., 2014. 48 с.
27. Трофимова, Т. В. Нематериальные блага как объект гражданско-правового регулирования: автореф. дис. канд. юр. наук. — Волгоград, 2004. 24 с.
28. Ударцев, О. В. Правовые аспекты защиты чести, достоинства и деловой репутации в Российской Федерации // Вестник современных исследований. 2018. № 6. 4 (21). с. 454–456
29. Шевцова, Т. А. Особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет // Молодой учёный. 2018. № 48 (234). с. 224–228.
30. Шкитова, А. В. Проблемы компенсации морального вреда при защите чести, достоинства и деловой репутации // Молодой учёный. 2018. № 28 (214). с. 57–60.
31. Шутаев, А. А. Гражданско-правовые способы защиты чести, достоинства и деловой репутации: научно-практический и международно-правовой аспекты // Велес. 2019. № 2–2 (68). с. 96–108
32. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. М.: Издательская группа ФОРУМ—ИНФРА-М, 1997. 240 с.

Защита прав граждан — участников долевого строительства на примере определения Верховного Суда РФ № 69-КГ20–15-К7 от 19.01.2021

Жукова Надежда Игоревна, студент магистратуры;
Кузнецов Владислав Александрович, студент магистратуры;
Цветков Александр Витальевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье анализируется такой способ защиты прав дольщика как отказ от договора, а также взыскание абстрактных убытков. Авторы делают выводы, что необходимо учитывать специфику правоотношений и добросовестность дольщика.

Ключевые слова: *долевое строительство, отказ от договора, абстрактные убытки.*

Защита прав участника долевого строительства предполагает, в том числе, возможность для него отказаться от договора в случае нарушения со стороны застройщика сроков строительства. В таком случае дольщик может требовать возврата денежных средств с процентами, а также взыскания убытков. Вместе с тем иногда могут складываться ситуации, в которых взыскание убытков будет казаться нарушающим баланс интересов дольщика и застройщика в связи с особенностями расчета размера убытков. В настоящей статье такая ситуация проанализирована на материалах судебной практики.

Гражданин Казначеев заключил с АО «Сибстройсервис» (далее — Застройщик) договор долевого участия в строительстве, согласно которому Застройщик обязан был построить дом и передать однокомнатную квартиру в собственность. Цена объекта составила 720 тыс. рублей.

Гражданин Казначеев уступил свое право требования к Застройщику гражданину Волкову (далее — Истец).

Застройщик допустил просрочку исполнения своего обязательства, поэтому Истец отказался от договора, потребовал возврата внесенных средств и уплаты процентов за пользование чужими денежными средствами, предусмотренных ст. 9 Федерального закона № 214-ФЗ [2]. За-

стройщик не исполнил требование, поэтому Истец обратился с иском в суд.

В суде Истец требовал возврата внесенных средств, процентов за пользование чужими денежными требованиями, штрафа за неисполнение требований потребителя, а также убытков в виде разницы между ценой, уплаченной за квартиру, и рыночной ценой готовой квартиры.

Решением суда первой инстанции, оставленным в части отказа во взыскании убытков без изменения судами апелляционной и кассационной инстанции, взысканы внесенные средства, проценты, штраф, во взыскании убытков отказано.

Суд мотивировал отказ взыскать убытки следующим.

Во-первых, Застройщик не отказывался исполнить обязательство, а только лишь допустил просрочку. Во-вторых, Истец, когда приобретал право требования, уже знал о просрочке Застройщика. В-третьих, Истец не приобрел в действительности другое жилье после отказа от договора, а Застройщик все-таки сдал объект после отказа Истца.

Не согласившись с состоявшимися судебными актами, Истец обратился с кассационной жалобой в КГД ВС РФ.

Коллегия отменила акты нижестоящих судов в части отказа во взыскании убытков и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с п. 2 ст. 393.1 ГК РФ [1] допускается взыскание убытков в виде разницы между ценой договора и текущей ценой исполнения по договору и в том случае, если пострадавшая сторона не заключила замещающий договор. При этом в соответствии с п. 11 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 [4] риски изменения соответствующих цен возлагаются на нарушителя.

Кроме того, согласно п. 35 Обзора, утвержденного Президиумом ВС РФ 04.12.2013 [3], убытки возмещаются сверх всех остальных сумм причитающихся участнику строительства в связи с его отказом от договора ввиду нарушений со стороны застройщика.

Таким образом, все доводы нижестоящих судов были отклонены коллегией как противоречащие закону.

Проанализируем определение Верховного Суда.

Если рассматривать обоснование отмененных судебных актов так, как оно было изложено, то действительно только и оставалось, что отменить их.

То, что Застройщик не отказывался от исполнения обязательства, но при этом просрочил исполнение, никак не порочит Истца. Ему не может быть поставлен «в вину» его отказ от договора, коль скоро право на отказ предусмотрено законом. То, что Истец не приобрел в действительности другую квартиру, также не дает возможность освободить Застройщика от компенсации убытков, так как закон прямо допускает исчисление убытков «абстрактным» способом. Также и то, что Истец приобрел право требования, когда Застройщик находился в просрочке, не освобождает последнего от обязанности возместить убытки.

Вместе с тем суд первой инстанции, видимо, ощущал некоторую несправедливость, которая случилась бы, удовлетвори он требование о взыскании убытков.

Жилищное строительство сопряжено с достаточно большими рисками, потому что является разновидностью предпринимательской деятельности. Граждане, чьи средства привлекаются для финансирования этого строительства, вынуждены также принимать на себя эти риски, но они идут на это в связи с тем, что таким образом получается сэкономить на покупке жилья. Истец же приобретал требование о передаче квартиры к Застройщику, который уже не сдал объект в срок. Таким образом, Истец должен был понимать, что его риски возрастают многократно: вполне возможно, что дом не будет сдан, Застройщик станет несостоятельным и Истец будет вынужден дожи-

даться результатов процесса банкротства с неясными перспективами. В связи с этим важно отметить, что из текста комментируемого определения следует, что Истец приобрел право требования безо всякого дисконта, то есть за ту же цену, что заплатил цедент.

В целях защиты интересов граждан-потребителей закон устанавливает повышенную ответственность за нарушение их прав. В данном случае она выражается в том, что Истец получил возможность отказаться от договора и получить назад цену договора и 1/150 ключевой ставки ЦБ за каждый день, когда деньги находились у Застройщика. Истец действительно в скором времени после покупки права требования отказался от договора.

При таких обстоятельствах можно сделать вывод, что с определенной долей вероятности для Истца сделка по приобретению права требования была некой рискованной инвестицией.

Однако Застройщик сдал дом, пусть и с опозданием. В связи с тем, что строительство — это физический процесс, за которым обычно могут наблюдать все заинтересованные лица, то с достаточно высокой степенью достоверности участник строительства, если он действительно заинтересован в получении жилья, может сделать вывод о том, на каком этапе находится строительство дома и какова динамика процесса. При этом после сдачи дома Истец смог бы лишь взыскать неустойку, которая была бы значительно меньше, чем проценты за пользование чужими денежными средствами.

Возможно, именно этим объясняется вывод суда первой инстанции о том, что Истец сам утратил интерес к получению квартиры.

Что касается непосредственно взыскания убытков, то закон устанавливает «обязанность» должника и кредитора действовать добросовестно по отношению друг к другу, учитывать права и законные интересы друг друга (п. 3 ст. 307 ГК РФ [1]). С учетом всех изложенных выше обстоятельств, включая очевидность (в т. ч. для истца) успешного окончания строительства, добросовестно ли поступил Истец, когда не только отказался от договора, но еще и потребовал компенсировать ему абстрактные убытки?

В связи с тем, что решение суда первой инстанции было мотивировано неправильно, то с его отменой следует согласиться. Вместе с тем, возможно при новом рассмотрении суду следует еще раз внимательно оценить добросовестность Истца.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, Часть первая, от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ;
2. Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ;
3. «Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 04.12.2013);
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

Понятие несовершеннолетнего в уголовном процессе

Ибрагимова Айшат Магомедовна, магистр
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Несовершеннолетние, то есть дети, — это особая категория лиц, в отношении которых предусмотрена возможность привлечения к уголовной ответственности.

Само понятие «несовершеннолетний» является межотраслевым. В уголовно-процессуальном праве, как имеющем тесную взаимосвязь с уголовным правом, указанный термин не раскрывается в силу того, что он конкретизирован в уголовном законе. По общему правилу несовершеннолетние — это все лица, которые не достигли возраста восемнадцати лет. Однако к уголовной ответственности могут быть привлечены те, кому исполнилось шестнадцать лет, либо, по отдельным составам преступлений, которые перечислены непосредственно в законе — четырнадцать лет [1].

Соответственно участниками уголовного процесса в качестве лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности, выступают несовершеннолетние, определяемые как лица, наделенные ограниченной дееспособностью. Дети в возрасте до 14 лет могут стать участниками уголовного процесса, но в ином статусе — свидетелей или потерпевших.

Установление указанного выше возраста уголовной ответственности несовершеннолетних, как полагает Н. В. Машинская, обусловлено наличием достаточного уровня развития интеллекта, в результате чего ребенок уже может осознавать сущность собственных деяний, руководить собственными действиями и, как следствие, отвечать за содеянное [4, с. 35].

Данная точка зрения в современной науке является наиболее распространенной. Учитывая наличие понятия невменяемости, законодатель фактически закрепил возрастную невменяемость, ориентируясь на медицинские критерии развития человека, его умственных и физических возможностей, а также формирования психики на определенных этапах жизни.

Уголовно-процессуальное право предполагает, наряду с уголовным, возможность освобождения несовершеннолетних от ответственности в силу несоответствия биологического возраста и умственного или психического развития. Подобным образом законодатель фактически выделил среди возрастной категории лиц, которые могут стать субъектом преступления, тех, кто не отвечает закрепленным в законе критериям по мотиву вменяемости. За счет закрепления указанных положений закона обеспечивается защита от объективного вменения в связи с достижением возраста уголовной ответственности. Умственное и психическое развитие это важные составляющие уголовной ответственности и понятие вины, как ключевого.

Законодатель, определяя условия уголовной ответственности несовершеннолетних, выделил нормы, регла-

ментирующие ее, в отдельную главу — главу 50 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Обращает внимание на себя то обстоятельство, что законодатель расширил круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего. В статье 421 Уголовно-процессуального кодекса РФ закреплено, что помимо возраста несовершеннолетнего по уголовному делу должны быть установлены условия жизни и воспитания, уровень умственного и психического развития, а также влияние на ребенка, которое оказывают взрослые [2].

Можно предположить, что такой подход обусловлен пониманием несамостоятельности детей, их внушаемости, подверженности влиянию со стороны, а так значимостью взрослых людей в аспекте формирования личности ребенка. Не имея собственного опыта, ребенок ориентируется на тех, у кого он есть, то есть на старших. Доверие со стороны обуславливает облегчение воздействия, в том числе в плане вовлечения несовершеннолетних в асоциальный образ жизни, в совершение преступных деяний. Представляется, что этими же факторами обусловлена необходимость выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетних в том случае, когда по делу наряду с ними привлекаются лица, достигшие возраста восемнадцати лет. Уголовное дело не выделяется только в исключительных случаях и по объективным причинам.

Отдельное внимание стоит заострить на том, что, признавая уязвимость несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности, законодатель закрепил в уголовно-процессуальном законе необходимость обеспечения участия законных представителей, на которых возлагается обязанность защищать интересы представляемого лица. Даже в тех случаях, когда в рамках уголовного процесса устанавливается факт противоречия интересов законного представителя и несовершеннолетнего, последний не остается без защиты. Происходит замена одного лица на иное.

В. Ю. Стельмах в своем исследовании подвергает критике нормы уголовно-процессуального законодательства в части осуществления производства по делам в отношении несовершеннолетних в случае, когда речь идет о том, что достигшее возраста совершеннолетия лицо привлечено к ответственности за деяния, совершенные в возрасте до 18 лет. По убеждению В. Ю. Стельмаха, нормы уголовно-процессуального права, закрепляющие обязательность участия законного представителя, неоправданны и нелогичны, так как их нельзя рассматривать в качестве обеспечивающих повышенный уровень защиты [5, с. 94].

Мнение спорное. С одной стороны, фактически в процессе участвует совершеннолетний, который, при отсутствии отставания в умственном и физическом развитии рассматривается с позиции закона как полностью дееспособный и обязанный отвечать за все поступки, которые были им совершены. Иными словами, присутствие законного представителя действительно не нужно. С другой стороны, наступление совершеннолетия не приводит к тому, что у человека резко и кардинально меняется мышление, что он становится иным. Законный представитель применительно к тем, кому исполнилось 18, нужен, если преступление было совершено до достижения указанного возраста. Здесь речь идет все же о поддержке защите со стороны законного представителя.

Верховный Суд Российской Федерации по данному вопросу указал, что достижение возраста 18 лет — это основание для прекращения полномочий законного представителя. Однако возможность сохранения полномочий для тех лиц в возрасте от 18 до 20 лет все же сохраняется, но как исключение, а не как правило, и только при наличии к тому оснований [3].

Правовая позиция высшего суда не может быть оспорена и подлежит применению в обязательном порядке всеми судами, но все же представляется допустимым изложить собственную позицию. Несовершеннолетние в современном мире более инфантильны. Их реальное взросление отодвинуто по сравнению с предыдущими поколениями. Можно дискутировать на данную тему, но ос-

новная мысль заключается в том, что в лицо, которое еще вчера было несовершеннолетним, на следующий день не меняется полностью и продолжает нуждаться в защите и поддержке со стороны родителей или тех лиц, которые их заменяют. Исключения, безусловно, присутствуют, но они только подтверждают общую картину. Было бы более правильным и разумным законодательно закрепить необходимость участия законных представителей по делам, где разрешается вопрос о преступлениях, совершенных до достижения 18 лет, до двадцатилетия в обязательном, а не в альтернативном порядке, поскольку это позволит повысить защищенность лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

Итак, обобщая изложенное, можно сделать вывод, что понятие несовершеннолетних в уголовном процессе идентично данному понятию в уголовном праве. Несовершеннолетние выделены в отдельную категорию, в отношении них закреплен особый порядок уголовного судопроизводства в свете признания несформированности человека в данном возрасте, необходимости повышенной защиты несовершеннолетних. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что уголовно-процессуальное законодательство в части обеспечения участия законных представителей несовершеннолетних нуждается в совершенствовании. Законные представители должны в обязательном порядке участвовать по делам, где преступления были совершены в возрасте до 18 лет. При этом обязательность должна распространяться на лиц в возрасте до 20 лет.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2011. — № 4.
4. Машинская, Н. В. Понятие несовершеннолетнего в уголовном процессе и проблема дифференциации процессуальной формы по делам несовершеннолетних // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2013. — № 1 (21). — с. 34–37.
5. Стельмах, В. Ю. Дефекты законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних // Журнал российского права. — 2020. — № 10. — с. 92–104.

Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка

Ибрагимова Айшат Магомедовна, магистр
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Жизнь — это высшая ценность, которая охраняется государством и гарантируется с его стороны с учетом закрепления положения о ценности жизни в основном законе стране — Конституции Российской Федерации [1].

Лишение человека жизни порицается обществом и наказывается государством. Убийство матерью новорожденного ребенка, то есть абсолютно беззащитного человека, представляет большую опасность, но имеет свою

специфику, вследствие чего законодатель выделил данный состав преступления как самостоятельный, закрепив его в статье 106 Уголовного кодекса РФ. Выделение данного состава обусловлено тем, что состояние женщины после родов, а также наличие психотравмирующей ситуации определяются как смягчающие вину обстоятельства [5].

В 2018 году, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за совершение преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса РФ, было осуждено 33 женщины и три признано невменяемыми. В 2019 осуждено 26 женщин и 7 признано невменяемыми. В 2020 году осуждено 29 женщин, 2 женщины признаны невменяемыми. Кроме того, в 2020 году, в отличие от двух предыдущих, когда уголовные дела не прекращались, одно уголовное дело было прекращено за отсутствием состава преступления [7].

Несмотря на малое количество уголовных дел, вопрос об уголовной ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка сохраняет свою актуальность, в том числе и по причине проблем с доказыванием и с квалификацией деяния.

Проблемы квалификации отчасти обусловлены терминологией, которая использована законодателем. Сложными в аспекте толкования на практике остаются термины «биологическая мать», «новорожденный». Не всегда однозначно ситуация определяется как психотравмирующая.

Действующее законодательство России статус «новорожденный» определяет применительно к ребенку с момента рождения и до 28 дня жизни [4]. В итоге, ребенок, проживший на день больше, не подпадает под категорию новорожденного и за его убийство мать несет ответственность уже не как недавно родившая, а на общих основаниях. В итоге на практике возникают ситуации, которые остаются неоднозначными в части квалификации деяния.

Проанализировать ситуацию можно на примере уголовного дела, которое было рассмотрено Верховным Судом РФ [6]. По данному делу убийство матерью своего малолетнего ребенка было квалифицировано как предусмотренное пунктом «в» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации деяние. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что высший суд согласился с квалификацией деяния, но пришел к выводу о необходимости пересмотра назначенного осужденной наказания, указав следующее: в приговоре не получило должной оценки то, что осужденной было совершено убийство ребенка, едва только перешагнувшего возрастной порог категории новорожденных детей, убийство которых при определенных обстоятельствах квалифицируется по статье 106 Уголовного кодекса РФ. Не учтено судами и то, что ситуация, в условиях которой находилась осужденная во время совершения преступления, хотя и не была признана психотравмирующей, не может быть признана вполне благоприятной. Как следует из материалов дела, осужденная тяготилась тем, что Н., с которым она сожительствовала, не предлагал ей зарегистрировать брак и не оставлял свои пагубные привычки,

связанные с употреблением наркотиков и алкоголя. На этой почве между ними возникали словесные конфликты. Наблюдая, как Н. принимает наркотики и употребляет алкоголь, осужденная пришла к выводу, что это может сказаться на здоровье ребенка, на наследственности и что он из-за этого много кричит. В связи с этим у нее стало появляться чувство неприязни по отношению к сыну. Кроме того, в семье было неблагоприятное материальное положение, так как все время не хватало денег. При этом мать не могла обратиться за помощью к своим матери и сестре, так как из-за их негативного отношения к Н., они не общались. Близких людей, друзей, с которыми, по ее собственному признанию, можно было бы поговорить, у нее не было. Указанные жизненные обстоятельства, усугубленные послеродовым состоянием осужденной, не могли не повлиять на ее способность адекватно оценивать ситуацию и управлять ею.

Приведенные выше доводы послужили причиной снижения назначенного наказания.

Анализируя описанную ситуацию, можно утверждать, что фактически речь идет об убийстве матерью новорожденного ребенка. При этом убийство совершено женщиной, которая фактически находилась в состоянии психотравмирующей ситуации. Причиной изменения квалификации стало то обстоятельство, что ребенок прожил на день больше и уже формально не подпадал под категорию осужденных. Представляется, что подобный подход законодателя несправедлив. В каждой конкретной ситуации наличие психотравмирующих факторов, оказывающих влияние на женщину, недавно родившую ребенка, должно учитываться в полной мере. Определенный срок новорожденности явно нуждается в пересмотре. Он должен быть сокращен, например, до 14 дней (с учетом возможности травм при родах и осложнений, влияющих на развитие ребенка) либо увеличен до одного месяца. В противном случае возникает ситуация неравенства правового положения женщин, которые, например, совершили убийство за день до истечения 27 дней с момента рождения, и тех, кто совершил на день позже. Психотравмирующая ситуация, которая не исчезает и, как вариант, становится провоцирующим фактором, если она присутствует с момента ребенка (либо уже присутствовала до его рождения), должна быть определена как критерий, влияющий на квалификацию деяния. Наличие подобной ситуации следует рассматривать как основание для квалификации деяния как предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации, а не как предусмотренное частью второй статьи 105 указанного кодекса. Такая трактовка позволит сделать дифференциацию уголовной ответственности женщин, недавно родивших ребенка, более обоснованной.

Дискуссионным в свете отсутствия запрета на вынашивание чужого ребенка (суррогатная беременность) становится вопрос о возможности квалификации деяния как предусмотренного статьей 106 Уголовного ко-

декса РФ, совершенного суррогатной матерью, потому что в указанной норме закона отсутствует разграничение. Суррогатная мать — это женщина, родившая ребенка в результате применения метода искусственной инсеминации спермой донора или метода экстракорпорального оплодотворения или имплантации эмбриона в целях его вынашивания для других лиц [2]. Суррогатная мать ни физиологически, ни юридически не является матерью выношенного ею ребенка. С другой стороны, вынашивание оказывает влияние на физиологическое состояние женщины, вследствие чего не исключаются возникновение состояния, аналогичного тому, что присутствует у женщины, которая выносила и родила собственного ребенка.

В судебной практике подобных дел до настоящего времени нет, но вопрос представляет интерес, как с теоретической, так и с практической точки зрения, потому что при возникновении подобной ситуации неизбежно возникнет дискуссия относительно квалификации деяния и возможности вменения в вину совершение преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного кодекса РФ. Представляется, что суррогатные матери должны отвечать за содеянное также, как и биологические. Однако при этом значение будут иметь мотивы совершения престу-

пления, что важно тогда, когда женщина не воспринимает ребенка как собственного, понимая, что физиологически это чужой ребенок.

Итак, резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы. Убийство матерью новорожденного ребенка — это деяние, которое выделено как самостоятельное в силу того, что состояние женщины после рождения ребенка имеет свои особенности, что позволяет смягчить ответственность. На практике проблемы квалификации обусловлены сроком, в течение которого ребенок определяется как новорожденный. Превышение данного срока на незначительный промежуток времени, которые может исчисляться часами, становится основанием для квалификации деяния как особо тяжкого. Такой подход не совсем корректен, потому что в итоге по формальным основаниям ухудшается правовое положение осужденной. Вторая проблема связана с отсутствием конкретики в законе применительно к психотравмирующей ситуации, в которой находится женщина. Отсутствуют четкие критерии для ее определения, в результате чего все остается на усмотрение суда. Положения о психотравмирующей ситуации нуждаются в более тщательной проработке.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (ред. от 01.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. — 04.07.2020.
2. Модельный закон о противодействии торговле людьми от 03.04.2008 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. — 2008. — № 42. — с. 301–353.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. Охрана репродуктивного здоровья работников. Основные термины и понятия (утв. Минздравом РФ 02.10.2003 № 11–8/13–09) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1999. — № 3.
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.09.2018 № 38-АПУ18–5 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
7. Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Url: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 18.08.2021).

Компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок

Ибрагимова Айшат Магомедовна, магистр
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Представление о реальности разумных сроков судопроизводства в нашей стране формировалось постепенно. На первых этапах постсоветского периода времени ситуация в стране была очень сложной. Проблемы затро-

нули и отправление правосудия. Основной и наиболее болезненной была проблема затянутости процесса рассмотрения дел — гражданских, уголовных, дел об административных правонарушениях. Острой проблемы не

существовало только в арбитражных судах, хотя и там некоторые дела рассматривались порой очень долго.

Длительность судебных процедур в России — одна из самых болезненных проблем, препятствующих эффективной защите нарушенного права. Формально на уровне процессуального законодательства все сроки являются разумными. Фактически же за счет возможности пересмотра дела по существу в вышестоящих инстанциях и допустимости многократной отмены постановлений судебных актов судебные споры порой затягиваются на годы.

Данная проблема в свое время привела к тому, что в законодательстве России появилось положение о возможности взыскания компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства и на разумные сроки исполнения судебных актов. 30 апреля 2010 года был принят федеральный закон № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [2].

Принятие данного федерального закона было обусловлено во многом тем, что Россия предприняла меры к тому, чтобы стать активным участником мирового сообщества. Как следствие были ратифицированы многие международные договоры. Ратификация Конвенции о защите прав человека и основных свобод [1] повлекла за собой признание решений, которые принимаются Европейским судом по правам человека. Представляется, что решения данного суда, имеющие обязательную (но не во всех случаях, исключение — противоречие основному закону страны) силу для России, на основании которых взыскивалась компенсация в пользу тех лиц, чьи права были нарушены, и стали причиной необходимости изменить законодательство, ориентируя суды на соблюдение установленных в процессуальном законодательстве сроков.

Европейский суд по правам человека, рассматривая жалобы, неоднократно приходил к выводу, что длительность российских процедур судопроизводства нарушает право человека на рассмотрение его дела в разумные сроки. Не углубляясь в анализ всех дел, рассмотренных Европейским судом по правам человека, в качестве примера можно привести следующее.

Европейский суд по правам человека усмотрел нарушение права на разумный срок судопроизводства, рассматривая «Дело Лебедев (Lebedev) против Российской Федерации (жалоба № 6705/07)» [3].

По данному делу заявитель указывал на нарушение его права при рассмотрении дела об оспаривании бездействия, связанного с нарушением права на получение жилищной субсидии. Европейский суд по правам человека в данной части усмотрел нарушение прав заявителя. Судебное разбирательство длилось с 17 февраля 2000 года и вплоть до 1 ноября 2008 года, то есть фактически более восьми лет. Даже с учетом того, что Европейский суд по правам человека исключил из этого периоды, когда дело не рассматривалось судами Российской Федерации, период, который должен приниматься во внимание, продол-

жался примерно четыре года и 20 дней. Данный срок был определен как чрезмерный и нарушающий права заявителя, с учетом характера, сложности дела и важности его исхода для заявителя.

Приведенный пример наглядно демонстрирует, сколь проблематичным может быть рассмотрение дел в судах России с учетом длительности судебных российских процедур. Многие дела, за рассмотрением которых как физические, так и юридические лица обращаются в суд, требуют разрешения в кратчайшие сроки, в том числе по причине неактуальности вынесенного решения спустя длительное время, что превращает судопроизводство в фикцию, в формальную демонстрацию возможности осуществления защиты права при отсутствии реальной защиты.

В соответствии с частью 2 статьи 1 федерального закона от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок может быть присуждена только тогда, когда оно возникло вне зависимости от воли лица, требующего присуждения ему компенсации [2].

Формальное нарушение установленных законодательством Российской Федерации сроков рассмотрения дела само по себе не означает нарушения права на судопроизводство в разумный срок. Условием для взыскания компенсации за нарушение разумных сроков судопроизводства по смыслу положений указанного выше федерального закона является превышение предусмотренных законов сроков рассмотрения дела. Кроме того, существенным условием является нарушение права по причинам, не зависящим от воли лица, обратившегося с заявлением о присуждении компенсации.

Неоднократные отмены и длительность временного промежутка между отменой постановленного решения и принятием нового решения по существу спора могут быть определены как нарушение разумных сроков судопроизводства, что нежелательно и недопустимо. Стоит отметить, что присуждение компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства не лишает лицо права обратиться за взысканием причиненных ему убытков, что в результате дополнительным бременем расходов становится для федерального бюджета.

Особенность компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства и за нарушение разумных сроков исполнения судебных актов заключается в том, что в силу закона она может быть взыскана только в виде денежной компенсации.

Как проблему можно определить отсутствие четких законодательно закрепленных критериев определения суммы компенсации, а также то, что размер компенсации определяет не лицо, чье право нарушено, а только суд, который рассматривает дело о ее взыскании. Указанный в законе ориентир на решения Европейского суда по правам человека условен, потому что суммы, взыски-

ваемые в России несопоставимы с теми, которые взыскивает указанный суд. Здесь речь идет скорее о том, какие именно нарушения определяются как существенные и влекущие за собой возникновение права на получение компенсации, в каких случаях принимается во внимание поведение лица, обратившегося за ее взысканием, в том числе как основание для отказа в удовлетворении требования о взыскании компенсации.

Представляется, что отсутствие четких критериев для определения размера подлежащей взысканию компенсации отчасти обусловлено позицией Верховного Суда Российской Федерации, особо заострившего внимание на необходимости индивидуального подхода в каждом конкретном случае [4]. Правовые позиции высших судов в нашей стране не рассматриваются как источники права, но фактически имеют даже большую силу, чем законы, в силу того, что правоприменители ориентируются именно на правовые позиции.

С одной стороны, указание на необходимость индивидуального подхода вполне обоснованно. Каждая ситуация, несмотря на присутствие определенного сходства, уникальна. С другой стороны, должны все же присутство-

вать некие критерии. Особенно важным представляется установление минимального порога взыскиваемой суммы, чтобы в итоге присужденная компенсация не была унизительной. Государство должно в полном объеме отвечать за действия государственных служащих. Вынесение и исполнение судебных решений должно осуществляться своевременно, в противном случае умаляется авторитет государства в целом.

Итак, можно сделать вывод, что законодательное закрепление положений о необходимости компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства и на разумный срок исполнения судебных актов в России обусловлено возникновением сложной ситуации в аспекте затягивания рассмотрения судебных дел и исполнения судебных актов.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что в настоящее время правовое регулирование вопросов взыскания указанной компенсации несовершенно. Основная проблема — это отсутствие четких критериев для определения размера компенсации, что может стать причиной необоснованно дифференцированного подхода к защите нарушенных прав.

Литература:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (ред. от 24.06.2013) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.
2. Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (ред. от 19.12.2016) // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 18. — Ст. 2144.
3. Постановление Европейского суда по правам человека от 20.03.2018 «Дело Лебедев (Lebedev) против Российской Федерации (жалоба № 6705/07)» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. — 2019. — № 11.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 5.

Практика работы органов прокуратуры Российской Федерации по взаимодействию с общественностью и правовому просвещению

Ибрагимова Айшат Магомедовна, магистр
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Прокуратура, будучи созданной давно, на протяжении многих лет остается государственным органом, который надзирает над соблюдением законности [1].

Функционирование органов прокуратуры предполагает, что их сотрудники находятся в постоянном взаимодействии с населением, с государственными структурами, с разного рода организациями, с общественностью.

Понятие общественности скорее абстрактно, потому что общественность — это часть общества, наиболее активная, но не конкретизируемая по составу и количеству участников. Под общественностью принято подразумевать уважаемых, известных и активных людей, за которыми без специальной фиксации признается право на выражение мнения населения, хотя фактически речь идет

о выражении определенной группы лиц, а не всего населения в целом.

Как и любая иная деятельность органов прокуратуры, связь с общественностью регламентируется, при этом детализация положений осуществлена не как на уровне законов, так и на подзаконном уровне.

В числе федеральных законов, регулирующих вопросы взаимодействия органов прокуратуры с общественностью, как представляется, следует выделить федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [2].

Взаимодействие государственных органов, к числу которых принадлежат и органы прокуратуры, базируется на ряде принципов:

- открытости и доступности информации о деятельности государственных органов;
- достоверность информации о деятельности государственных органов и своевременности ее предоставления;
- свободе поиска, получения, передачи и распространения информации о деятельности государственных органов любым законным способом;
- соблюдении прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту их чести и деловой репутации, права организаций на защиту их деловой репутации при предоставлении информации о деятельности государственных органов.

Кроме того, в законе закреплено требование о размещении информации о деятельности государственных органов в сети «Интернет», что должно повысить прозрачность деятельности, возможности реагирования со стороны населения на действия и бездействие органов прокуратуры.

Фактически получается, что в настоящее время взаимодействие осуществляется преимущественно в отсутствие прямого контакта. Все желающие могут свободно и в любое время ознакомиться с данными о деятельности органов прокуратуры и отреагировать, если сочтут нужным. Представляется необходимым отметить, что была существенно упрощена возможность обращения в органы прокуратуры с использованием современных ресурсов. Тем самым ускоряется процесс разрешения вопросов, и, что немаловажно, увеличивается скорость реагирования на выявленные факты нарушения законов.

В настоящее время вопросы взаимодействия с общественностью наряду с федеральными законами регулируются положениями приказа Генеральной прокуратуры от 17 мая 2018 года № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью» [3].

Анализируя данный нормативный акт, можно утверждать, что Генеральная прокуратура Российской Федерации определяет взаимодействие с общественностью как одно из важнейших направлений работы и осуществлять

его, исходя из анализа состояния законности и прокурорской деятельности.

Взаимодействие с общественностью обеспечивается также за счет проведения встреч, семинаров, круглых столов, в рамках которых население и средства массовой информации получают возможность свободного взаимодействия с сотрудниками органов прокуратуры.

Однако стоит отметить, что все подобные мероприятия строго контролируются и предполагают необходимость предварительного согласования. Генеральная прокуратура Российской Федерации требует, чтобы в случае участия сотрудников структурных подразделений органов прокуратуры в форумах, конференциях, заседаниях, совещаниях, круглых столах или иных мероприятиях, актуальных для представителей средств массовой информации и проводимых федеральными органами государственной власти, российскими общественными объединениями или организациями, а также компетентными органами иностранных государств и международными организациями, сообщать об этом в управление взаимодействия со средствами массовой информации за 3 рабочих дня до проведения мероприятия. В случае принятия решения об участии органов прокуратуры Российской Федерации менее чем за 3 рабочих дня до мероприятия информировать управление взаимодействия со средствами массовой информации в возможно короткий срок.

Деятельность прокуроров неразрывно связана с реализацией познавательной функции. Данная функция влияет на многие качества прокурорских работников, формируя в итоге компетентность. Эффективность познавательного процесса во многом обусловлена тем, насколько развита у прокурора функция коммуникации, умения выстроить взаимоотношения и воздействовать на иных лиц, а также усваивать значительные объемы информации.

Развитие науки и техники в современном мире позволяет упростить и сделать более доступным правовое просвещение населения. Органы прокуратуры осуществляют его различными способами, но на сегодняшний день наиболее доступным можно определить информирование и просвещение за счет размещения необходимой информации на официальных сайтах органов прокуратуры в сети «Интернет».

Генеральная прокуратура Российской Федерации ориентирует органы прокуратуры на осуществление систематического информирования населения через официальные интернет-представительства органов прокуратуры, информационные агентства, печать, радио и телевидение о состоянии законности и правопорядка. Информирование ограничивается только за счет установления запрета на размещение в свободном доступе материалов, которые являются конфиденциальными, содержат персональные данные и сведения, отнесенные в силу действующего законодательства к государственной тайне.

Таким образом, органы прокуратуры в настоящее время с учетом правового регулирования осуществляют дея-

тельность, связанную с взаимодействием с общественностью. Данное взаимодействие присутствует в различных формах — начиная от прямого и непосредственного контакта, организации круглых столов и тому подобных мероприятий, и завершая взаимодействием дистанционным. Дистанционное взаимодействие обеспечивается за счет

создания в сети «Интернет» сайтов органов прокуратуры, где присутствует возможность обратной связи.

Органы прокуратуры информируют население о своей деятельности, а также осуществляют правовое просвещение, разъясняя положения закона и особенности его применения в доступной форме.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
2. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 7. — Ст. 776.
3. Приказ Генеральной прокуратуры от 17.05.2018 № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью» / Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Url: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/document-1400026/> (дата обращения: 19.09.2021).

Понятие участника закупки по Федеральному закону от 05.04.2013 № 44-ФЗ и Федеральному закону от 18.07.2011 № 223-ФЗ

Иванова Светлана Анатольевна, доктор юридических наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Кирсанов Константин Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Желтова Екатерина Дмитриевна, студент магистратуры;
Лобанова Мария Сергеевна, студент магистратуры
Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В статье авторы пытаются определить понятие участника закупки по двум основным Федеральным законам и определить с какого момента лицо может стать участником.

Ключевые слова: закупка, участник закупки, лицо, конкурсная документация.

Государственный контракт в настоящее время является основной формой участия публично-правовых образований в обязательственных правоотношениях. Процесс его заключения регулируется нормами Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ) и вступившим в силу 01.01.2014 Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2] (далее — Закон № 44-ФЗ, Закон о контрактной системе), пришедшим на смену Федеральному закону от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [3] (далее — Закон № 94-ФЗ). Иные юридические лица осуществляют свою закупочную деятельность по Федеральному закону от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее — Закон № 223-ФЗ) [4].

На сегодняшний день можно говорить о том, что Закон № 44-ФЗ не смог решить многие значимые пра-

вовые проблемы. В частности, на законодательном уровне понятие «участник закупки» носит слишком общий характер. В статье 3 дано следующее определение участника закупки: «участник закупки — любое юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала, ..., или любое физическое лицо, в том числе зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя;». Похожее по структуре определение закреплено и в Законе № 223-ФЗ. Так, в статье 3 предусмотрено, что «участником закупки является любое юридическое лицо или несколько юридических лиц, выступающих на стороне одного участника закупки, независимо от организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала либо любое физическое лицо или несколько физических лиц, выступающих на стороне одного участника закупки, в том числе индивидуальный предприниматель или несколько индивидуальных пред-

принимателей, выступающих на стороне одного участника закупки». Таким образом, судя по определению любое юридическое или физическое лицо может стать участником закупки. Однако на практике это далеко не так. Не все могут участвовать в закупке, если:

- в закупке действует национальный режим;
- требуются определенные лицензии и разрешения, если закупка на лицензируемые виды деятельности,
- нужен опыт работы и квалификация сотрудников (применяется в закупках технически сложных товаров, работ, услуг с высокой НМЦ по постановлению правительства № 99),
- проводят закупку только среди субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций,
- проводят закрытую закупку с информацией, составляющей государственную тайну.

Еще одной проблемой является то, что не определен момент, с которого лицо приобретает статус участника закупки. Мнения по поводу этого вопроса расходятся. Одни считают, что любой потенциальный участник, который даже не заявился на закупку, уже является ее участником. Другие же считают, что участником является лишь то лицо, которое подало заявку. Четкого ответа ни Закон № 44-ФЗ, ни Закон № 223-ФЗ не дают, что порождает проблему двойственности статуса участника закупки. Она заключается в том, что, по сути, любое лицо имеет право подать жалобу на положения документации о закупке. Однако, в отличие от лица, подавшего заявку на участие в закупке, не подавшее ее лицо лишается возможности обратиться с жалобой после рассмотрения заявок.

М. В. Шмелева высказывает мнение, что участником закупки необходимо считать лицо, претендующее на заключение договора в рамках закупки и имеющее целью его заключение, выразившее свое волеизъявление путем совершения каких-либо действий по обращению с заявкой на участие в закупочной процедуре или путем подачи необходимых для участия в закупочной процедуре документов [5].

Аналогичную позицию занимает Алексей Шумилов, который обращает внимание на то, «что «претендовать», с точки зрения законодателя, означает «стремиться получить что-нибудь, предъявлять свои права на что-нибудь, заявлять о своих намерениях» [6].

При этом стремление, притязание, заявление должно демонстрироваться претендентом, иметь какой-то выход вовне, т. е. содержать элемент публичности, быть известным заказчикам и иным заинтересованным лицам.

Анализируя все вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что, строго говоря, закон не определяет момент возникновения у юридического и (или) физического лица статуса участника закупки. Если толковать статус участника закупки во взаимосвязи с другими положе-

ниями закона, то этот статус приобретает лицо, которое одновременно имеет либо **два** признака:

1. наличие статуса юридического лица, соответствующего требованию статьи 3 Закона № 44-ФЗ, Закона № 223-ФЗ либо является физическим лицом;
2. наличие заявки от данного лица на участие в закупке, либо же характеризуется наличием **трех** признаков одновременно:
 - 1) наличие статуса юридического лица, соответствующего требованию статьи 3 Закона № 44-ФЗ, Закона № 223-ФЗ, либо является физическим лицом;
 - 2) заинтересованность в участии в закупке (она может проявляться в подаче заявки ранее на несостоявшуюся закупку и последующую подачу жалобы на действия того же заказчика, допускаемые в новой закупке с тем же предметом, препятствующие участнику закупки подать заявку на участие);
 - 3) наличие реальной возможности стать поставщиком, подрядчиком, исполнителем (участник закупки поставляет товар, оказывает услуги, выполняет работы, которые потенциально могут удовлетворить потребности заказчика).

На последний пункт требуется обратить особое внимание. Дело в том, что если в конкурсной документации есть нарушения, участник закупки не может подать заявку, действуя при этом добросовестно (что презюмируется в случае подачи жалобы на закупочную документацию). Данное положение закреплено в статье 66 Закона № 44-ФЗ, согласно которой участник закупки при подаче заявки должен предоставить согласие на поставку товара, соответствующего конкурсной документации, и согласие на выполнение работы или оказание услуги на условиях, предусмотренных документацией о таком аукционе, при проведении такого аукциона на выполнение работы или оказание услуги. Давая вышеуказанные согласия, участник принимает на себя обязательство поставить товар, выполнить работу, оказать услугу в случае победы в закупке. Следовательно, участник, товар, работа или услуга которого не подходят под требования закупки, поступая добросовестно, не может взять на себя такое обязательство. В таком случае действия заказчика по внесению в конкурсную документацию незаконных положений нарушают предусмотренные статьями 8 и 27 Закона № 44-ФЗ, статьями 1 и 3 Закона № 223-ФЗ права участника закупки на свободное участие в закупке, на потенциальную возможность стать поставщиком, подрядчиком, исполнителем по закупке, на добросовестную ценовую и неценовую конкуренцию, на равные условия для обеспечения конкуренции между участниками закупки.

Таким образом, практика применения Закона № 44-ФЗ и Закона № 223-ФЗ явным образом демонстрирует отсутствие у судов единого подхода при разрешении споров, вытекающих из заключенных в рамках закупок договоров, в том числе по вопросу определения участника закупки.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
3. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (ред. от 02.07.2013) // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3105 (утратил силу).
4. Федеральному закону от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (ред. от 02.07.2021) // <https://internet.garant.ru/#/document/12188083/paragraph/261/doclist/10103/showentries/0/highlight/223%20%D1%84%D0%B7:2>
5. Шмелева, М. В. Гражданско-правовое регулирование контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2013. с. 12–13.
6. Шумилов, А. Кого можно считать участником размещения заказа? // Корпоративный юрист. 2007. N 6; СПС «КонсультантПлюс».

Правовое обеспечение банковской тайны в Российской Федерации

Климин Анатолий Владимирович, студент магистратуры;
 Рузметов Сергей Атаханович, кандидат юридических наук, доцент
 Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Понятие «банковская тайна» — центральная категория банковского законодательства, имеющая отношение ко всем сделкам как банка, так и иных кредитных организаций. Банковская тайна распространяет свое действие не только на договоры банковского вклада и банковского счета физических и юридических лиц, но и на все иные обязательственные отношения, которые возникают между клиентом и банком в банковской сфере.

Ключевые слова: банковская тайна, банковские операции, кредитная организация, ответственность банка, ответственность, информация.

Legal security of bank secrecy in the Russian Federation

The concept of «bank secrecy» is the central category of banking legislation related to all transactions of both the bank and other credit organizations. Bank secrecy extends not only to bank deposit agreements and bank accounts of individuals and legal entities, but also to all other mandatory relations that arise between the client and the bank in the banking sector.

Keywords: bank secrecy, banking operations, credit institution, banking liability, responsibility, information.

Понятие «банковская тайна» можно определить как юридический принцип, в соответствии с которым банки, иные кредитные организации осуществляют защиту сведений о счетах и вкладах своих корреспондентов и клиентов [8], о банковских операциях по сделкам и счетам, сведения о клиентах.

Согласно ст.857 Гражданского кодекса РФ [2], тайна банковского вклада и банковского счета, операций по счету и сведений о клиенте гарантируется банком. В указанной статье определен круг лиц, которым могут быть предоставлены сведения, составляющие банковскую тайну, предусмотрена ответственность банка за разглашение сведений, составляющих банковскую тайну.

При этом многими учеными институт банковской тайны ставится под сомнение, поскольку вступившее в правоотношения с банком лицо полагает, что все известные банку сведения останутся конфиденциальными, хотя все данные может получить налоговый орган, предоставив мотивированный запрос. При этом передача профессиональной банковской тайны государственному органу не нарушает конфиденциальности сведений в силу прямого указания в законе [9].

Федеральными законами № 395–1 ФЗ [5] «О банках и банковской деятельности», N 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [6] также упоминается о сохранении банковской тайны: Банк России, кредитная организация,

организация, осуществляющая функции по обязательному страхованию клиентов, все служащие перечисленных организаций, операторы, банковские платежные агенты (субагенты) обязаны хранить тайну о счетах, операциях и вкладах своих клиентов, а также сведениях, касающихся непосредственно самого заемщика. Таким образом, банковская тайна представляет собой одну из центральных гарантий защиты прав клиентов на конфиденциальность информации о движении его капиталов.

К банковской тайне относится информация о паспортных данных, реквизитах иных документов, удостоверяющих личность физического лица, сведения о банковских реквизитах юридического лица, информация об уровне дохода и имуществе, о номерах, датах открытия счетов, сведений по типу счетов и валют, в которых они были открыты, о наличии и величине денежных средств на счету, срока их размещения и размере процентов, об объеме проводимых на счете клиента операций.

Сведения о счетах и проходящих на них операциях посредством направления запросов могут быть предоставлены судебным и налоговым органам РФ, Федеральной службе по финансовому мониторингу, Счетной Палате, Управлению службы судебных приставов России, таможенным органам, Фонду социального страхования, Министерству внутренних дел, Следственному комитету.

Общими условиями привлечения к ответственности являются доказательства разглашения указанных сведений (электронные либо письменные документы, свидетельствующие о том, что ненадлежащему субъекту стала известна банковская тайна физического или юридического лица [7].

За разглашение банковской тайны работник банка может быть привлечен к административной ответственности по заявлению клиента в полицию или прокуратуру на основании ст. 13.14 КоАП РФ [3]. Банк может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности в виде возмещения убытков на основании п.2 ст.15 ГК РФ [1], если будет доказано наличие и размер убытков физического лица (реальный ущерб либо упущенная выгода), а также причинно-следственная связь между действиями работника кредитной организации (банка) и причиненными убытками.

Уголовная ответственность по ст.183 УК РФ [4] наступает в случаях, когда документы, содержащие сведения о банковской тайне, получены закрепленным законом способом, либо когда банковская тайна была разглашена или использована без согласия владельца лицом, которому она стала известна по работе либо службе, если это причинило крупный ущерб или было совершено из корыстной заинтересованности либо повлекло тяжкие последствия.

С другой стороны, стремление к полной ликвидации банковской тайны — одно из направлений противодействия государства финансированию противоправной деятельности и сокрытию полученных преступным путем доходов. Названная тенденция прослеживается и на

уровне межгосударственного сотрудничества в банковской сфере: на международном уровне устанавливаются процедуры обмена информацией между налоговыми органами договаривающихся государств, расширяются возможности по получению информации от кредитных учреждений.

При предоставлении составляющей банковскую тайну информации кредитные организации оказываются сегодня в крайне непростой ситуации: с одной стороны, они обязаны предоставить информацию, относящуюся к банковской тайне по запросу указанных в законе лиц под угрозой мер административной ответственности, в то же время они рискуют потерять клиентов и вызвать их недоверие.

При этом сведения о характере и видах хозяйственной деятельности клиента, его арендных отношений с третьими лицами банковской тайной не являются. Единого закрытого перечня информации, который подчиняется режиму банковской тайны, на уровне федерального законодательства не существует.

Пределы возложенной на банк обязанности хранить банковскую тайну определяются законом; во-вторых, банковская тайна, будучи по своей природе и назначению публично-частным правовым институтом, служит как обеспечению условий для эффективного функционирования банковской системы и гражданского оборота, основанного на свободе его участников, так и гарантированию основных прав граждан и защищаемых Конституцией РФ интересов физических и юридических лиц; в-третьих, закрепление в законе отступлений от банковской тайны — исходя из конституционного принципа демократического правового государства, обязанности государства соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как высшую ценность и обеспечивать их баланс в законодательстве и правоприменении, верховенства Конституции РФ и ее высшей юридической силы, свободы экономической деятельности и свободного предпринимательства — не может быть произвольным.

Для защиты конфиденциальной информации банку необходимо обеспечить ограничение доступа к ней работников: только по необходимости и лишь в том объеме, без которого невозможно исполнение обязанностей.

Банкам необходимо тщательно, при содействии службы экономической безопасности, проверять передаваемую в прессу (открытый доступ) информацию, а также ответы на поступающие запросы. Необходимо обеспечивать техническую защиту внутренней информации банка, а также проводить работу с сотрудниками относительно знания правил, касающихся банковской тайны.

Таким образом, обеспечение высокого уровня конфиденциальности банковской информации в практической плоскости — задача кредитной организации, которая заинтересована в сохранении своей деловой репутации и доверия клиентов.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021)//Российская газета от 8 декабря 1994 г. N 238–239,
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2021)//Российская газета от 6, 7, 8 февраля 1996 г. N 23, 24, 25
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021)//Российская газета от 31 декабря 2001 г. N 256
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021)// от 18 (ст.ст. 1–96), 19 (ст. ст. 97–200), 20 (ст.ст. 201–265), 25 (ст.ст. 266–360) июня 1996 г. N 113, 114, 115, 118.
5. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 N 395–1 (ред. от 02.07.2021 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021)//Ведомости съезда народных депутатов РСФСР от 6 декабря 1990 г. N 27 ст. 357
6. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 11.06.2021 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021)// Российская газета от 30 июня 2011 г. N 139,
7. Казакова, Е. Б., Воронюк Е. П. Банковская тайна // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 8. с. 124–126.
8. «Как привлечь банк к ответственности за разглашение банковской тайны физического лица?» // «Электронный журнал «Азбука права» (дата обращения 10.08.2021 г.)
9. Саакян, М. А., Архиреева А. С. Налоговая тайна и особенности ее реализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 2. с. 117–120.

Административная ответственность за правонарушения в сфере налогов и сборов

Коняшина Екатерина Николаевна, студент магистратуры;
 Рузметов Сергей Атаханович, кандидат юридических наук, доцент
 Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассмотрена история становления и развития института административной ответственности за правонарушения в сфере налогов и сборов, правовая природа мер как налоговой, так и административной ответственности, определен круг правонарушений в области налогов и сборов, приведена классификация административных нарушений в сфере налогового законодательства.

Проведенные классификации будут основанием для систематизации правонарушений в сфере налогового законодательства в едином кодифицированном нормативно-правовом акте, а также помогут при выявлении особенностей составов данных правонарушений.

Ключевые слова: налоговые правонарушения, административная ответственность, налоговая ответственность, меры ответственности, правонарушения, формы выражения, формы вины, санкции.

Administrative responsibility for violations in the field of taxes and fees

The article considers the history of the formation and development of the institute of administrative responsibility for offenses in the field of taxes and fees, the legal nature of measures of both tax and administrative responsibility, defines the range of offenses in the field of taxes and fees, provides a classification of administrative violations in the field of tax legislation.

The classifications carried out will be the basis for the systematization of offenses in the field of tax legislation in a single codified normative legal act, and will also help in identifying the features of the compositions of these offenses.

Keywords: tax offenses, administrative responsibility, tax liability, measures of responsibility, offenses, forms of expression, forms of guilt, sanctions.

История становления и развития института административной ответственности за правонарушения в сфере налогов и сборов имеет глубокие корни.

Появление в конце XIX века налоговой системы в том виде, в котором мы представляем ее сейчас, было связано с переходом страны к производящему хозяйствованию от

натурального. В результате реформы 1881–1885 гг. были отменены подушная подать и соляной налог, но при этом введены новые виды налогов, которые характеризовались как косвенные по своей природе. При этом наиболее распространенным правонарушением в сфере налогов и сборов в то время являлась неуплата акцизов, ответственность за которые регламентировалась Уставом об акцизных сборах 1883 года.

Многие объекты налогообложения были уничтожены в результате революции 1917 года. Финансовая система России была ослаблена, что все же не затронуло сферу ответственности за уклонение от уплаты налогов и сборов. Наказание за неуплату подоходного налога устанавливалось Декретом о взимании прямых налогов, а наиболее жесткое наказание предусматривалось в отношении лиц, обязанных уплачивать единовременный налог и налог на прирост прибылей одновременно.

В мае 1921 года государство перешло к новой экономической политике, в связи с чем назрела необходимость создания качественно новой налоговой системы. В результате проводимой реформы стали использоваться рынок и различные формы собственности, продналог заменил продразверстку в сельских поселениях, проводилась денежная реформа, активно привлекался иностранный капитал. Однако, ставки налогов и сборов были сильно завышенными, в связи с чем граждане начали массово уклоняться от их уплаты, что расценивалось как попытка срыва мероприятий, проводимых советской властью, за что предусматривалась ответственность Уголовным кодексом 1922 года.

Конец 1920-х годов ознаменовался существенными изменениями в сфере налогообложения [6]: роль и значение налоговых правоотношений в государственной системе утратились после отказа правительства от дальнейшего проведения НЭП, сократилось количество взимаемых налогов. К 1931 году частный капитал прекратил свое существование и основными налогоплательщиками стали государственные предприятия. Государство пошло по пути жесткой централизации, применяя административные методы по изъятию прибыли и перераспределению ее между субъектами хозяйствования.

С 1961 по 1991 гг. в законодательстве об административной ответственности отсутствовали статьи, предусматривающие ответственность за налоговые правонарушения, поскольку в данный период за указанные правонарушения применялась уголовная ответственность.

В декабре 1991 года был принят Закон «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» [5], определивший основы современной налоговой системы, в котором впервые урегулировалась ответственность налогоплательщиков.

Основной для полного изменения налоговой системы стала Конституция Российской Федерации [1], которая базировалась исключительно на нормах российского за-

конодательства без применения действующих еще на тот момент советских норм.

По сравнению с советским периодом, в исследуемой сфере значительно выросло количество правонарушений, что связано с переходом страны к рыночной экономике и увеличением количества предпринимателей, коммерческих организаций, являющихся налогоплательщиками. Кроме того, действующее законодательство об ответственности плательщиков налогов и сборов имело большое количество недостатков. Вплоть до 1999 года при привлечении к ответственности не учитывалась вина налогоплательщика, необходимости в доказывании вины не было, что являлось очень выгодным для государства. Не была установлена законодательно возможность освобождения лица от ответственности в случае, когда наказание было несоразмерным совершенному правонарушению. Еще одним существенным недостатком был высокий размер штрафов, которые назначались иногда и в пятикратном размере. Все перечисленные недостатки налоговой системы конца 90-х гг., свидетельствовали о необходимости существенного пересмотра всего законодательства, регламентирующего ответственность в сфере налогов и сборов.

Основные направления, по которым следовало проводить работу в сфере законодательства, регламентирующего ответственность в сфере налогов и сборов, были установлены Президентом РФ в его послании Федеральному Собранию в 1997 году [4]. 16 июля 1998 года была принята первая часть Налогового кодекса [2], отдельный VI раздел которого посвящен ответственности за совершение налоговых правонарушений.

Действующий и в настоящее время Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [3] внес такие нововведения, как ответственность за правонарушения в сфере предпринимательской деятельности, таможенном деле, финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг.

Правовая природа мер как налоговой, так и административной ответственности тождественна, но при этом они выполняют различные функции [7]: налоговая ответственность выполняет преимущественно превентивную функцию, тогда как административная — карательную.

При определении круга правонарушений в области налогов и сборов необходимо учитывать такие особенности, как дуализм в закреплении составов правонарушений, часть из которых содержится в НК РФ, отсутствие в области налогового законодательства составов некоторых правонарушений, закрепленных в главе 15 КоАП РФ (данная глава также включает в себя правонарушения в области финансов, страхования и рынка ценных бумаг). Следовательно, круг правонарушений в области налогов и сборов составляют правонарушения, закрепленные в ст.ст. 116, 119–119.2, 120, 122, 122.1, 123, 125, 126, 128–129.4 НК РФ и ст.ст. 15.3–15.8 КоАП РФ. Таким образом, НК РФ содержит 16 статей, включающих в себя 29 составов правонарушений, в то время

как в КоАП РФ находятся 6 статей с 9-ю составами правонарушений.

Выбор критерия классификации, то есть основания деления, является одним из главных аспектов в классификации. Ввиду разнообразия и широкой распространенности правонарушений в сфере налогового законодательства единого критерия их классификации быть не может.

А. В Брызгалин [8] классифицирует административные нарушения в сфере налогового законодательства следующим образом:

- правонарушения против системы налогов;
- правонарушения против прав и свобод налогоплательщиков;
- правонарушения против исполнения доходной части бюджетов;
- правонарушения против системы гарантий выполнения обязанностей налогоплательщика;
- правонарушения против контрольных функций налоговых органов;
- правонарушения против порядка ведения бухгалтерского учета, составления и представления бухгалтерской и иной отчетности;
- правонарушения против обязанностей по уплате налогов.

В зависимости от субъекта административного правонарушения в сфере налогового законодательства выделяются правонарушения, совершенные гражданами (ст. ст. 128, 129 НК РФ), юридическими лицами (ст. ст. 120, 125 НК РФ), должностными лицами (в ст.ст. 15.3–15.5, ч. 2 ст. 15.6, 15.7–15.8 КоАП РФ).

В зависимости от формы вины административные правонарушения в сфере налогового законодательства подразделяются на умышленные и неосторожные. При этом правонарушения, закрепленные в п. 2 ст. 126, ст. 128, ст. 129 НК РФ могут быть совершены тоже только в форме умысла.

В зависимости от формы выражения противоправного деяния, выделяются правонарушения, совершенные в форме действия (ст.ст. 15.7 КоАП РФ и ст.ст. 119.2, 120,

122.1, 129.2 НК РФ) и бездействия (ст.ст. 15.3–15.5, 15.8 КоАП РФ и ст.ст. 116, 118, 119, 119.1, 123, 125, 129.1, 129.4 НК РФ), а также смешанные правонарушения (ст. 15.6 КоАП РФ и ст.ст. 122, 126, 128, 129, 129.3 НК РФ).

В зависимости от наличия или отсутствия вредных последствий, административные правонарушения в сфере налогового законодательства классифицируются на: правонарушения с формальным составом (п.1 ст. 116, п. 1 ст. 118, п. 2 ст. 119, ст. 119.1, 119.2, п. 1, 2 ст. 120, ст. 125, ст. 126, ст. 128, ст. 129, ст. 129.1, ст. 129.4 НК РФ, ст.ст. 15.3–15.8 КоАП РФ); правонарушения с материальным составом (п. 2 ст. 116, п. 1 ст. 119, п. 3 ст. 120, ст. 122, ст. 122.1, ст. 123, ст. 129.2, ст. 129.3 НК РФ).

В зависимости от санкции, применяемой за совершение правонарушения, выделяются правонарушения, за которые применяется штраф в виде денежного взыскания в твердом денежном выражении для налоговых правонарушений с формальным составом (п.1 ст. 116, п. 1 ст. 118, п. 2 ст. 119, ст. 119.1, 119.2, п. 1, 2 ст. 120, ст. 125, ст. 126, ст. 128, ст. 129, ст. 129.1, ст. 129.4 НК РФ, ст.ст. 15.3–15.9 КоАП РФ); штраф в виде процентного соотношения к сумме полученных доходов (п. 2 ст. 116 НК РФ) или к сумме уплаченного налога (п. 1 ст. 119, п. 3 ст. 120, ст. 122, ст. 122.1, ст. 123, ст. 129.2, ст. 129.3 НК РФ) для налоговых правонарушений с материальным составом.

Регулирование административной ответственности за налоговые правонарушения двумя названными кодифицированными нормативно-правовыми актами порождает определенные сложности в правоприменительной сфере, снижает эффективность административно-юрисдикционной деятельности субъектов.

Административная ответственность в сфере налогообложения является важной частью публично-правового механизма защиты законных интересов государства и общества, обеспечивающей нормальное существование государственного аппарата и перераспределение благ в обществе. Повышение эффективности административной ответственности за правонарушения в области налогов и сборов должно начинаться с приведения в надлежащий порядок соответствующего законодательства.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)//Российская газета от 4 июля 2020 г. N 144
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред.от 02.07.2021)//Российская газета от 6 августа 1998 г. N 148–149
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021)//Российская газета от 31 декабря 2001 г. N 256
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 06.03.1997 «Порядок во власти — порядок в стране (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)»// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16983/
5. Закон РФ «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» от 27.12.1991 N 2118–1//Российская газета от 10 марта 1992 года (утратил силу)
6. Башашкина, Г. Ю. История налогообложения. Налогообложение в России до 1917 года // Транспортное дело России. — 2017. — № 4. — с. 61–63

7. Лабутина, Н. А. Соотношение административной и налоговой ответственности за нарушение налогового законодательства // Право: история, теория, практика: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2011 г.). — СПб.: Реноме, 2019. — с. 63–67.
8. Налоги и налоговое право / Под ред. А. В. Брызгалина. — М.: Аналитика-Пресс. — 2017. — с. 460.

Налоговые правонарушения: правовая характеристика

Коняшина Екатерина Николаевна, студент магистратуры;
Рузметов Сергей Атаханович, кандидат юридических наук, доцент
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Актуальность исследования обусловлена и тем, что проблемы отграничения налоговой оптимизации от налоговых правонарушений остаются недостаточно разработанными. Не установлены четкие ориентиры в определении границ правомерности поведения налогоплательщиков при уплате налогов. Отсутствует определение налоговой оптимизации, нет единообразия в судебной практике по данной категории дел, что негативно отражается на режиме законности в сфере налогообложения.

Исследование квалификации налоговых правонарушений и порядок привлечения к ответственности за их совершение имеют огромное значение для совершенствования деятельности налоговых и судебных органов.

Все вышесказанное определяет круг вопросов, рассматриваемых в процессе исследования, и подтверждает актуальность выбранной темы.

Ключевые слова: налоговые правонарушения, налоги и сборы, налоговое законодательство, налоговый контроль, ответственность, профилактика.

Tax offenses: legal characteristics

The relevance of the study is also due to the fact that the problems of distinguishing tax optimization from tax offenses remain insufficiently developed. There are no clear guidelines for determining the boundaries of the legality of taxpayers' behavior when paying taxes. There is no definition of tax optimization, there is no uniformity in judicial practice in this category of cases, which negatively affects the regime of legality in the field of taxation.

The study of the qualification of tax offenses and the procedure for bringing to responsibility for their commission are of great importance for improving the activities of tax and judicial authorities. All of the above determines the range of issues considered in the research process, and confirms the relevance of the chosen topic.

Keywords: tax offenses, taxes and fees, tax legislation, tax control, responsibility, prevention.

Экономические, политические и социальные преобразования, происходящие в России, ведут к разгосударствлению экономической сферы жизни общества. Активно расширяется сфера финансовой деятельности государства, для ее осуществления применяются специфические формы и особые методы, появляются новые экономико-правовые институты. В формировании финансовых ресурсов государства ведущее место занимают налоги [7].

Взимание налогов является одной из правовых форм изъятия части. Однако, отдельные граждане и организации не желают добровольно уплачивать налоги, уклоняются от их уплаты, а также нарушают иные установленные законодательством о налогах и сборах обязанности.

Свыше 40 % доходов, по оценкам специалистов, скрывается организациями от налогообложения. В виду распространенности и очевидной общественной опасности нару-

шений налогового законодательства требуется разработка адекватных и эффективных мер в сфере противодействия нарушениям налоговой дисциплины, в том числе — юридической ответственности. Выбор мер ответственности, определение оптимальных методов и форм государственного принуждения выбираются государством и определяется природой и спецификой нарушений законодательства о налогах и сборах. «В новых экономических условиях актуальной для науки финансового права становится проблема изучения не только налогового правонарушения, но и механизма ответственности за данное правонарушение» [11]. Важным представляется исследование видовой принадлежности нарушений налоговой дисциплины и их идентификация, изучение мер юридической ответственности за допущенные нарушения в данной сфере.

В юридической литературе уделяется особое внимание исследованию ответственности за нарушения в сфере на-

логового законодательства, однако многие вопросы, касающиеся самих нарушений, остаются неисследованными, либо им уделяется недостаточно внимания. В частности, к спорным вопросам относится определение правовой природы налогового правонарушения, его место в системе нарушений законодательства о налогах и сборах, а также в системе права в целом.

Законодательные противоречия затрудняют отнесение деяния к налоговым преступлениям либо к налоговым правонарушениям, что зачастую ведет к неправомерному выбору уголовных либо налоговых санкций за их совершение. Критерии отграничения налоговых преступлений от налоговых правонарушений нуждаются в обосновании и уточнении.

Современный период формирования нормативно-правовой базы и научных исследований в сфере налоговых правонарушений подразделяется на три этапа: 1992–1996 гг., 1997–1998 гг. и с 1999 г. по настоящее время. Кодификация налогового законодательства, в том числе закрепляющих отдельные составы налоговых правонарушений норм, увеличение количества судебных разбирательств по данной категории дел способствовала тому, что возрос теоретический и практический интерес к исследованию проблем, которые связаны с идентификацией налогового правонарушения в системе права.

Правовая природа налогового правонарушения находится в прямой зависимости от установленных признаков налогового правонарушения. В соответствии с установленными признаками налоговое правонарушение относят либо к административным правонарушениям, либо рассматривают его в качестве самостоятельного вида правонарушений, либо как вид финансового правонарушения [5].

На основании анализа содержательной специфики признаков административного и налогового правонарушения (противоправности, общественной вредности, виновности, совершения особым кругом лиц и наказуемости), мы приходим к выводу о том, что ряд особенностей налогового правонарушения исключает его отнесение к разновидности административных правонарушений. Финансово-правовая природа налогового правонарушения подчеркивает его специфику и позволяет отнести его к разновидности финансовых правонарушений.

Многообразие форм налогового правонарушения наиболее полно проявляется через призму его деления на виды. Содержание понятия налогового правонарушения находится в прямой зависимости от его установленной формы. В научном определении понятия налогового правонарушения нашли отражения такие его свойства, как общественная вредность, налоговая противоправность, совершение особым кругом лиц, виновность и наказуемость. Таким образом, теоретический и практический интерес представляет классификация налоговых правонарушений, связанная с их юридическими свойствами.

Анализ законодательства о налогах и сборах позволяет соотнести как «общее» и «специальное» налоговые правонарушения и нарушения банками установленных

законодательством обязанностей [12]. Налоговые правонарушения, как родовое понятие, наряду с иными нарушениями налогового законодательства, включают нарушения налогового законодательства банками. Однако, до настоящего времени не определена правовая природа нарушений банками обязанностей, предусмотренных законодательством о налогах и сборах, что, на наш взгляд, является следствием недостаточного урегулирования со стороны НК РФ.

Для устранения выявленных недостатков необходимо внести следующие изменения в статьи Налогового кодекса РФ:

— п. 1 ст. 107 НК РФ изложить в следующей редакции: «Ответственность за совершение налоговых правонарушений в случаях, предусмотренных главами 16 и 18 настоящего Кодекса, возлагается на физических лиц и организации»;

— п. 2 ст. 114 НК РФ изложить в следующей редакции: «Налоговые санкции устанавливаются и применяются в размерах, предусмотренных статьями главы 16 и 18 настоящего Кодекса, в виде денежных взысканий (штрафов)»;

— добавить в ст. 114 НК РФ п. 2.1. следующего содержания: «Налоговые санкции устанавливаются и применяются в виде пени в случаях, предусмотренных ст.ст. главы 18 настоящего Кодекса. В соответствии с главой 18 настоящего Кодекса взыскание пени осуществляется в порядке, предусмотренном для взыскания штрафов»;

— полагаем необходимым исключить ст. 136 НК РФ.

Состав налогового правонарушения можно определить как нормативную конструкцию, которая призвана описать признаки определенных видов налоговых правонарушений. Анализ понятия состава налогового правонарушения в системе категорий финансового права показывает, что оно соотносится с понятием состава финансового правонарушения как частное с общим [9]. Состав налогового правонарушения в данном случае определяется совокупностью субъективных и объективных признаков, установленных Налоговым кодексом РФ, которые являются необходимыми и достаточными для признания деяния налоговым правонарушением и применения к нарушителю мер налоговой ответственности.

Объективными элементами налогового правонарушения являются признаки его объективной стороны и объекта, а субъективными признаками — субъективной стороны и субъекта. Состав налогового правонарушения выступает в качестве юридического основания налоговой ответственности. Понятие налогового правонарушения охватывает юридически значимые признаки налоговых правонарушений и позволяет отграничить налоговые правонарушения друг от друга и от смежных видов правонарушений.

Объект налогового правонарушения можно определить, как «общественные отношения, на которые оно посягает». Можно выделить общий, родовый и непосредственный объекты.

Общий объект состава налоговых правонарушений можно охарактеризовать как часть налоговой системы РФ, возникающих в процессе осуществления налогового контроля, и являющаяся совокупностью властных общественных отношений по взиманию налогов и сборов. Отношения по осуществлению налогового контроля и отношения по взиманию налогов и сборов составляют родовой объект налогового правонарушения. Непосредственный объект налогового правонарушения — это конкретное общественное отношение, охраняемое нормами НК, на которое посягает противоправное деяние виновного субъекта. Факультативным элементом объекта налогового правонарушения является его предмет (предмет материального мира, связанный с непосредственным объектом налогового правонарушения, и на который осуществляется противоправное психологическое, физическое либо иное воздействие).

К единственному обязательному признаку объективной стороны состава налогового правонарушения относится деяние (действие либо бездействие) [3]. Под действием понимается нарушение установленных нормами налогового права запретов, под бездействием — неисполнение (бездействие чистое), либо ненадлежащее исполнение (бездействие смешанное) субъектом налоговых правоотношений возложенных на него активных обязанностей.

Обязательные признаки объективной стороны материального состава налогового правонарушения включают также наступление общественно вредных последствий и наличия причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями. Время, место, обстановка и способ совершения деяния относятся к факультативным признакам налогового правонарушения.

Вина в совершении налогового правонарушения определяется как «психическое отношение физического лица к нарушению законодательства о налогах и сборах, совершаемое им, и его вредным последствиям» [4]. В отношении организации вина в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее представителей либо должностных лиц, действиями (бездействием) которых обусловлено совершение данного правонарушения. На наш взгляд, психологическая концепция вины организаций, несмотря на ряд процессуальных недостатков НК РФ, предпочтительней нормативной конструкции вины, нашедшей отражение в КоАП РФ.

Субъекты налоговых правонарушений — физические лица и организации, совершившие налоговые правонарушения. К общим признакам субъектов налоговых правонарушений — физических лиц можно отнести их вменяемость (способность к осознанному волевому поведению) и возраст (субъектами налогового правонарушения физические лица могут быть признаны с 16 лет), к специальным — особенности их трудовой деятельности и правового положения [6].

Физические лица могут быть привлечены к ответственности за совершение налоговых правонарушений в каче-

стве налоговых агентов, свидетелей, налогоплательщиков, переводчиков, экспертов, обязанных лиц и специалистов. К субъектам налогового правонарушения не относятся должностные лица обладающих публично-правовой природой организаций, в т. ч. уполномоченные и законные представители. Признаки организаций находят выражение в функциях, которые они выполняют в налоговых правоотношениях, и в зависимости от которых к организациям — субъектам налоговых правоотношений относятся банки, налоговые агенты, налогоплательщики и обязанные лица. Организации — самая многочисленная группа субъектов налогового правонарушения. Не относятся к субъектам налоговых правонарушений публично-правовые организации.

В качестве важнейшего направления профилактики налоговых правонарушений можно определить устранение пробелов налогового законодательства, а также его совершенствование в сторону доступности его содержания, максимально возможного упрощения, что, несомненно, позволит руководствоваться им не только крупным организациям, имеющим большой штат высококвалифицированных бухгалтеров и юристов, но и индивидуальным предпринимателям.

Взаимодействие налоговых органов и органов местного самоуправления не должно ограничиваться лишь информацией о недоимках по видам поступающих в местный бюджет налогов. Необходима информация о регистрирующихся юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, а также о сведениях бухгалтерской и налоговой отчетности по начислениям и фактической уплате всех видов налогов по каждому налогоплательщику, поступающих в местный бюджет [8].

В целях определения возможности раскрытия налоговой тайны для финансовых органов местного самоуправления представляется необходимым внести изменения в ст. 102 НК РФ, которая регламентирует понятие «налоговая тайна».

С 2016 г. введен новый способ профилактики налоговых правонарушений — обязательность перехода на различные электронные кассы, которые в режиме онлайн передают в налоговую инспекцию данные о кассовых чеках.

Эффективное направление профилактики налоговых правонарушений — информационная пропаганда неукоснительного и точного соблюдения норм налогового права всеми его субъектами, предупреждение об ответственности за совершение налоговых правонарушений, добросовестного исполнения своих обязанностей как налогоплательщиками, так и надзорными органами.

Представляется целесообразным заимствовать из зарубежного опыта практику поощрения добросовестных российских налогоплательщиков в форме уменьшения налоговой и административной нагрузки.

Проведенный анализ в части сопоставления налоговых правонарушений и налоговых преступлений позволяет выделить их общие черты и особенности. Объект нало-

говых правонарушений охватывает более широкий круг общественных отношений, нежели налоговые преступления. Состав налогового преступления с объективной стороны является материальным, а среди налоговых правонарушений встречаются формальные составы. Налоговые правонарушения зачастую совершаются в форме действий, а налоговые преступления могут совершаться только в форме бездействия. В совершаемых организациях налоговых правонарушений имеются признаки общественной опасности, позволяющие сблизить их с налоговыми преступлениями. Налоговые правонарушения могут совершаться с умыслом либо по неосторожности, а налоговые преступления совершаются только с прямым умыслом. К субъектам налоговых преступлений относятся вменяемые физические лица в возрасте с 16-ти лет, а к субъектам налоговых правонарушений — участвующие в налоговых правоотношениях организации и физические лица [10].

Номинальная природа ответственности контролирующего должника лиц является основной причиной низкой эффективности практического применения механизма привлечения к субсидиарной ответственности данных лиц. Изменения, принятые в 2016 г. в ст.45 НК расширяют возможности налоговых органов в части взыскания налоговой задолженности, позволяют активно внедрять на практике риск-ориентированный подход в системе налогового администрирования, а также планировать дальнейшее развитие их информационных ресурсов. Это позволяет предположить, что механизм привлечения к субсидиарной ответственности фактических бенефициаров в дальнейшем окажется весьма эффективным.

Налажено сотрудничество налоговых и правоохранительных органов в целях предотвращения и выявления налоговых правонарушений.

Совместным Приказом МВД России и ФНС России от 30.06.2009 г. N 495/ММ-7-2-347 [2] установлен порядок обмена названных органов информацией о налоговых правонарушениях. При этом свобода действий при проведении ВМП не ограничивается, способы проведения контрольных и иных мероприятий устанавливаются сотрудниками в пределах своей компетенции при одновременном обеспечении согласованности прилагаемых в процессе проверки усилий. Функция общей координации принадлежит руководителю проверяющей группы (работнику налогового органа).

Для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по профилактике, выявлению, пресечению, расследованию преступлений данной категории необходимо:

- принять дополнительные меры по активизации и повышению качества деятельности правоохранительных органов по пресечению, выявлению и расследованию преступлений в налоговой сфере, в том числе с использованием телекоммуникационных и информационных технологий;

- на постоянной основе практиковать проведение совместных проверок надзорными и контролирующими органами, что позволит оперативно выявлять существенные нарушения закона и принимать адекватные меры реагирования;

- повысить эффективность взаимодействия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов предварительного следствия при достижении установленных законом задач;

- принять дополнительные меры по обеспечению гражданских исков в гражданском и уголовном судопроизводствах, а также исполнению постановлений налоговых органов и судебных актов о взыскании налогов и сборов;

- рассмотреть вопрос о внесении изменений в ст. 26 Закона N 395-1 [1] в части предоставления информации по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, по счетам и вкладам физических лиц для сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в неотложном порядке без судебного решения с согласия руководителя соответствующего органа с последующим уведомлением суда;

- проработать вопрос о необходимости внесения изменений в законодательство о наделении органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, правом на приостановление перевода незаконных денежных средств в электронных платежных системах до 48 часов (с санкции прокурора с последующим получением судебного решения);

- при разработке Концепции современной уголовно-правовой политики учесть проблемы, возникающие при выявлении и расследовании налоговых преступлений (в том числе обусловленные несовершенством отдельных положений НК РФ, УК РФ и УПК РФ).

Литература:

1. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 02.07.2021 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021)//Ведомости съезда народных депутатов РСФСР от 6 декабря 1990 г. N 27 ст. 357
2. Приказ МВД России N 495, ФНС России N ММ-7-2-347 от 30.06.2009 (ред. от 12.11.2013) «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» (вместе с «Инструкцией о порядке взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов при организации и проведении выездных налоговых проверок», «Инструкцией о порядке направления органами внутренних дел материалов в налоговые органы при выяв-

лении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых органов, для принятия по ним решения», «Инструкцией о порядке направления материалов налоговыми органами в органы внутренних дел ...»// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91290/

3. Аристархов, А. Л., Зяблина М. В. Пути противодействия налоговой преступности // *Налоги*. 2018. N 3. с. 19–23
4. Бабкин, А. И. Налоговые правоотношения. Правовые аспекты и актуальная судебная практика // *Российский судья*. 2018. N 1. с. 3–9.
5. Белов, Е. В. Налоговые преступления: уголовная ответственность, проблемы квалификации: Научно-практическое пособие / Е. В. Белов, А. А. Харламова; отв. ред. Н. Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2018. 108 с.
6. Зайнуллова, Р. Ф. Проблемы презумпции невиновности в налоговых правоотношениях // *Современное право*. 2018. N 2. с. 44–47.
7. Карасева, М. В. Финансовое право. Общая часть: Учебник. — М.: Юрист, 2018. — с. 14–26.
8. Копина, А. А. Профилактика нарушений налогового законодательства: новые «идеи» ФНС России // *Налоги*. 2018. N 17. с. 1, 3–6.
9. *Налоги и сборы: законодательные новеллы* / Ю. В. Гинзбург, А. А. Гусейнова, А. С. Емельянов и др.; под ред. А. А. Ялбулганова. М.: Редакция «Российской газеты», 2017. Вып. 15. 160 с.
10. Пантюшов, О. В. Правовое регулирование налоговых отношений // *Вестник арбитражной практики*, 2020, N 2.
11. *Финансовое право: Учебник* / Под ред. О. Н. Горбуновой. — М.: Юрист, 2016. — с. 66.
12. *Финансовое право: учебник для бакалавров* / Б. Г. Бадмаев, А. Р. Батяева, К. С. Бельский и др.; под ред. И. А. Цинделиани. 3-е изд. М.: Проспект, 2018. 656 с.

Актуальные проблемы гражданско-правовой ответственности медицинских работников

Корсун Татьяна Андреевна, студент магистратуры

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Актуальность и необходимость исследования проблем гражданско-правовой ответственности медицинских работников обусловлена ростом судебных споров, вызванных некачественным оказанием медицинских услуг и несовершенством действующего законодательства в данной сфере. Автор приходит к выводу о необходимости конкретизации положений законодательства в сфере гражданско-правовой ответственности медицинских работников для снижения возникающих судебных споров и снижения разногласий.

Ключевые слова: медицинская услуга, ответственность, гражданско-правовая ответственность, здоровье, пациент, ущерб, вред здоровью и жизни пациента.

Actual problems of civil liability of medical workers

The relevance and necessity of studying the problems of civil liability of medical workers is due to the growth of litigation caused by poor quality medical services and imperfection of the current legislation in this area. The author comes to the conclusion that it is necessary to concretize the provisions of the legislation in the field of civil liability of medical workers in order to reduce the emerging litigation and reduce disagreements.

Keywords: medical service, responsibility, civil liability, health, patient, damage, harm to the health and life of the patient.

Общезвестно, что обеспечение правопорядка, законности и возможности защиты прав граждан в случае их нарушения является одной из важнейших задач любого государства. При этом юридическая ответственность выступает важнейшим механизмом максимально эффективного решения такой задачи и ее практической реализации, активно практикуемым во всех без исключения странах

и юрисдикциях. Следует отметить что на уровне действующего в государстве законодательства с учетом особенностей защищаемых общественных отношений в стране могут быть предусмотрены различные виды юридической ответственности, одним из которых является гражданско-правовая ответственность, которая, как известно, наступает в случае нарушения договорных обязательств

имущественного характера либо за причинение имущественного внедоговорного вреда, иными словами этот вид юридической ответственности наступает за совершение гражданско-правового деликта.

Применительно к гражданско-правовой ответственности медицинских работников стоит заметить наличие многочисленных спорных моментов. К примеру, одним из дискуссионных вопросов следует считать выделяемые виды данной разновидности юридической ответственности за причинение вреда пациенту либо при оказании той или иной медицинской услуги. Также, спорными вопросами являются основания и условия гражданско-правовой ответственности медицинских работников, вопросы, связанные с возможностью наступления юридической ответственности медицинской организации при отсутствии вины работника данного учреждения. Как верно подчеркивает Е. Л. Поцелуев, в настоящее время необходимость разрешения вопросов, связанных с определением оснований, условий и других особенностей гражданско-правовой ответственности медицинских работников обусловлен увеличением числа жалоб на неправомерные или незаконные действия сотрудников медицинских учреждений при исполнении возложенных на них трудовых и профессиональных обязанностей [7].

Как отмечают Н. И. Красняков и Н. В. Шишкина, гражданско-правовая ответственность наступает в случае нарушения договорных обязательств имущественного характера либо за причинение имущественного внедоговорного вреда, иными словами, этот вид юридической ответственности наступает за совершение гражданско-правового деликта [9, с. 218].

А. В. Тархов дает немного иное определение гражданско-правовой ответственности, понимая под ней регулирующую обязанность человека давать отчет в своих действиях. Как отмечает А. В. Тархов, «в данном случае главным является именно истребование отчета. А следует ли за этим отчетом наказание или осуждение — это другой вопрос» [8, с. 8]. Однако следует заметить, что обязанность лица давать отчет о своих действиях может быть и тогда, когда правонарушение отсутствует.

Суть гражданско-правовой ответственности заключается в том, что лицо принуждается к несению отрицательных имущественных последствий, а ее основным признаком является полное возмещение вреда. Следует заметить, что гражданско-правовая ответственность носит имущественный и компенсационный характер, поскольку целью такой ответственности является восстановление имущества потерпевшего.

Постановлением Правительства РФ от 04 октября 2012 года № 1006 были утверждены Правила предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг [4]. Между тем, перечень названных правил представляет собой весьма ограниченный список диспозитивных и императивных положений, а если говорить о гражданско-правовой ответственности медицинских работников, то в рамках названного Постановления поло-

жения об этом виде юридической ответственности носят далеко не конкретный характер.

При определении вреда, причиненного здоровью пациента, необходимо руководствоваться Постановлением Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» [5]. В названном нормативном правовом акте данный вред трактуется законодателем как нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды.

В отечественном гражданском праве любой вред считается противоправным и для того, чтобы наступила гражданско-правовая ответственность степень тяжести причиненного вреда значения не имеет (по сравнению с уголовным правом, в котором выделяется несколько степеней тяжести причиненного вреда). Однако, при определении размера причиненного морального вреда, включающего в себя нравственные и физические страдания потерпевшего лица), суд должен учесть тяжесть вреда. Вред от медицинского вмешательства может быть причинен только тем благам, с которыми он прямо и непосредственно связан. В качестве таких благ можно назвать жизнь, здоровье, физическую и психическую неприкосновенность, человеческую индивидуальность (постоянство).

В настоящее время основным вопросам, связанным с проблемами компенсации морального вреда, посвящено Постановление Пленума ВС РФ № 10 [6]. Несмотря на то, что в указанном Постановлении законодателем раскрывается большой объем спорных вопросов о компенсации морального вреда, в нем не содержится конкретных указаний, которые позволяют единообразным образом толковать судам определение размера компенсации, другими словами, в нем отсутствуют четкие критерии размеров компенсации.

Несмотря на это отсутствие, в статье 151 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) приводится ряд общих критериев, которые суду необходимо учитывать при определении размера денежной компенсации в каждом конкретном случае [1]. Так, к таким критериям законодатель относит степень вины самого нарушителя; степень нравственных и физических страданий, а также с иными обстоятельствами, которые на усмотрение суда должны быть учтены при рассмотрении дела.

Когда в Российской Федерации была введена в действие вторая часть ГК РФ общие критерии были дополнены еще двумя новыми критериями, которые законодатель обозначил в статье 1101 ГК РФ и сформулировал следующим образом:

- требование справедливости и разумности,
- характер причиненных страданий (как физических, так и нравственных) [2].

Если в конкретном деле будут наблюдаться противоречия между критериями, которые приведены в ука-

занных статьях Гражданского кодекса (то есть в ст. 151 и 1101 ГК), то рекомендовано принимать во внимание и руководствоваться последней статьей второй части ГК РФ, которая представляет собой специальную норму и была принята позднее.

Рассматривая особенности критериев и методов оценки размеров компенсации морального вреда, следует также отметить такую имеющуюся проблему, как отсутствие в действующем гражданском законодательстве легального определения термина «степень страданий». Кроме того, законодателем не определена и единица измерения этого понятия.

Изучив размеры и способ компенсации морального вреда, можно сделать вывод, что она осуществляется в денежной форме. При этом размер компенсации устанавливает суд в зависимости от того, какой характер страданий непосредственно пережил человек, являющийся в споре потерпевшей стороной, как физических, так и нравственных страданий. Помимо этого, на размер денежного вознаграждения влияют и степень вины преступника (имеется в виду такие ситуации, когда вина признается основанием для возмещения причиненного вреда). Суд обязан принимать во внимание, рассматривая подобные категории судебных дел, требования о разумности и справедливости.

Конкретные случаи возмещения вреда перечислены в законодательстве. В связи с этим представляется вполне логичным вывод, следующий из этой нормы права, в соответствии с которым судам следует возмещать потерпевшим лицам такой вред, который был причинен неправомерными действиями виновного лица, носящими противоправный характер. Стоит подчеркнуть, что из этого правила могут допускаться исключения и установлены они также действующим ГК. Если говорить об

имеющейся причинной связи, которая возникает между наступлением морального вреда и непосредственно причиненным действием, носящим противоправный характер, то такое положение рассматривается в отечественной цивилистике в качестве неперемного условия для того, чтобы появилось обязательство, связанное с возмещением вреда. Соответственно из этого следует логичный вывод о том, что ответственность не наступит, если подобной причинной связи не наблюдается.

Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» в настоящее время применительно к получателям медицинских услуг не играет особой роли, поскольку он наиболее адаптирован к отношениям, складывающимся в сфере торговли, оказания бытовых услуг и выполнения подрядных работ [3]. Кроме того, использование его норм применительно к услугам медицинского характера усугубляется тем обстоятельством, что сам пациент не может оценить качество предоставленных ему услуг и предъявить претензии медицинской организации.

Итак, как видим, несмотря на принятые постановления Правительства, положения ГК России и нормы других законов, законодательная база в сфере гражданско-правовой ответственности медицинских работников является далеко не совершенной. Представляется необходимым конкретизировать положения законодательства в данной сфере для снижения возникающих судебных споров и снижения разногласий. Одним из возможных мер для разрешения данной проблемы видится принятие отдельного федерального закона о защите прав потребителей медицинских услуг, в котором были бы конкретизированы основания и условия гражданско-правовой ответственности медицинских работников за противоправные и незаконные действия в отношении пациентов.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.12.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300–1 // Российская газета. — 1996. — 16 янв.
4. Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» // Российская газета. — 2012. — 10 окт.
5. Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета — 2011. — № 263.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 года № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Рос. газ. — 1995. — № 29.
7. Поцелуев, Е. Л., Горбунов А. Е. Гражданско-правовая ответственность за ненадлежащее врачевание // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2016. — Т. 4. — № 4 (16).
8. Тархов, В. А. Гражданское право. Общая часть: курс лекций / В. А. Тархов. — Чебоксары, 2015.
9. Теория государства и права: курс лекций / сост.: Н. И. Красняков, Н. В. Шишкина; РАНХиГС, Сиб. ин-т упр. — Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2016.

Применение *lex mercatoria* Международным арбитражным судом при Белорусской торгово-промышленной палате

Лычковская Алёна Олеговна, выпускник
Белорусский государственный университет (г. Минск)

*В статье автором выявлены особенности применения *lex mercatoria* Международным арбитражным судом при Белорусской торгово-промышленной палате.*

Ключевые слова: *lex mercatoria, обычай, Принципы УНИДРУА, МАС при БелТПП, международная торговля.*

В условиях динамично развивающейся международной торговли и технологического прогресса нормы международных договоров и актов национального законодательства зачастую не отвечают потребностям делового сообщества, в связи с чем все большую популярность у сторон внешнеэкономических сделок приобретают источники негосударственного регулирования этих отношений — *lex mercatoria*. Заслуженное признание данные регуляторы получили и у международных коммерческих арбитражей, в том числе у Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате (далее — МАС при БелТПП).

В качестве международно-правовой основы применения МАС при БелТПП *lex mercatoria* выступают Конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров (далее — «Венская конвенция») [2] и Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже от 21.04.1961 (далее — «Европейская конвенция») [1].

В соответствии со ст. 9 Венской конвенции, «стороны связаны любым обычаем, относительно которого они договорились, и практикой, которую они установили в своих взаимных отношениях», а «при отсутствии договоренности об ином считается, что стороны подразумевали применение к их договору или его заключению обычая, о котором они знали или должны были знать и который в международной торговле широко известен и постоянно соблюдается сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли».

Европейская конвенция в ст. VII позволяет сторонам «устанавливать с общего согласия право, подлежащее применению арбитрами при решении спора по существу», а также закрепляет обязанность арбитров руководствоваться торговыми обычаями как в случае отсутствия указаний сторон о праве, подлежащем применению, так и при наличии такого соглашения. В комментарии к Европейской конвенции указывается, что ст. VII позволяет арбитрам применять вненациональное право [18, с. 199].

Часть 1 ст. 36 Закона Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. «О международном арбитражном (третейском) суде» (далее — Закон об арбитраже) устанавливает приоритет автономии воли сторон, обязывая арбитров разрешать спор в соответствии с правом, которое стороны избрали в качестве применимого к существу спора [3].

Аналогичное положение содержится в п. 1 ст. 38 Регламента МАС при БелТПП [4].

В случае, если стороны не выбрали применимое право, состав международного арбитражного суда применяет право, определенное в соответствии с коллизионными нормами, которые он считает применимыми (ч. 2 ст. 36 Закона об арбитраже, п. 3 ст. 38 Регламента МАС при БелТПП).

При этом, исходя из ч. 3 ст. 36 Закона об арбитраже, при рассмотрении спора состав международного арбитражного суда обязан, как в случае, когда стороны выбрали применимое право, так и тогда, когда такой выбор отсутствует, учитывать обычаи международного делового оборота и судебную практику. Пункт 4 ст. 38 Регламента МАС при БелТПП содержит схожую формулировку, но вместо обычаев делового оборота в ней идет речь о «сложившейся деловой практике».

Анализ доступных решений МАС при БелТПП позволяет сделать следующие выводы:

1) в большинстве случаев в качестве источников *lex mercatoria* МАС при БелТПП применялись Принципы УНИДРУА и ИНКОТЕРМС.

В отношении правовой природы Принципов УНИДРУА МАС при БелТПП придерживается подхода, согласно которому они относятся к обычаям международного делового оборота [13; 14; 15].

2) наиболее востребованными МАС при БелТПП для толкования и восполнения международных унифицированных правовых документов, в первую очередь, Венской конвенции (в основном для вычисления размера процентов при несвоевременном платеже), являются Принципы УНИДРУА [9; 10; 11; 12; 16].

3) наиболее часто встречающимся в решениях МАС при БелТПП основанием применения данным арбитражем *lex mercatoria* является соглашение сторон.

При этом зачастую МАС при БелТПП отказывал в применении источников *lex mercatoria*, если **такой выбор не был прямо выражен**. Так, в одном из дел истец просил взыскать с ответчика проценты в соответствии с Принципами УНИДРУА при условии отсутствия ссылки на них в договоре. В решении МАС при БелТПП от 08.12.2003 суд пояснил, что Принципы УНИДРУА не являются международным договором, содержащим нормы права, подлежащие обязательному применению к отношениям сторон.

Помимо этого, договор не содержит указаний на какое-либо из оснований применения Принципов УНИДРУА (соглашение сторон о непосредственном применении Принципов УНИДРУА, либо общих принципов права, *lex mercatoria* или аналогичных положений). Исходя из таких обстоятельств, арбитражный суд отказал в применении Принципов УНИДРУА при разрешении данного спора [5]. В двух других решениях МАС при БелТПП касательно спора из договоров международной купли-продажи товаров состав арбитража также счел неправомерными требования истца о взыскании процентов с суммы, в отношении которой ответчиком допущена просрочка в уплате, размер которых был рассчитан с учетом Принципов УНИДРУА, поскольку заключенный сторонами договор не содержит указания на применение Принципов УНИДРУА (в т. ч. соглашения о регулировании их отношений *lex mercatoria*) [6; 7].

Случаи, когда МАС при БелТПП обращался к *lex mercatoria* **при наличии подразумеваемого выбора сторон**, достаточно редки. Так, в одном из споров из договора международной купли-продажи товаров, к которому применялось белорусское право, истец требовал взыскать проценты за пользование чужими денежными сред-

ствами на основании ст. 78 Венской конвенции, ст. 1093 ГК Беларуси и ст. 7.4.9 Принципов УНИДРУА. В договоре не содержалось отсылок к Принципам УНИДРУА, но в ходе производства по делу ответчик признал основанное на Принципах УНИДРУА требование истца. Состав арбитражного суда определил, что Принципы УНИДРУА не расходятся с нормами законодательства Беларуси, проценты рассчитаны верно, стороны договорились применять к их отношениям Принципы УНИДРУА, следовательно, заявленное требование истца подлежит удовлетворению [8].

В связи с вышеизложенным в случае, если стороны внешнеэкономического договора определяют в качестве органа, компетентного рассматривать вытекающие из данного договора споры, МАС при БелТПП, целесообразным является закрепление в договоре четких положений о применении к нему *lex mercatoria*. При их формулировании рекомендуется использовать оговорки, содержащиеся в главе 6 разработанного Международной торговой палатой документа «А-национальные правила как применимое право в международных коммерческих договорах с конкретной ссылкой на Типовые контракты МТП» [17].

Литература:

1. Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже: заключена в г. Женева 21.04.1961 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900049> — Дата доступа: 20.04.2021.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров: заключена в г. Вене 11.04.1980 г. — Нью-Йорк. — 2010. — 48 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf> — Дата доступа: 28.02.2021.
3. О международном арбитражном (третейском) суде [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 09.07.1999 N 279-З: с изм. и доп.: текст Кодекса по состоянию на 01 июля 2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
4. Регламент Международного арбитражного суда при Белорусской Торгово-промышленной палате (в новой редакции) [Электронный ресурс]: Регламент Белорусской торгово-промышленной палаты от 17.03.2011 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
5. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 08.12.2003 по делу N 353/48-02 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
6. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 26.12.2006 по делу N 566/01-06 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
7. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 10.11.2009 по делу N 837/42-09 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
8. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 21.03.2006 по делу N 534/49-05 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
9. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 30.05.2000 по делу N 233/55-99 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
10. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 31.05.2000 по делу N 241/06-00 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.

11. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 14.07.1999 по делу N 192/14–99 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
12. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 01.08.2001 по делу N 277/04–01 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
13. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 01.03.2012 по делу N 971/77–10 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
14. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 01.03.2012 по делу N 972/78–10 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
15. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате от 01.03.2012 по делу N 978/84–10 [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
16. Сташевский, К. Ю. Сложности применения обычаев международного делового оборота в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: [по состоянию на 13.11.2012] / К. Ю. Сташевский // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
17. A-national rules as the applicable law in international commercial contracts with particular reference to the ICC Model Contracts // Developing neutral legal standards for international contracts 2015. [Electronic resource]. — Mode of access: <https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2017/01/Developing-Neutral-Legal-Standards-Int-Contracts.pdf>. — Date of access: 18.04.2021.
18. Zeiler, G. Siwy A. The European Convention on International Commercial Arbitration: A Commentary // Kluwer law international. — 2019. — 270 p.

Соотношение гражданско-правового и трудового регулирования в спорте

Маркова Юлия Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Пешин Николай Леонидович, доктор юридических наук, профессор
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Настоящая статья представляет собой анализ вопроса об отраслевой принадлежности регулирования труда спортсменов. В исследовании рассматриваются положения российских нормативно-правовых актов, отражающих позицию законодателя по поставленной проблеме, международно-правовой опыт и доктринальные точки зрения, а также предлагается решение по совершенствованию законодательства в области профессиональной спортивной деятельности.

Ключевые слова: гражданское право, спорт, трудовое право, спортивное законодательство, спортсмен.

В настоящее время в России активно формируется законодательство в сфере физической культуры и спорта, однако механизм регулирования все еще недостаточно полно освещен. Вследствие этого на практике часто возникают различные коллизии при выборе гражданской или трудовой отрасли правоприменения. Возникает важный вопрос о том, нормами какой из двух отраслей должны регулироваться правоотношения в сфере спорта?

Для начала необходимо обратиться к анализу российского законодательства в сфере труда спортсменов. В частности, к Федеральному закону «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [2] и новой главе о спортсменах 54.1 Трудового Кодекса РФ [1]. Согласно статье 138.1 данного Кодекса, спортсмены понимаются как лица, трудовая функция которых состоит в подготовке к спортивным соревнованиям и участию в них. Тот

факт, что трудовая функция спортсменов не ограничивается исключительно участием в турнирах, позволяет распространять действие Трудового Кодекса РФ в том числе на режим отдыха, питания и иные связанные с подготовкой мероприятия. Федеральный закон «О физической культуре и спорте» в параграфе 12 статьи 2 также понимает понятие спорта расширительно, т. е. включает туда в том числе и подготовку к спортивным соревнованиям.

По указанной проблеме давал свои разъяснения и Верховный суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 24 ноября 2015 года № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» [3], в котором законодатель также подчеркнул приоритет норм трудового права перед нормами гражданского права в правоотношениях, связанных с трудом атлетов. Вместе с тем Верховный суд Российской

Федерации добавил, что в договор с такими работниками разрешено включать условия гражданско-правового характера. Так, пункт 6 предусматривает возможность включения в трудовой договор со спортсменом или тренером дополнительные условия, указанные в части четвертой статьи 57 ТК РФ, не ухудшающие положение работника по сравнению с установленным трудовым законодательством: о согласии на передачу на обработку персональных данных, об обязанности использовать в рабочее время спортивную экипировку и т. д.

Таким образом, внесение изменений в положения Трудового Кодекса РФ хотя и обозначило позицию законодателя по отраслевой принадлежности регулирования профессионального спорта, но не устранило доктринальную дискуссию среди ученых.

Данные разногласия в вопросе регулирования труда спортсменов трудовой или гражданской отраслью объясняются тем, что труду профессиональных атлетов присущи некоторые особенности: дисциплинарные санкции, система оплаты труда, прекращения или изменения договора и т. д. Так, А. Н. Попов, В. Н. Сидоров и Т. П. Якунькова убеждены, что наиболее логично рассматривать спортсмена в первую очередь как индивидуального предпринимателя, исходя из вышеназванного Федерального закона, а не работника по трудовому договору исходя из сущности спортивных отношений [9]. Однако на практике в области профессионального спорта чаще всего применяются смешанные договоры, содержащие как нормы трудового, так и гражданского права.

По мнению О. А. Шевченко, отношения в профессиональном спорте должны регулироваться именно нормами трудового права, но наряду с ними возможно применение также ряда гражданско-правовых договоров для урегулирования определенных правоотношений, касающихся: ученического договора с профессиональным спортсменом, перехода атлета в другую спортивную организацию, когда последние переходят до истечения срока трудового договора, по страхованию жизни спортсмена, в иных случаях, связанных с предоставлением спортсмену дополнительных гарантий [10].

С точки зрения В. П. Васильевича, профессиональный спортсмен может заключать как трудовой договор, так и гражданско-правовую сделку возмездного оказания услуг [5]. Тем самым автор придерживается определения отраслевой принадлежности регулирования правоотношений соглашением сторон. А. Ф. Нуртдинова и Л. А. Чиканова утверждают, что гражданско-правовой договор способен дать сторонам большую свободу, нежели чем трудовой, например, возможность полного возмещения убытков, применения различных санкций и т. д. [8]. Наконец, сторонником противоположного мнения об исключительности трудового договора в спортивных правоотношениях является О. Б. Желтов, который указывает на способность трудового законодательства РФ в полном объеме защитить права профессиональных спортсменов. Так, ученый считает, что в таком случае права атлетов будут под защитой государства [7].

Довольно интересной кажется позиция Н. А. Виноградова, который, поддерживая приоритетное регулирование спортивных отношений трудовым правом, отмечает, что если спортсмен осуществляет деятельность по подготовке и участию в спортивных соревнованиях в индивидуальных видах спорта, то следует применять нормы гражданско-правового договора [6].

Важно обратить внимание и на международный опыт по теме нашего исследования.

Например, Испания пошла по пути создания специального Закона «О спорте» (в ред. Органического закона от 20.06.2013 № 3/2013) [11], который, правда, не содержит норм, непосредственно регулирующих трудовые отношения профессиональных спортсменов. В Германии, наоборот, отсутствует единый закон, касающийся статуса профессиональных атлетов. Трудовое законодательство там применимо к сфере спорта, но стороны вправе самостоятельно определять, будет ли оно применяться к заявленным отношениям. Согласно Закону Греции (Law 2725/1999) [13], со спортсменами заключают трудовой договор, предметом которого является оказание услуг за вознаграждение. С одной стороны, это трудовой договор, с другой — на него распространяются нормы спортивного законодательства Греции. В Италии также принят отдельный Закон, регулирующий права спортсменов, от 23.03.1981 № 91 «Правовые основы отношений между спортивными организациями и профессиональными спортсменами». Во Франции существует Спортивный Кодекс [4], который содержит множество отсылочных норм к Трудовому Кодексу Франции [12]. Тем самым во Франции гибкое совмещенное трудовое регулирование в области спорта в связи с пересечением Спортивного и Трудового Кодекса данной страны.

На основе приведенного выше анализа возникает вопрос: необходимо ли усовершенствовать в Российской Федерации систему отраслевого регулирования спорта, чтобы защитить права российских спортсменов и предоставить им большие гарантии?

Представляется, что российская модель закрепления норм, касающихся регулирования труда атлетов, в виде отдельной главы в Трудовом Кодексе Российской Федерации не позволяет достигнуть данной цели. На наш взгляд, стоит обратиться к варианту создания специального закона «О профессиональном спорте в Российской Федерации», который бы позволил в первую очередь применять положения спортивного, а не трудового законодательства, как это предусмотрено в Италии и Испании.

Стоит также отметить различие между командными и индивидуальными видами спорта: в индивидуальном спорте атлет отвечает сам за себя и его результат, который напрямую зависит от особенностей каждой личности. В командных видах спорта соревнование ведется между группами участников, которые выступают за один клуб. Успех команды зависит от вклада каждого участника в победу.

При этом, на наш взгляд, подразумевается комплексное отраслевое регулирование: так как труд спор-

тсмена в командных видах спорта является наёмным, спортсмен нуждается в дополнительной социальной защите со стороны государства, которая может быть обеспечена в полной мере только трудовым законодательством. Вместе с тем в индивидуальных видах спорта,

а также в некоторых отношениях между атлетами и спортивными клубами можно применять и нормы гражданского права, например, вопросы трансфера, обработки персональных данных, вопросы участия в спортивных акциях и рекламе и т. д.

Литература:

1. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. От 09.11.2020) // СПС Гарант
2. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. От 31.07.2020) // СПС Гарант
3. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24 ноября 2015 г. № 52 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 2. 2015.
4. Спортивный Кодекс Франции. Законодательная часть / Пер. с фр. А. А. Соловьева, М., 2009. с. 134
5. Васькевич, В. П., Челышев М. Ю. Правовое регулирование профессионального спорта — Российская юстиция 2001 г. № 7 — с. 35–36
6. Виноградов, Н. А. Правовое регулирование труда профессиональных спортсменов. Санкт-Петербург, 2018. с. 16
7. Желтов, О. Б. Развитие законодательства о трудовых договорах (контрактах)// Вестник Московского ун-та. Сер.11. Право. 1995, № 3. с. 33
8. Нуртдинова, А. Ф., Чиканова Л. А. Проблемы соотношения гражданского и трудового законодательства в свете нового Гражданского Кодекса// Право и экономика. — 1995.№ 7. — с. 66
9. Попов, А. Н., Сидоров В. Н., Якунькова Т. П. Экономическое управление предпринимательской деятельностью в спорте — Челябинск 1999 — с. 16
10. Шевченко, О. А. Особенности правового регулирования труда профессиональных спортсменов. 2005 г. Теория и практика физической культуры — 1993 № 7
11. Bouletin Oficial del Estado. 1990. № 249. Цит. По: Соловьев А. А., Понкин И. В. Испанское законодательство о спорте. М. 2011. с. 158
12. Code du travail //URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>
13. Law 2725/1999 // URL: <https://ideadgr.wordpress.com/2012/03/27/πινακας-περιεχομενων-v-27251999/>

Договор в сфере информационных технологий: понятие и виды

Мытарева Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируется понятие договора в сфере информационных технологий, понятие договора, различные классификации договоров об оказании информационных услуг, разработанные в доктрине гражданского права. Целью исследования является выработка целостного научного представления о правовом регулировании договорных отношений в сфере информационных технологий, исходя из системного анализа специфических особенностей гражданско-правового регулирования современных цифровых технологий, а также в доктринальной оценке сложившейся практики образования новейших гражданско-правовых институтов под влиянием применения информационных технологий.

Ключевые слова: договор, информационные технологии, информация, интернет, виды договоров, договор в сфере информационных технологий.

В условиях опережающего развития информационных технологий, формирования новых форм работы и иного взаимодействия хозяйствующих субъектов все более обоснованной становится тенденция на широкое использование ими договоров в регулировании производственной, коммерческой и иной деятельности, включая в том числе и оборот информации технического, технологического и делового характера, которая, в свою очередь, имеет ценность для предпринимателей.

Однако, следует обратить внимание на то, что некоторые из таких правоотношений вообще весьма сложно «облачить» в конкретную форму, услуги, оказываемые по такого типа договорам, могут носить срочный характер, необходимость в данных услугах может возникнуть одномоментно, в связи с чем, длительная процедура заключения и согласования договора может быть нецелесообразной для участников оборота. Однако именно благодаря договору, у сторон появляется возможность

определить круг прав и обязанностей по использованию коммерчески значимой информации, особенности порядка ее передачи, установить режим охраны конфиденциальности как самих правоотношений, так и передаваемой информации при взаимоотношении с иными участниками экономического оборота.

До настоящего времени гражданско-правовой договор — это центральный институт гражданского права, который выступает основой для предпринимательства, является инструментом удовлетворения разнообразных имущественных и иных личных потребностей граждан.

Договорные правоотношения в сфере информационных технологий подчиняются общим закономерностям правового регулирования гражданского оборота, с учетом той специфики, которая вытекает из свойств информации, на что обращают свое внимание ученые, которые специализируются в этой области специальных знаний.

Поскольку предметом исследования является договор в сфере информационных технологий, то необходимо разобраться и с тем, о какой же сфере идет речь. Так, в соответствии со статьей 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», информационные технологии — процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

Договор в сфере информационных технологий существует для решения глобальных задач, а именно установления, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей сторон относительно обладания, использования и передачи коммерчески-значимой информации, регулирует отношения между субъектами договора. Вместе с тем, договор в сфере информационных технологий является базовым источником правосубъектности каждой из сторон, наличия и объема тех или иных полномочий. Через такой договор наиболее полно реализуется принцип состязательности участников договорных правоотношений, функция защиты гражданских прав.

Общий гражданско-правовой принцип свободы договора предоставляет участникам информационного рынка самостоятельность в регулировании отношений друг с другом посредством заключения договора. При определении модели данного договора субъекты правоотношений в сфере информационных технологий могут использовать как имеющиеся поименованные в Гражданском кодексе Российской Федерации договоры, так и заключать договоры непоименованные, на индивидуально разработанных условиях, которые не противоречили бы общим принципам гражданского законодательства.

Виды договоров в сфере информационных технологий можно определить исходя из классификации договоров, предусмотренных теорией гражданского права. Однако, следует четко определить сущность и особенности, видовую принадлежность договоров, которые предназначены регламентировать правоотношения в сфере информационных технологий.

Анализ договорной практики позволяет выделить три самостоятельных группы договоров, регулирующих сферу информационных технологий. К первой группе относятся договоры на оказание информационных услуг, которые широко распространены и используются всеми участниками рыночных правоотношений. Вторую группу образуют договоры на выполнение работ в информационной сфере, которые связаны с проведением исследований, анализом и обработкой информации на электронно-вычислительных машинах (ЭВМ). К третьей группе относятся договоры, которые имеют отношение к передаче информационных продуктов на возмездной основе.

Договоры в сфере информационных технологий подлежат типизации на основании выделения отдельных особенностей формирования как структуры, так и инфраструктуры информационного рынка. При классификации договора в сфере информационных технологий следует учитывать следующие критерии отграничения их от иных договоров:

- взаимосвязь договоров в сфере информационных технологий с классификациями договоров, используемых в гражданском праве;

- договоры в сфере информационных технологий являются частью гражданско-правового регулирования информационной сферы ее субъектов;

- для сферы информационных технологий характерны те же подходы к классификации договоров, что и для остальных сфер, данные подходы выработаны правовой практикой в сфере регулирования информационных отношений;

- как правило, та коммерчески-значимая информация, которая является объектом договора в сфере информационных технологий, на протяжении всего своего «жизненного цикла» связана, с работой на электронно-вычислительных машинах, на интернет-площадках и ресурсах, поэтому имеется острая необходимость определения и соблюдения условий охраны и ее конфиденциальности;

- субъектный состав правоотношений в сфере информационных технологий представлен индивидуальными предпринимателями, самозанятыми гражданами и коммерческими организациями, которые могут выступать как в качестве исполнителей (производители, авторы, обладатели коммерчески-значимой информации), так и в качестве заказчиков;

- на договорные отношения в сфере информационных технологий распространяется режим коммерческой тайны, такой договор заключается, как правило, одним лицом для охраны конфиденциальности коммерчески-значимой информации, данные о переговорах, факте заключения договора не распространяются.

Исходя из анализа приведенных критериев, следует, что специфику договорного регулирования сферы информационных технологий определяет элемент соблюдения условий конфиденциальности, которые сопровождают любую возмездную сделку с момента заключения

договора до полного исполнения сторонами обязательств, а иногда и некоторое время после.

Таким образом, следует отметить то, что договор в сфере информационных технологий — соглашение, которым устанавливаются, изменяются и прекращаются гражданские права и обязанности сторон относительно обладания, использования и передачи коммер-

чески-значимой информации. Значимость договора в сфере информационных технологий определяется правосубъектностью каждой из сторон, наличия и объема тех или иных полномочий. Специфику договорного регулирования сферы информационных технологий определяет элемент соблюдения условий конфиденциальности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 09.03.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (часть I). — Ст. 3448.
3. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2019.
4. Вайпан, В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2018. № 1. с. 12–17.
5. Демьянец, М. В., Елин В. М., Жарова А. К. Предпринимательская деятельность в сети Интернет: Монография. М.: Юркомпани, 2014. с. 65.
6. Кондратьева, Е. А. Лицензионный договор: понятие, содержание, заключение // Юрист. — 2014. — № 24. — с. 13–14.

Проблемы правового регулирования банкротства кредитных организаций

Пузик Кирилл Сергеевич, студент магистратуры

Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассматривается вопрос возникновения проблематики правового регулирования банкротства кредитных организаций. Регулирование законодательством Российской Федерации общих вопросов, связанных с банкротством и правоотношениями, в которые вступают субъекты гражданского права, имеющие специальную гражданскую правоспособность.

На сегодняшний день проблематика банкротства кредитных организаций имеет особое место, поскольку эти вопросы затрагивают интересы широкого круга граждан. Важность регулирования процесса применения к кредитным организациям процедуры банкротства обладает определенными особенностями, они определены правовой природой данных организаций, у которых деятельность чаще имеет публичный характер, даже в случаях с частными организациями.

Вопросы о банкротстве кредитных организаций возникли не так давно, но при этом активно вызывают интерес как у физических лиц, так и у юридических. Фундаментом нормативно-правового регулирования выступает Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», где главные задачи — устранять из гражданского оборота неплатежеспособных участников и давать возможность отсрочки оплаты добросовестным субъектам гражданского оборота, оказавшимся в ситуации непредвиденной

временной неплатежеспособности. Возможность реструктуризации долга или предоставление отсрочки оплаты долга дает может позволить улучшить свое положение неплатежеспособным гражданам под контролем арбитражного суда, кредиторов, и после снова достичь финансовой стабильности. Но немаловажно отметить, что действующее законодательство Российской Федерации регламентирует не только общие вопросы, связанные с банкротством, но в той же мере и данные правоотношений, в которые вступают субъекты гражданского права, имеющие специальную гражданскую правоспособность.

В последнее десятилетие было одобрено значительное количество нормативно-правовых актов, регулирующих банкротство юридических лиц, а именно кредитных организаций, и в данных документах присутствуют противоречия и пробелы. Противоречия в документации усложняют практическое применение процесса банкротства и в результате могут повлиять на возникновение возможно-

стей для злоупотреблений своим положением. На сегодняшний день отсутствует четкое определение всех критериев несостоятельности кредитных организаций, и в связи с этим нарушен принцип пропорциональности и соразмерности разрешения требований кредитора при процессе реализации конкурсного производства в правоотношениях кредитной организации. Равным образом имеется недостаток в исследовании научной сферы, посвященной анализу и синтезированию правовых проблем банкротства кредитных организаций.

Перечень особенностей кредитных организаций и накопленный опыт развития института банкротства кредитных организаций предоставили возможность сформулировать вывод, что решение этих вопросов должно быть направлено на защиту имущественных прав и интересов кредитора. Также необходимо обратить внимание на обеспечение возврата и непосредственно сохранность имущества кредитной организации, где расширение правовых форм предупреждения и несостоятельности применяется при ограничительных и контрольных мерах, что провоцирует повышение требований к уровню в правомерности управления кредитной организацией при процедуре банкротства.

На российском рынке банковская система играет важнейшую роль и проецируется на все сферы общества. Банковская система не только обеспечивает растрачивание свободных денежных средств, привлечение их в оборот, но также обладает механизмом перенаправления денежного капитала, где играет роль основного элемента цельного платежного механизма хозяйственной системы государства.

Эффективное функционирование государственных органов и органов местного самоуправления при формировании рыночной экономики полностью зависят от стабильности и надежности банковской системы всего государства. Стабильность банковской системы определена тем, что деятельность Центрального Банка России и коммерческих кредитных организаций будут влиять на осуществление государственной экономической политики, финансовой стабильности и снабжение экономической безопасности государства. Иными словами, не только Центральный Банк РФ, но и кредитные организации занимают важное положение в рыночной экономике. В случаях, где кредитная организация, в зависимости от внутренних и внешних причин, теряет способность выполнять принятые на нее обязательства, и становится невозможным восстановить платежеспо-

собность, только тогда кредитная организация будет признана банкротом.

Правовое регулирование при банкротстве кредитных организаций направлено на уменьшение ущерба, причиненного кредиторам, а при том, что имеется публичный интерес, имеется необходимость в адекватном правовом регулировании.

Усовершенствование Российского законодательства о вопросах банкротства кредитных организаций имеет положительные тенденции, но все же далеко от идеала.

Россия является не первой страной, которая столкнулась с крупномасштабным экономическим кризисом и кризисом банковской системы, в частности. Научная теория, анализирующая мировой опыт банковских кризисов, постоянно обновляется и пополняется.

На сегодняшний день практически не осталось страны, не испытавшей банковский кризис в той или иной мере. В результате изучения мирового опыта и анализа ошибок других стран удалось избежать повторения этих ошибок в России. С каждым годом сокращается государственное вмешательство в экономическую систему, происходит либерализация финансовых рынков и активная приватизация государственной собственности, которая совпала с развитием новейших информационных технологий. Вышеупомянутые изменения позволили организовать новые финансовые рынки и соединить национальные системы в единый рынок.

Практика разных стран показывает, что банковские кризисы воспроизводят сложный процесс приспособления банковских систем к новым макроэкономическим условиям. Ослабление контроля внешнеэкономических отношений и регулирование банковской сферы в развитых и развивающихся странах, интернационализация рынка финансовых услуг, обновление рыночные реформы в странах с переходной экономикой — все это свидетельствует о процессах, которые развивались достаточно болезненно, неустойчиво и несбалансированно, а иногда и отрицательно сказывались на состоянии банковских балансов. На таком этапе возросшей неустойчивости банковские системы стали крайне восприимчивы к традиционным факторам банковских кризисов, имеется в виду экономический спад, потрясения в реальном секторе экономики. Спад производства и спад платежеспособности предприятий-заемщиков банков остается базисной причиной банковских кризисов, при этом степень влияния кризиса в экономике на банковскую систему всегда зависит от различного рода факторов.

Литература:

1. Текст: электронный //: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/79f37dee54870675e842681ce28005869ed04ccc/ (дата обращения: 01.07.2021).
2. Текст: электронный //: [сайт]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 02.07.2021).

3. Текст: электронный //: [сайт]. — URL: <https://bankrothelp.ru/yur-lica/bankrotstvo-kreditnykh-organizaciy.html> (дата обращения: 02.07.2021).
4. Текст: электронный //: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/3960005/> (дата обращения: 02.07.2021).
5. Текст: электронный //: [сайт]. — URL: <https://www.law.ru/article/22244-bankrotstvo-banka> (дата обращения: 03.07.2021).

Предмет доказывания в налоговых спорах при искусственном дроблении бизнеса

Салимгареев Ренат Радикович, студент магистратуры
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье проведен анализ научной литературы и правоприменительной практики, на основании которых выявлены обстоятельства, которые должны установить налоговые органы при налогово-правовой квалификации действий налогоплательщика в качестве схемы дробления бизнеса.

Ключевые слова: дробление бизнеса, малый бизнес, специальные налоговые режимы, деловая цель, доктрины, фактический собственник.

По общему правилу законность принятого решения должен доказать налоговый орган и подкрепить соответствующими доказательствами, указывающими на обстоятельства, свидетельствующие об искусственном дроблении бизнеса.

Оценка доказательств, собранных налоговым органом, в спорах, связанных с искусственным дроблением бизнеса, во многом носит субъективный характер.

Неоднократно как в научных, так и в правоприменительных кругах предпринимались попытки классифицировать, упорядочить и составить исчерпывающий перечень признаков, свидетельствующих об искусственном дроблении бизнеса.

Как отмечает О. В. Овчар «при рассмотрении налоговых споров, связанных с дроблением бизнеса, сделки между проверяемым налогоплательщиком и его аффилированными лицами расцениваются как не имеющие иной деловой цели, кроме получения налоговой экономии. Компании в подобных случаях злоупотребляют правом на применение специальных налоговых режимов посредством создания группы аффилированных или подконтрольных субъектов предпринимательской деятельности, а также искусственных условий сделок» [1, с. 36].

По мнению Ж. Г. Попковой дела, связанные с дроблением бизнеса, вполне соотносимы с доктриной «деловой цели»: разделение организации на формально независимые юридические лица не имело иных целей, кроме налоговой оптимизации; вследствие чего такое разделение для целей исчисления налогов было, по существу, проигнорировано [2, с. 125].

В. М. Зарипов, анализируя Письмо ФНС России от 13.07.2017 N ЕД-4-2/13650@, отметил, что дробление бизнеса может быть не имитационным (лишь для целей налоговой экономии), а вполне реальным. Об этом свидетельствуют наличие деловой цели и достаточная самостоятельность новых участников [3, с. 96].

Так, С. Г. Пепеляев указывал, что выявление и учет деловой цели хозяйственной операции направлены на борьбу с искусственными юридическими конструкциями, не содержащими признаков противоправности (обмана, мошенничества), но не имеющими какого-либо разумного объяснения с позиции хозяйственной необходимости и сооруженными исключительно в целях минимизации налогообложения [4, с. 4].

Из указанного следует, что при квалификации действий налогоплательщика в качестве дробления бизнеса налоговые органы должны доказать, что единственной целью создания подконтрольных хозяйствующих субъектов было получение налоговой выгоды и не преследовало иных деловых целей.

На наличие деловой цели при построении корпоративной структуры обратил внимание и Конституционный суд РФ [5], фактически процитировав Постановление о налоговой выгоде [6], в котором была сформулирована доктрина «деловой цели», которая впоследствии нашла отражение в пп. 1 п. 2 ст. 54.1 Налогового кодекса РФ.

Изначально, ещё в Постановлении о налоговой выгоде суд указал на то, что налоговая выгода может быть признана необоснованной, в частности, в случае, если учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера), что в дальнейшем стали называть «доктрина деловой цели», «тест деловой цели» и т. п.

Впервые доктрина «деловой цели» была применена в 1935 г. в деле *Gregory v. Helvering*, в котором Верховный суд США указал, что сделка, совершенная по налоговым мотивам, должна иметь деловую цель [7].

В классическом понимании суть доктрины «деловой цели» сводится к тому, что любая операция (сделка) должна иметь определенную деловую цель. Если единственной целью операции (сделки) является уменьшение

уплачиваемого налога, то такая сделка не учитывается при налогообложении.

При дроблении бизнеса в большей степени приходится говорить о деловой цели не операций (сделок), а создании налогоплательщиком дополнительных и подконтрольных хозяйствующих субъектов.

По мнению Р. С. Фатхутдинова, в спорах, связанные с дроблением бизнеса, также применяется доктрина фактического собственника.

По его мнению, дробление бизнеса предполагает разделение единого экономического субъекта на несколько формально самостоятельных субъектов. В результате, по существу, единый субъект получает налоговые льготы, предусмотренные для независимых организаций. Яркий пример — создание одним лицом нескольких компаний для получения возможности применения ими УСН вместо уплаты налогов по общей системе налогообложения.

Налоговые органы для борьбы с использованием этого метода доказывают, что все компании принадлежат одному лицу, подконтрольны ему и созданы с единственной целью — снизить налоговую нагрузку в результате применения УСН. Соответственно, полученные компаниями доходы принадлежат бенефициару, который и должен заплатить налоги. При этом, поскольку доходы принадлежат одному лицу и, как правило, превышают установленный для УСН предел, условия для ее применения нарушаются и налоговое бремя бенефициара значительно вырастает [8, с. 50].

Смысл доктрины фактического собственника заключается в том, что собственником дохода может быть признано иное лицо, нежели юридический собственник дохода. Доктрина разделяет фактического и юридического собственника дохода и в основном применяется в отношении налоговых льгот, предоставляемых международными соглашениями об избежании двойного налогообложения.

Так, в деле ИП Шейденко А. А. налогоплательщик апеллировал к тому, что налоговым органом неверно установлен выгодоприобретатель. Как было установлено судом, ИП Шейденко А. А. и еще 13 индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения, осуществляли торговлю под единой торговой маркой «Норд», созданной ИП Шейденко А. А. (далее — сеть магазинов). Налогоплательщику не удалось доказать, что выгодоприобретателем был не он [9].

Данное дело показывает, что в рамках дел, связанных с дроблением бизнеса, налоговые органы должны правильно определить фактического собственника и доказать его вину в получении необоснованной налоговой выгоды. В ином случае, если налоговый орган неправильно определит такое лицо, то решение налогового органа может быть признано недействительным в силу того, что налоговый орган провел проверку в отношении не того лица и незаконно привлек его к ответственности.

Таким образом, при применении налогоплательщиком схемы «дробление бизнеса» налоговым органом необхо-

димо правильно установить лицо, которому будут вменяться доходы подконтрольных хозяйствующих субъектов, т. е. фактического собственника этих доходов.

Взаимозависимость является еще одним важным обстоятельством, которое должны доказать налоговые органы.

При отсутствии доказанной взаимозависимости (подконтрольности, аффилированности) созданных хозяйствующих лиц и налогоплательщика дальнейшее выяснение деловой цели их создания не имеет смысла для квалификации схемы в качестве дробления бизнеса, так как отсутствуют лица, чьи доходы должны вменяться налогоплательщику, т. е. нет самого факта дробления.

В судебных актах, принятых по результатам рассмотрения дел, связанных с «дроблением бизнеса», наряду с понятием «взаимозависимость» часто встречаются такие понятия как «подконтрольность» и «аффилированность».

Налоговый кодекс РФ не содержит понятий «подконтрольность» и «аффилированность». Однако, суды используют эту терминологию при отсутствии формальных признаков взаимозависимости в случаях, если установлена экономическая или иная взаимозависимость участников дробления.

Налоговый кодекс РФ определяет взаимозависимыми лицами для целей налогообложения физических лиц и (или) организаций, отношения между которыми могут оказывать влияние на условия или экономические результаты их деятельности или деятельности представляемых ими лиц, а именно:

- 1) одна организация непосредственно и (или) косвенно участвует в другой организации, и суммарная доля такого участия составляет более 20 процентов. Доля косвенного участия одной организации в другой через последовательность иных организаций определяется в виде произведения долей непосредственного участия организаций этой последовательности одна в другой;
- 2) одно физическое лицо подчиняется другому физическому лицу по должностному положению;
- 3) лица состоят в соответствии с семейным законодательством Российской Федерации в брачных отношениях, отношениях родства или свойства, усыновителя и усыновленного, а также попечителя и опекаемого [10].

Суд может признать лица взаимозависимыми по иным основаниям, не предусмотренным пунктом 1 ст. 20 НК РФ, если отношения между этими лицами могут повлиять на результаты сделок по реализации товаров (работ, услуг).

При этом взаимозависимость и «самостоятельность» взаимозависимых лиц имеют тесную взаимосвязь.

В п. 4 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с применением глав 26.2 и 26.5 Налогового кодекса Российской Федерации в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018) сказано, что сам по себе факт взаимозависимости налогоплательщика и его контрагентов не является основанием для консолидации их до-

ходов и для вывода об утрате права на применение упрощенной системы налогообложения данными лицами, если каждый из налогоплательщиков осуществляет самостоятельную хозяйственную деятельность.

В силу абз. 3 п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг [11] Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено Гражданским кодексом РФ.

Таким образом, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны осуществлять её самостоятельно на свой риск с целью получения прибыли.

На это указывает и ФНС России в пункте 27 письма [12] — «помимо оценки соблюдения требований, предусмотренных статьями 346.12, 346.26 Кодекса, также оценивать, ведется ли налогоплательщиком и иными лицами соответствующая деятельность самостоятельно и на свой риск с использованием собственных достаточных трудовых, производственных и иных ресурсов с принятием управленческих решений органами управления налогоплательщика или, напротив, от имени нескольких формально самостоятельных субъектов осуществляется организационно единая деятельность, координируемая одними и теми же лицами, с задействованием общих материально-технических и (или) трудовых ресурсов и (или) средств индивидуализации».

Стоит отметить, что оценка «самостоятельности» лица также носит оценочный характер.

Любое несамостоятельное лицо кому-то подконтрольно, то есть кто-то принимает решения и выполняет действия за это лицо, но не каждое подконтрольное лицо может быть несамостоятельным. Кроме того, при взаимозависимости и подконтрольности, самостоятельность любого лица может ограничиваться в той или иной степени. При этом ограничение самостоятельности лица может устанавливаться в силу закона, подзаконного акта, локального акта или в силу указаний. Например, в силу ст. 46 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» имеется ограничение самостоятельности общества при заключении крупной сделки.

При отсутствии самостоятельности взаимозависимых лиц, выяснять деловую цель создания дополнительных хозяйствующих субъектов для целей квалификации «дробления бизнеса» не имеет смысла, так как такое создание не соответствует критериям, указанным в ст. 2 ГК РФ, и явно имеет признаки искусственности, что свидетельствует о злоупотреблении правом.

В заключение стоит отметить, что главным обстоятельством, которое должны доказать налоговые органы и без которого всё вышеизложенное не имеет смысла, является получение налоговой выгоды.

При отсутствии налоговой выгоды налоговому органу нечего вменять налогоплательщику, т. е. отсутствует необоснованная налоговая выгода, которая и должна вменяться налогоплательщику по результатам проверки.

На основании изложенного налоговым органом, необходимо установить взаимозависимость, выгодоприобретателя (фактического собственника доходов), налоговый мотив и размер необоснованной налоговой выгоды.

Данный круг обстоятельств должен подкрепляться соответствующим прямыми и (или) косвенными доказательствами, полученными в рамках мероприятий налогового контроля.

Литература:

1. Овчар, О. В. Дробление бизнеса: подход ФНС России / О. В. Овчар. — Текст: непосредственный // Налоговед. — 2019. — № 2. — с. 35–46.
2. Попкова, Ж. Г. Налоговая выгода как институт налогового права: специальность 12.00.04 «финансовое право; налоговое право; бюджетное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Попкова Жанна Георгиевна; Российский государственный университет правосудия. — Москва, 2019. — 303 с. — Текст: непосредственный.
3. Зарипов, В. М. Рекомендации Федеральной налоговой службы и Следственного комитета России по доказыванию умысла: предложения по доработке // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 3. с. 93–100.
4. Пепеляев, С. Г. Деловая цель сделки / С. Г. Пепеляев. — Текст: непосредственный // Корпоративный юрист. — 2007. — № 3. — с. 3–8;
5. Определение Конституционного Суда РФ от 04.07.2017 N 1440-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бунеева Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 146, 153, 154, 247–249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации»;
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»;

7. Yoram Keinan. It Is Time For The Supreme Court to Voice Its Opinion On Economic Substance // Huston Business and Tax Journal, 2006 Vol. VII. P. 98;
8. Фатхутдинов, Р. Доктрина бенефициарного собственника в налоговых отношениях / Р. Фатхутдинов // Налоговед. — 2011. — № 2. — с. 45–51;
9. Определение Верховного Суда РФ от 05.04.2021 N 304-ЭС21–2964 по делу № А70–6720/2019;
10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — № 31. — 03.08.1998. — ст. 3824;
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — ст. 3301;
12. Письмо ФНС России от 10.03.2021 N БВ-4–7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации»/

Понятие территориальной организации местного самоуправления

Сафаров Рамис Раисович, студент магистратуры

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье рассмотрены существующие в правовой доктрине подходы к определению понятия территориальная организация местного самоуправления, проведен анализ их содержания, дано авторское определение.

Ключевые слова: местное самоуправление, территориальная организация, муниципальное образование, муниципальная власть.

Территориальная организация местного самоуправления является специфичным, свойственным сугубо отрасли муниципального права правовым институтом. Вместе с тем, в доктрине муниципального права на сегодняшний день отсутствует единообразный подход к понятию территориальной организации местного самоуправления.

Так, О. Е. Кутафин и В. И. Фадеев определяют территориальную организацию местного самоуправления как институт муниципального права, представляющий собой совокупность муниципально-правовых норм, закрепляющих и регулирующих формирование и состав территории муниципального образования, границы территории муниципального образования, порядок их установления и изменения [5, с. 342]. То есть авторы понимают под территориальной организацией местного самоуправления правовой институт отрасли муниципального права, позволяющий правовыми способами определить территориальную организацию местного самоуправления.

Иной точки зрения придерживается С. А. Авакян, который считает, что территориальное устройство местного самоуправления указывает на территориальные пределы определенной муниципальной власти и ее уровень [1, с. 70]. По мнению автора, оно позволяет определить ту территорию, на которой муниципальная власть осуществляет решение вопросов местного значения, а также вид муниципального образования.

Не самую удачную, на наш взгляд, формулировку предлагает А. Н. Максимов, определяющий территориальную организацию местного самоуправления как один из видов территориальной организации государства. Территори-

альная организация местного самоуправления, по его мнению, означает деление государства на самоуправляющиеся единицы (муниципальные образования) [6, с. 13]. Полагаем, что данное утверждение не в полной мере соответствует принципам самостоятельности местного самоуправления и не вхождения органов местного самоуправления в систему органов государственной власти. У муниципального территориального устройства совсем иное предназначение, нежели у административно-территориального устройства, иные основания, иная социальная роль, и, хотя муниципальное территориальное устройство отчасти взаимодействует с административно-территориальным устройством субъектов Российской Федерации, вряд ли следует считать его разновидностью территориальной организации государства.

Несколько иную, но также противоречивую формулировку предлагает В. А. Черкасов, определяя публично-правовой институт территориальной организации местного самоуправления в субъекте Российской Федерации как процесс, включающий в себя проведение комплекса мероприятий, связанных с изменением его территориальной организации, исходя из политических социально-экономических потребностей развития субъекта Российской Федерации и Российской Федерации в целом [8, с. 73]. На наш взгляд, определение правового института через категорию процесса неоправданно искажает сложившийся в юридической доктрине подход к понятию «правовой институт».

Представляет интерес позиция Е. А. Кодиной, которая связывает муниципальное территориальное устройство, в первую очередь, не с организацией государства, а с тер-

риториальной организацией общества: «Территориальная организация общества — это пространственная организация жизни людей, сложившаяся на определенном этапе социально-экономического развития» [4, с. 61]. По мнению автора, она включает в себя, прежде всего, размещение населения и отраслей экономики, территориальное разделение труда, экономическое и национально-этническое районирование, а уже в последнюю очередь — территориально-политическую и административно-территориальную организацию государства.

Позиция Е. А. Кодиной о связи муниципального территориального устройства не с интересами публичной власти (с точки зрения управляемости территорий), а с интересами местного населения (с точки зрения общности и простоты реализации интересов и доступности публично-властных услуг), перекликается с позицией Е. С. Шугриной, которая совершенно справедливо указывает, что среди критериев определения территории муниципального образования должны непременно присутствовать общность социально-экономических интересов населения, наличие необходимой социальной и коммунальной инфраструктуры, при этом в ряде случаев нельзя не учитывать традиционный способ хозяйствования населения (например, скотоводство) и связанный с ним образ жизни (кочевое или хуторское хозяйство). Как представляется, в условиях развития ряда регионов к социально-экономическим интересам необходимо присоединить тесно связанные с ними этнокультурные, а также отдельно выделить демографический аспект «нарезки» муниципальных территорий [9, с. 85].

Достаточно спорную с позиции практической применимости формулировку предлагает В. Ф. Бурьянов, который определяет территориальную организацию местного самоуправления как основную публично-правовую форму институирования локальных территориальных образований, имеющих определенное организационное строение [2, с. 7]. То есть автор понимает под территориальной организацией местного самоуправления определенный вид муниципального образования из списка установленных видов государством муниципальных образований, наиболее подходящий для организации местного самоуправления на данной территории.

По мнению И. А. Иванниковой, территориальная организация местного самоуправления представляет собой

упорядоченную организацию муниципальной власти в целях обеспечения ее эффективного функционирования в рамках обособленной территории с четко установленными границами [3, с. 8]. Однако мы не можем полностью согласиться с данным подходом, поскольку в нем, на наш взгляд, отсутствует важнейший элемент формирования и изменения границ и статуса муниципального образования, а именно мнение (воля) самого населения муниципального образования.

С эффективностью функционирования местного самоуправления связывают территориальную организацию А. В. Малько и С. В. Корсакова: «Территориальная организация местного самоуправления представляет собой упорядоченную организацию местного самоуправления в целях обеспечения его эффективного функционирования в рамках обособленной территории с четко установленными границами» [7, с. 127]. По мнению авторов, в рамках конкретного вида муниципального образования существует определенная структура организации местного самоуправления и ее пространственные пределы с установленными границами, в рамках которых наиболее вероятно организовать эффективное самоуправление.

По нашему мнению, в основе определения понятия «территориальная организация местного самоуправления» должны лежать социолого-правовые аспекты общности и возможностей удовлетворения социально-правовых интересов местных жителей при минимизации конфликтности местных отношений. Оно должно также отображать инструментальный момент, представляя территориальное устройство как средство достижения эффективности местного самоуправления. В противном случае искомое определение не будет иметь прикладную значимость.

Таким образом, в целях устранения противоречий в правоприменительной практике считаем необходимым сформулировать авторское определение территориальной организации местного самоуправления следующим образом: территориальная организации местного самоуправления — это способ формирования и функционирования объединения населения на определенной местности для возможности удовлетворения интересов населения с учетом социального, экономического, географического, демографического факторов с целью достижения эффективности самоуправления.

Литература:

1. Авакьян, С. А., Баженова, О. И., Лютцер, В. Л., Ежукова, О. А. Муниципальное право России [учебник] / С. А. Авакьян, О. И. Баженова, В. Л. Лютцер, О. А. Ежукова. — Москва: Проспект, 2021. — 656 с.
2. Бурьянов, В. Ф. Территориальная организация местного самоуправления в Российской Федерации: Конституционно-правовые вопросы теории и практики: специальность 12.00.02 «Конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бурьянов Виктор Федорович; Пермский государственный университет. — Челябинск, 2004. — 28 с.
3. Иванникова, И. А. Институционализация правового регулирования территориальной организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного Федерального округа:

специальность 12.00.02 «Конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Иванникова Ирина Анатольевна; Ставропольский государственный университет. — Ставрополь, 2006. — 28 с.

4. Кодина, Е. А. Комментарий к ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Е. А. Кодина. — Москва, 2010. — 107 с.
5. Кутафин, О. Е., Фадеев, В. И. Муниципальное право Российской Федерации [учебник] / О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев. — Москва: Проспект, 2011. — 669 с.
6. Максимов, А. Н. Территориальная организация местного самоуправления в России: проблемы совершенствования правового регулирования: специальность 12.00.02 «Конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Максимов Андрей Николаевич; Московская государственная юридическая академия имени О. Е. Кутафина. — Москва, 2010. — 27 с.
7. Малько, А. В. Муниципальное право России [учебник] / А. В. Малько. — Москва, 2010. — 398 с.
8. Черкасов, В. А. Территориальная организация местного самоуправления в субъектах Российской Федерации: специальность 12.00.02 «Конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Черкасов Владимир Алексеевич; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ — Москва, 2006. — 195 с.
9. Шугрина, Е. С. Муниципальное право Российской Федерации [учебник] / Е. С. Шугрина. — Москва: Проспект, 2007. — 664 с.

ПЕДАГОГИКА

Как влияет состояние памяти на развитие речи: обзор

Абрамова Ирина Анатольевна, учитель-логопед

МАДОУ «Детский сад комбинированного вида № 8» г. Шебекино Белгородской области

Есть единодушное мнение о том, что речь без памяти невозможно развить, а память без мысли — это пустота. Даже есть такая народная мудрость «*Пустая голова не мыслит*». Но давайте еще раз убедимся в этом утверждении.

Из учебников по психологии и педагогике мы знаем понятие «*речь*» очень обширно. Каждый из ее важнейших компонентов — звукопроизношения, лексический запас, грамматический строй тесно взаимосвязаны. Недоразвитие одного из них часто ведет к недоразвитию другого.

Но какое же влияние оказывает память?

И. М. Сеченов указывал, «без памяти наши ощущения и восприятия, исчезая бесследно по мере возникновения, оставляли бы человека вечно в положении новорожденного». [4]

Возрастная и педагогическая психология дает нам несколько определений памяти. Одно из них, «память интегрированное психическое отражение прошлого взаимодействия человека с действительностью, информационный фонд его жизнедеятельности». [1]

П. П. Блонский предлагает нам наиболее понятную для неподготовленной аудитории классификацию процессов памяти. По его мнению, память можно разделить на четыре вида в зависимости от особенностей материала запоминания и воспроизведения:

— «двигательная **память** — это **память** на различные движения и их системы, позволяющая формировать, практические и трудовые навыки;

— эмоциональная (*аффективная*) **память** — это **память на чувства**;

— образная **память** — это **память на образы** (*зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные и вкусовые*);

— словесно-логическая (*вербальная*) **память** — **память на мысли и речь**». [2]

Может ли память являться причиной нарушения речи?

В 20-е годы прошлого столетия отечественные исследователи делали первые попытки классификации речевых нарушений в зависимости от причин их возникновения.

По этому поводу М. Е. Хватцев выразил свое мнение, он впервые все причины речевых нарушений разделил на внешние и внутренние. А именно, «органические (анатомо-физиологические, морфологические, функциональные (психогенные, социально-психологические и психоневрологические причины. К психоневрологическим причинам он относил умственную отсталость, нарушения **памяти**, внимания и другие расстройства психических функций». [3]

Поэтому при обследовании речи не меньше внимание уделяется уровню развития основных видов познавательной деятельности, в том числе памяти. «Если познавательные (*психические*) процессы: восприятие, **память**, внимание, мышление — развиваются нормально, то и речь ребенка более богата, выразительна, развернута, совершенна. Именно поэтому познавательные процессы называют психологической базой речи, уровень развития которой напрямую влияет на речь ребенка». [3]

Как влияет память на обучение и развитие ребенка?

Есть такая исполнительная функция мозга, называемая «**рабочая память**». Пег Розен в своей статье «Что такое рабочая память?» указывает, «рабочая память — это способность удерживать новую информацию, чтобы использовать ее в различных целях. Рабочая память позволяет нам держать информацию, не теряясь в том, что мы делаем. Она помогает нам учиться и выполнять основные задачи. Многие дети с расстройствами обучения и внимания испытывают проблемы с этой жизненно важной функцией». [6]

Как работает рабочая память?

Пег Розен поясняет, «рабочая память работает как временная заметка в нашем мозгу. Она удерживает новую информацию, чтобы мозг мог с ней кратковременно поработать и получить возможность связать ее с другой информацией. Рабочая память нужна не только для кратковременного использования, она также помогает мозгу переводить новую информацию в долговременную память». [6]

Опираясь на эту информацию, можно сделать вывод о том, что плохо развитая рабочая память может оказы-

вать негативное влияние на развитие речи ребенка. «Для воспроизведения услышанного ребенку необходимо сначала обработать и запомнить услышанное. Ваш ребенок также может обнаружить, что информация, которую он запомнил, не имеет смысла. Из-за проблем с рабочей памятью, мозг ребенка может изначально неправильно запомнить информацию. Если ребенок получает новую информацию неправильно, ему будет сложно использовать ее в дальнейшем». [6]

Как же можно помочь ребенку?

Пег Розен считает, «если Вы думаете, что у Вашего ребенка проблемы с рабочей памятью, важно понять, так ли это. Это может выглядеть так, будто ему сложно удерживать информацию, но на самом деле у него проблемы с вниманием — информация вообще не поступала в мозг, или у ребенка нарушение слуховой обработки — информация поступила, но была искажена в процессе обработки. Полная проверка/диагностика у специалиста может определить причину затруднений у Вашего ребенка. Если окажется, что проблема в рабочей памяти, Вам следует принять меры и разузнать больше». [6]

Как же можно развить память так, чтобы она положительным образом сказалась на развитие речи ребенка?

Князева Ольга Ивановна в статье «Развитие речевой памяти и её влияние на совершенствование речи младших школьников» предлагает нам свой взгляд на эту ситуацию. Она считает, «трудности детской самостоятельной речи объясняются как раз не разработанностью оперативной речевой памяти. Запоминание есть результат определенной активной деятельности человека с запоминаемым содержанием. Запоминается то, что вызывает интерес, обусловлено необходимостью. Влияют на запоминание установка на длительность сохранения запоминаемого, эмоциональное состояние, подготовленность к восприятию; чувство ответственности и многое другое». [5]

По этому поводу Князева О. И. уточняет, «основная долговременная память на слова формируется в речедвигательном анализаторе. Здесь сохраняется активный словарь, а в слуховом и зрительном анализаторах формируется память на узнавание слов в звуковом и буквенном кодах — это пассивный словарь. Пассивный словарь больше, чем активный. Активное применение слов помогает запомнить их, а также расчленил речевой поток на составляющие его элементы. Необходимо, чтобы родители стали единомышленниками педагога и продолжали дома работу, начатую им в детском учреждении». [5]

Литература:

1. Возрастная и педагогическая психология: Хрестоматия: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Сост. И. В. Дубровина, А. М. Прихожан, В. В. Зацепин. — М.: Издательский центр «Академия», 2003.
2. Блонский, П. П. Память и мышление. // Избранные психологические произведения. — М., 2008 г. — с. 215
3. Гиппенрейтер, Ю. Б., В. Я. Романова Психология памяти и речи — М.: «ЧеРо», 2007 г. — с. 816
4. <https://nostal-gia.ru/vlijanie-rechi-na-razvitie-p...> Влияние речи на развитие памяти ребенка Коршиков Алексей

Князева О. И. рекомендуют использовать серию «Игры с ребенком дома» — семейные игры по развитию памяти.

Наибольший интерес из ее статьи вызвали игры с детьми для развития памяти.

«Игра «Кто больше запомнит»

Взрослый называет любое слово (например, яблоко), ребенок должен повторить это слово и назвать любое свое. Эти два слова повторяет взрослый и называет свое третье, ребенок уже повторяет три слова и называет четвертое и т. д. Игра продолжается до тех пор, пока ребенок воспроизводит услышанные слова. Игру можно проводить несколько раз.

Игра «Запоминаем, рисуя» так же успешно может быть проведена родителями. От взрослого, который выполняет роль ведущего, потребуется лишь заранее приготовить список из 20 слов, листок бумаги и ручку для ребенка. Взрослый будет последовательно называть эти слова ребенку, а тот должен как-либо зарисовать названное слово. Потом взрослый просит ребенка по порядку назвать слова. Чем больше слов воспроизводит ребенок, тем лучше у него развита память.

А вот игра «Цвета» может быть организована дома родителями несколько иначе. За 2 минуты ребенок должен назвать 10 предметов какого-либо предложенного взрослым цвета (красного, зеленого, желтого, синего, черного, и т. д.)» [5]

Не менее интересны советы Князевой Ольги Ивановны детям и их родителям:

1. «Усталость и утомление — враги памяти. Хочешь хорошо запомнить заданный на дом материал, нужно отдохнуть, лучше на свежем воздухе.
2. Для лучшего запоминания нужны положительные эмоции, нужно хорошее настроение, при выполнении заданий постарайся не думать о плохом. Если ты раздражен, взволнован, то сначала успокойся.
3. Лень — злейший враг памяти. Постарайся избавиться от лени. Причиной забывчивости часто бывает лень вспоминать забытое». [5]

Таким образом, теории и практики, сталкивающиеся с проблемой влияния памяти на развитие речи ребенка, сходятся в едином мнении: память неотъемлемая часть человеческой психики, нарушения памяти негативно влияют на развитие речи детей, память можно и нужно развивать, лучше осуществлять эту деятельность в процессе игр, не только в детском учреждении, но и дома, в кругу близких людей, развивая память, вы будете способствовать развитию речи ребенка.

5. <https://www.InfoUroki.net/statya-razvitie-rechevoy-pamyati-i-ey-vliyaniye-na-sovershenstvovanie-rechi-mladshikh-shkolnikov> Князева Ольга Ивановна
6. <https://www.understood.org/> Пер Розен Что такое рабочая память?

The ways to overcome the language barrier

Gubaidulina Inesh, student master's degree program
Astana International University (Nur-Sultan, Kazakhstan)

Scientific adviser: Eskazinova Zhanar Amantaevna, PhD, associate professor
Karaganda University named after E. A. Buketov (Kazakhstan)

The problem of language barrier is shown in this article. There are various definitions of this issue from different sources, types of language barrier and the ways of coping with it. The result of solving the language barrier problem while speaking foreign language is given in the end of the article.

Keywords: language barrier, foreign, problem, vocabulary, knowledge, language skills.

Пути преодоления языкового барьера

В данной статье рассматривается проблема языкового барьера у изучающих иностранный язык. Приводятся определения языкового барьера из разных источников, виды данной проблемы и способы ее преодоления. В завершении статьи подводится итог, результатом которого является пути решения преодоления языкового барьера при говорении на иностранном языке.

Have you had the problem of disability to speak or express your thoughts clearly in the target language? Haven't you been able to formulate a thought and convey it verbally despite the fact that you studied grammar, enriched your vocabulary, translated texts, wrote letters, watched movies, listened to music and understood the content for a long time? A lot of learners of foreign languages face the challenge of language barrier.

Language is the key to a person's self-identity. It enables the person to express emotions, share feelings, tell stories, and convey complex messages and knowledge. Language is our greatest mediator that allows us to relate and understand each other. It can be defined as a system of conceptual symbols that allows us to communicate. It also provides us with a significant frame of reference and a relational context that sustains our identities. [1]

Oxford dictionary defines it as a barrier to communication between people who are unable to speak a common language. Whereas Wiktionary gives definitions: a figurative phrase for the difficulties faced when people who have no language in common attempt to communicate with each other.

To overcome language barrier it is necessary to find out the reasons of its occurrence. There are two types of language barrier. They are linguistic and psychological. The linguistic aspect of the language barrier is associated with the application of theoretical knowledge in practice. You know grammar and vocabulary, but the mechanism for activating the necessary

memory cells in a particular situation has not yet been worked. You can perfectly do complex timing exercises, but get stuck trying to order a drink at the pub. Difficulties with the perception of native speakers in real time play a crucial role here. Even if you completed listening tasks in class, watched films and even listened to the news in the original, then communication with the same bartender will be complicated by many unusual factors, for example, the speaker's accent, tone and manner of speech, mood, eventually, the clatter of glasses in the background.

The psychological aspect of the language barrier is a reflection of our inner fears and diffidence. The very atypical situation of communicating with a foreigner in a foreign language makes a person feel uncomfortable. We are afraid of making a mistake, looking stupid, and also feeling embarrassed in front of the native speaker. There are some things that make us feel confused such as low tempo, pronunciation, incorrect stress. We are afraid of not being understood by our interlocutor, and our worst nightmare is to remain incomprehensible and start talking again. As a result, we feel like the dog: it understands everything, but it cannot say anything. The reasons for the psychological barrier are much deeper. It is based on a person's fear of making a mistake in a conversation with a native speaker and lack of confidence in their knowledge. Perhaps the fear of speaking with mistakes arises from improper teaching and the methodology chosen by the teacher. That is why it is necessary to take into account the psychological char-

acteristics of each student separately and find the right approach. Another possible reason for the psychological barrier is the absence of motivation. The lack of the need to speak and express one's thoughts is a very important obstacle to overcome the language barrier. [2]

Reasons for a language barrier:

1. Difficulty of memorizing rules, words and phrases. No language can be learned with a dictionary alone. Words cannot be learned without context, and expressions and idioms cannot be used universally.
2. Lack of speaking practice;
3. Fear of saying wrong;
4. Lack of active and necessary vocabulary;
5. The wrong approach to speaking (for example, the desire to literally translate a phrase into a foreign language);
6. Difficulty with pronunciation. [3]

How to deal with the language barrier?

It is easier to cope with the problem when you know about it. Forewarned is forearmed. Almost all learners face a language barrier. There are some advice which can help you!

Practice ahead of time.

Practice everyday situations before entering an English-speaking environment. Speak through typical dialogues such as «getting directions», «ordering at a cafe», «checking into a hotel». You should practice orally as in this way you will accurately record the necessary phrases and formulations in the mind, and, if necessary, remember them automatically. Preparing for the predictable makes dealing the unforeseen easier.

Allow yourself to be wrong.

Remember, you are not on the exam. Nobody will evaluate you, nothing depends on whether you express yourself correctly or not. Only the one who does nothing is not mistaken.

Don't be shy about your speech.

Imperfect knowledge of a foreign language is not a reason to be ashamed. Yes, now your grammar is not perfect, your pronunciation is lame, but this is a necessary step on the way to a higher level. The same goes for the accent: this is not a mistake, but just a feature of your speech. Your errors and hesitations will surely be treated favorably, moreover, they may not even pay attention to them at all. The other person is more likely to appreciate your enthusiasm, and help you through the conversation.

Repeat and ask again if necessary.

Do not give up on the situation if something goes wrong. Repeat your words loudly and clearly or reformulate if it is necessary. When the other person speaks too quickly, do not be embarrassed and ask him to speak more slowly — such requests are always treated with understanding.

Take advantage of the moment and appreciate it.

Remember that communication in the environment is a unique experience. The opportunity to speak with native speakers in a foreign language is not often provided and the practice is invaluable. The knowledge gained from personal experience will give a much more effective result than the theory from the textbook.

Get out of your comfort zone.

Challenge yourself to practice even more. Instead of silently poking a menu item in a cafe, try placing an order verbally. Use your navigator less and ask passers-by for directions more often. Initiate as much communication as possible, because communication practice is your main goal.

The linguistic language barrier can be solved by several ways:

— Learning the song.

This method helps to develop listening skills and memory. It also enriches your vocabulary and helps to keep up with the time. As modern songs introduce us new expressions and slang.

— Read aloud

To be confident in speaking you need to learn words and expressions, pronounce them not in a whisper, but clearly and loudly;

— Ask

If you are not sure of the correct meaning of the words be free to ask you to explain this or that word or phrase;

— Avoid the words that you do not understand

Otherwise it can lead you to a dead end at the end of the conversation;

— Train your listening skills by exercises

It is better to train with different accents.

— Translate everything you see

It is a good exercise to activate your passive vocabulary in the right moment.

A language barrier is the difficulty of expressing one's own thoughts or the difficulty of understanding a foreign language associated with fear or shame. While learning English it seems that everything is clear in the book: you freely read and translate texts, after thinking a little, make up sentences yourself, have a basic vocabulary. But as soon as you have to speak in real life for example, at customs, at the airport, in a foreign hotel, it seems as if you are paralyzed, and you cannot remember even the elementary words.

The most effective way to remove the language barrier is to communicate in English. It allows you to give maximum practice of all language skills and speech skills, to influence the emotional state, to call and encourage speaking.

References:

1. Imberti, 2007
2. Anna Kartashova, http://www.galau.com/ru/article/language_barrier_whatitisit
3. <https://easyspeak.ru/blog/sovety-i-sekrety/kak-preodolet-yazykovoj-barer-v-anglijskom>

Сказкотворчество как метод развития речи детей школьного возраста

Давлетова Светлана Шамилевна, преподаватель
Самарский политехнический колледж

Сказкотворчество — популярный метод, который используется психологами и преподавателями с детьми разного возраста. Этот метод помогает ребенку раскрыться как творцу и использовать багаж своих знаний (слов, образов, приемов, сюжетов и т. п.). Кроме того, ребенок действует в определенных этических рамках и рамках той культуры, которой он принадлежит.

Психологи отмечают, что сказка является средством встречи слушателя или читателя с самим собой: «что метафора, лежащая в основе сказки выступала не только «волшебным зеркалом» реального мира, но — в первую очередь — его собственного, скрытого, еще не осознанного внутреннего мира...» [7, с. 17]

Сказкотерапия помогает достичь следующих целей: разобраться человеку в мире своих внутренних переживаний, обеспечить контакт с самим собой и окружающими, не навязывая нравоучительных рекомендаций.

Любая сказка, по мнению психологов, выполняет три функции: диагностическую, терапевтическую и прогностическую.

Диагностическая сказка выявляет жизненные сценарии и стратегии поведения человека. Например, психолог предлагает сочинить сказку: «Сочини сказку о мальчишке пяти лет», затем он проводит анализ сказки и выявляет проблемные моменты в поведении на основе полученного текста. Диагностическая сказка может способствовать выявлению отношения или состояния человека, о которых он не хочет или не может говорить вслух.

Терапевтическая сказка — сказка, благодаря которой, собственно, происходят позитивные изменения в состоянии и поведении человека.

В источниках отмечается, что сказкотерапия — наиболее детский метод психотерапии, потому что «обращен к чистому детскому началу каждого человека. Через восприятие сказок мы воспитываем ребенка, развиваем его внутренний мир, лечим душу даем знания о законах жизни и способах появления творческой силы и смелости, а также помогает ему лучше узнать и понять самого себя». [7, с. 17]

Однако заниматься сказкотерапией самостоятельно без предварительной подготовки не стоит. Следует прочитать необходимую литературу по теме, так как сказкотерапия — интимный процесс.

Сочинение сказки — это интересная игра, в которую легко вовлечь ребенка. Сказка помогает решить какие-то моральные проблемы, которые всегда в конце разрешаются чудесным образом. Сказка способствует развитию воображения.

Изучая материал по методу сказкотворчества, мною найдено несколько вариантов составления текстов:

1. Работа с шаблонами
2. Принцип ассоциаций
3. Конструирование сказок по карточкам Проппа
4. «Сказочная карта»

Более подробно о каждом из вариантов.

Работа с шаблонами — самый простой способ сочинительства. Ребенок ориентируется на определенный шаблон, схему:

— **Время действия** (когда происходило /будет происходить событие?). Например: *давным-давно, в стародавние времена.*

— **Место действия** (где происходило /будет происходить событие?). Например, *в тридевятом царстве, на дне морском.*

— **Главный герой** (кто участвует в основных событиях?). Придумай **имя** герою, опиши его **внешность**, расскажи, какой он по **характеру**, что он **любит**, что ему **не нравится**...

— **Основной противник** (тот, с кем придётся сражаться, обыгрывать в состязании или победить в отгадывании загадок). Придумай ему **имя** и опиши его **внешность**.

— **Основное событие** (что произошло, чтобы главный герой и основной противник встретились?).

— **Помощники главного героя** (те, кто помогают герою справиться с проблемой, дают совет или волшебный предмет, приходят на помощь в сложной ситуации).

— **Помощники** могут быть и у основного **противника** (они **вредят герою**, мешают справиться с задачей, отвлекают).

— **Заключительное событие** (чем заканчивается сказка?). [4, с.17]

Возможен вариант более сжатого шаблона — *схематическая характеристика героев будущей сказки: главный герой — кто? — какой?; его помощник — кто? — какой?; волшебный предмет — что? — для чего? что умеет?; злодей — кто? — какой? и т. п.*

Принцип ассоциаций помогает ребенку быстро создать текст. Для этого сочинителю достаточно заполнить таблицу из трех столбиков по следующему алгоритму: в первый столбик ребенок записывает 5–7 слов-ассоциаций будущей сказки. Любые, первое, что придет в голову. Неважно, какой они будут части речи. Одно слово из этого столбика подчеркивается. Во второй столбик записываются синонимы к подчеркнутому слову. Из второго столбика тоже выделяется одно слово, к которому в третьем столбике сочинитель запишет антонимы. Завершающий этап — составить предложения с каждым словом таблицы. Этот способ требует внимательности и достаточного мастерства. Поэтому

не всегда сказка, написанная на ассоциациях, будет понятна и логична. Ребенок часто не думает о сюжете сказки, а увлечен составлением предложений [5, с.17].

Способ конструирования сказок по карточкам Проппа основан на учении об устойчивых функциях действующих лиц сказки. Так В. Я. Пропп [8, с. 17] в волшебной сказке выделял 31 функцию:

1. отлучка кого-либо из членов семьи,
2. запрет, обращенный к герою,
3. нарушение запрета,
4. выведывание,
5. выдача,
6. подвох,
7. невольное пособничество,
8. вредительство (или недостача),
9. посредничество,
10. начинающееся противодействие,
11. герой покидает дом,
12. даритель испытывает героя,
13. герой реагирует на действия будущего дарителя,
14. получение волшебного средства,
15. герой переносится, доставляется или приводится к месту нахождения предмета поисков,
16. герой и антагонист вступают в борьбу,
17. героя метят,
18. антагонист побежден,
19. беда или недостача ликвидируется,
20. возвращение героя,
21. герой подвергается преследованиям,
22. герой спасается от преследования,
23. герой неузнанным прибывает домой или в другую страну,
24. ложный герой предъявляет необоснованные притязания,
25. герою предлагается трудная задача,
26. задача решается,
27. героя узнают,
28. ложный герой или антагонист изобличается,
29. герою дается новый облик,
30. враг наказывается,
31. герой вступает в брак.

Литература:

1. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки. / А. Н. Афанасьев. — М.: Альфа-Книга, 2008. — 1087 с.
2. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] / Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов. — М., 2005 — Режим доступа: <http://www.gramma.ru/LIT/?id=3.0>, свободный. — Загл. с экрана.
3. Бикбаева, Г. П. Сочинение сказок по картам Проппа. Конспект занятия в детском саду [Электронный ресурс] / Г. П. Бикбаева — Режим доступа: <http://50ds.ru/vospitatel/8896-sochinenie-skazok-po-kartam-proppa.html>, свободный. — Загл. с экрана.
4. Вдовиченко, Н. Конспект непосредственно-образовательной деятельности «Что за прелесть эти сказки!» [Электронный ресурс] / Н. Вдовиченко — Режим доступа: <http://www.maaam.ru/detskijasad/konspekt-neposredstvenno-obrazovatelnoi-deyatelnosti-cto-za-prelest-yeti-skazki.html>, свободный. — Загл. с экрана.
5. Кашина, А. Как сочинить сказку [Электронный ресурс] / А. Кашина. — Режим доступа: <http://www.4kiddy.com/ru/education/how-to-compose-a-story#.UZ0W39Mpkrs>, свободный. — Загл. с экрана.

Многие исследователи заметили, что сказочные сюжеты «дублируются», кочуют из одного произведения в другое. В классификации А. Н. Афанасьева выделяются бытовые, волшебные и сказки о животных [1, с. 17]. Пропп предлагал изучать сказки не по сюжетам, а по мотивам:

1. причина, заставляющая героя действовать (выгнали из дома, заставили что-либо найти),
2. появление цели,
3. обнаружение предмета и помощи в поиске,
4. стремление перехитрить врага,
5. бегство и погоня,
6. содействие чудесных помощников и предметов,
7. битва с врагом,
8. победа и наказание,
9. торжество героя.

Мотивы выписываются или зарисовываются на отдельные листы-карты. Ребёнок рассказывает свою историю, «переходя» от мотива к мотиву, и добавляет в повествование «обстоятельства», выпавшие случайным образом на карточке.

«Сказочная карта» — увлекательная игра для детей дошкольного и младшего школьного возраста. На игровое поле наносятся знакомые ребенку объекты. [5, с.17] Следуя по маршруту, сочинитель-игрок будет получать каждый раз новую историю.

Сказка — не просто жанр устного народного творчества. Сказка помогает человеку организовать психику, увидеть себя в этом огромном мире, разобраться в скрытых проблемах. Именно в сказках ребенок видит пример того, как могут выстраиваться отношения между людьми.

Сказкотворчество — увлекательный игровой процесс по созданию текстов и развитию речи у детей. Существует несколько способов сочинительства сказок: от работы по шаблонам до выдумывания на игровом поле по картам-конструкторам.

Сказкотворчество — это метод развития речи школьников. Он позволяет расширять кругозор, пополнять словарный запас, стилизовать тексты под народную сказку, развивать творческие способности ребенка.

6. Кудрявцев, В. Т. О смысле детского словотворчества / В. Т. Кудрявцев // Детский сад от А до Я. — 2005. — № 2. — с. 142.
7. Пономарева, В. Что такое сказкотерапия? [Электронный ресурс] / В. Пономарева — Режим доступа: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-4670/>, свободный. — Загл. с экрана.
8. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. — 368 с.

Аспекты нравственного и патриотического воспитания молодежи

Ибрагимова Айшат Магомедовна, магистр
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Воспитание подрастающего поколения — это сложная и важная деятельность, обязанность по осуществлению которой возлагается на взрослых. Нравственность и патриотизм — это составляющие правильного, законопослушного воспитания, ориентированного на формирование граждан, которые воспринимают нормы поведения в обществе.

Поколениям среднего и старшего возраста не помешало бы узнать, что собой представляет военно-патриотическое воспитание. Когда-то начальная военная подготовка была обязательной учебной дисциплиной, которую преподавали в школе. Каждый школьник обязан был получить знания о том, как действовать в условиях внезапного нападения, газовой атаки, вооруженного конфликта либо ядерной атаки.

Однако на смену социалистическому строю, когда практически закрытая от всего мира Россия настраивалась на возможность повторения ужасов Второй мировой войны и готовилась к их преодолению, пришел условно-капиталистический строй. Все идеалы и приоритеты отошли на второй план и были забыты на фоне всеобщей разрухи и обнищания.

Тяжелые девяностые годы прошлого столетия завершились, и в России наступил период относительной финансовой стабильности. Законодательство России изменилось радикально, многие вопросы стали регулироваться с новой точки зрения. Однако и до настоящего времени патриотическое воспитание ассоциируется с военно-патриотическим, что, возможно, обусловлено особенностями нормативной регламентации правоотношений в обществе.

В основном законе нашего государства как одном из главных постулатов его существования закреплено, что защита Отечества — это долг и обязанность граждан России (статья 59 Конституции Российской Федерации)^[1]. Военно-патриотическое воспитание, согласно статье 11 федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» входит в комплекс мероприятий по подготовке гражданина к прохождению военной службы [2].

Военно-патриотическое воспитание преследует две цели. Первая — это воспитание у молодых людей морально-психологических качеств, необходимых им как

защитникам Отечества, способным защитить интересы государства и общества. Вторая — это развитие нравственно-волевых качеств, таких как твердость характера, ответственность за свои поступки, законопослушность, трудолюбие, решительность.

При этом исследуемый вид воспитания направлен на формирование и развитие именно патриотизма.

В последние несколько лет ситуация на международной арене стала меняться, и Россия вновь находится в условиях, когда капиталистические страны, используя имеющиеся у них ресурсы, пытаются воздействовать на принимаемые руководством нашего государства решения, создавая условия некой изоляции. Как следствие вопрос о военно-патриотическом воспитании вновь становится актуальным. Возродились нормы ГТО, аббревиатура которого расшифровывается как «Готов к труду и обороне». Сдача данных норм раньше была неотъемлемым элементом военно-патриотического воспитания молодежи. В настоящее время нормы ГТО не являются обязательными, но подготовка к их сдаче приветствуется, хотя акцент при этом делается уже на здоровом образе жизни.

В итоге достаточно сложно ответить на вопрос о необходимости военно-патриотической подготовки молодежи, если цель ее — обучение навыкам военного мастерства для обороны от некоего пока условного противника. Кроме того, важным является вопрос о том, нужна ли военно-патриотическая подготовка девушкам, которые ранее ее проходили как потенциальные медицинские сестры, готовые в условиях войны оказывать помощь раненым.

Представляется, что однозначного ответа на данный вопрос нет, поскольку доводов в пользу необходимости военно-патриотического воспитания и в пользу признания его неким атавизмом советского прошлого может быть много.

Военно-патриотическое воспитание, ориентированное на уважение к государству, подданство которого присутствует у гражданина, может быть использовано для преодоления сложной ситуации в обществе, поскольку, как уже было отмечено выше, основной его целью является воспитание любви к Родине.

Вместе с тем военно-патриотическое воспитание, как следует из его наименования, имеет два аспекта — патриотизм и получение военных навыков. Вторая составляющая в условиях политики мягкой силы, проводимой нашим государством, не может совсем исчезнуть, но не должна быть приоритетной.

Представляется, что патриотизм не стоит воспринимать как восхваление собственных ценностей на фоне отрицания ценностей иных стран и народов. Он также не должен предполагать отрицания собственной ценности на фоне признания приоритетными интересов государства, как это было в советский период времени.

Патриотизм правильнее будет рассматривать как возможность сохранения истории и культуры собственной страны. Подобный подход к воспитанию патриотов не предполагает возвращения к идеологии советских времен, когда все личное воспринималось как нечто негативное, когда люди были обязаны отказываться от всех бытовых ценностей, провозглашаемых «мещанскими».

Необходимость уважения чужих воззрений, ценностей и приоритетов также важна. Воспитание у молодежи подобного подхода к осуществлению взаимодействия, как с гражданами своей страны, так и с иностранными гражданами будет способствовать повышению уровня культуры.

Молодежь должна понимать, что не существует единого образца поведения, единой, идеальной нормы, что все происходящее следует анализировать и исследовать,

не занимая при этом крайних, максималистских позиций.

Кроме того, патриотизм, как верно отметил Н. И. Шестов, должен исключать возможность воспитания в молодежи крайних воззрений на ценности нации и Отечества, как позволяющих диктовать свою волю остальному миру. [3, с. 187].

Патриотизм должен формировать в неразрывной связи с нравственностью. Нравственность нужна и важна во всех аспектах и во всех сферах деятельности человека. Безнравственные поступки зачастую являются одновременно и противоправными, что нельзя упускать из внимания при осуществлении воспитания.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что необходимость осуществления нравственного и патриотического воспитания присутствует.

Патриотическое воспитание может осуществляться как самостоятельно, так и в тесной взаимосвязи с военно-патриотическим воспитанием.

При осуществлении нравственного и патриотического воспитания целесообразно акцентировать внимание на уважении и любви к своему Отечеству, признании ценностей иных государств и народов. Прививание детям и молодежи подобного восприятия мира и человечества позволит им выстраивать взаимоотношения в родной стране и вне ее пределов на условиях взаимоуважения, признания равенства и паритета.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (ред. от 01.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. — 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (ред. от 26.05.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 13. — Ст. 1475.
3. Шестов, Н. И. Мифологическое и фактическое в технологии патриотического воспитания // Известия Саратовского университета. — 2017. — № 2. — с. 185–190.

Формирование дружеских отношений среди дошкольников

Коцербина Лидия Викторовна, педагог-психолог;
Парфенова Светлана Владимировна, воспитатель
МБДОУ детский сад комбинированного вида № 47 г. Белгорода

Часто и родители, и педагоги дошкольных образовательных учреждений наблюдают конфликты между детьми. Эти проблемы становятся следствием трудностей, которые дошкольники испытывают при общении с ровесниками. Детям сложно находить общие интересы с одноклассниками, тяжело устанавливать контакты и поддерживать их. Непростые взаимоотношения среди воспитанников детского сада приводят к невозможности вызывать и испытывать эмпатию. Детский психолог М. И. Лисина отмечала, что «доброжелательное

отношение к ребенку со стороны товарищей, проникнутое сочувствием и сопереживанием, возможность поделиться с ними своими радостями и огорчениями, надежда на то, что они в трудную минуту помогут, делает человека жизнерадостным, счастливым, создает оптимистическое настроение» [3, с. 126]. Поэтому важной и одной из самых актуальных задач для педагога-психолога в нашем детском саду является создание дружного коллектива и поддержание добрых отношений среди дошкольников.

Известно, что в раннем детском возрасте закладываются фундамент будущих взаимоотношений. Важным инструментом в успешном формировании дружеских взаимоотношений является игра. Для детей-дошкольников именно игровая деятельность наиболее естественный способ познания мира.

Для становления навыков социального поведения, укрепления дружеских отношений между детьми, становления чувства сопереживания и радости друг за друга в нашем детском саду педагогом-психологом и воспитателями разработан комплекс игр для детей среднего и старшего дошкольного возраста: «Ты и я — мы с тобой друзья!»

При системном использовании таких игр у малышей должно сформироваться чувство доверия к коллективу, позитивное отношение к окружающим, и в то же время повыситься уверенность в себе. В ходе игр решаются важные задачи развития навыков социального поведения, накопления опыта взаимодействия с окружающими, поддержания интереса к общению.

В нашем ДОО комплекс игр «Ты и Я, мы с тобой друзья!» включает в себя следующую схему проведения развивающих занятий: 6 встреч (по 1 встрече в неделю), длительность встречи 20–30 минут. Занятия проводятся в средних, старших и подготовительных группах общим количеством участников до 25 человек.

Каждое занятие проходит по единому алгоритму и имеет целостную структуру:

- Приветствие — обязательное правило наших встреч. Этот ритуал с первых минут позволяет детям почувствовать дружескую атмосферу, вызывает доверие между участниками, сплочивает детей.

- Сказка — способ пробудить интерес дошкольников к теме занятия, одновременно пробуждая мыслительные процессы и освобождая знания по заданной теме.

- Основная часть заключается в выполнении практических заданий в форме игр. В ходе этих игровых упражнений дети учатся искать пути решения проблем, которые закрепляются на эмоциональном и рациональном уровне сознания. Результатом каждого упражнения может быть рисунок, сказка, диалог.

- Анализ мероприятия и оценка своих чувств после него. Подведение итогов должно дать ответ на вопросы: понравилось или нет, что понял и осознал ребенок после занятия.

Программа, разработанная нашими специалистами, призвана улучшить отношения и взаимодействия между детьми в группе ДОО. Занятия направлены на привлечение внимания ребенка к другому человеку: не только к внешности, движениям, играм, но и к эмоциям, поступкам. В ходе игры дети учатся обращать внимание на настроение своих сверстников и пытаются помочь в реальном взаимодействии. Совместная деятельность важна для формирования и развития дружеских взаимоотношений. Педагоги направляют детей в сторону пробуждения интереса к разным проявлениям в личности другого человека. Обращается внимание на внешние данные ребенка, затем от-

мечаются положительные личные качества, умения и достижения. При создании позитивного образа сверстника ребенку проще проявить дружелюбие, вступить в разговор, оказать помощь.

Для решения этих задач используются игры, где ребенок мягко направляется на определение качеств своего одноклассника («Фоторобот», «Угадай, кто?» «Опиши друга»). Дети учатся находить и формулировать для себя и других внешние черты, умения, увлечения, настроение. Например, одна девочка в нашей группе любит ходить в платьях, обожает кошек, хорошо рисует — кто это? Ребята по описанию должны угадать своего одноклассника.

Кроме игр на определение качеств, используются игры по культуре поведения и общения. Такая деятельность учит детей быть вежливыми, чуткими и доброжелательными. Конфликты неизбежно возникают в коллективе, где дошкольники не могут проявить внимание к проблемам других, не умеют вежливо разговаривать, реагировать на чужие эмоции. Нами придуманы такие игровые задания как «Не будем грубыми!», «Доброе слово», «Краски», «Не хочу быть равнодушным».

В программу по формированию добрых дружеских взаимоотношений также были добавлены авторские игры В. М. Холмогоровой. В ходе этих игр создаются ситуации, где ребенок проявляет свою взаимопомощь, эмпатию, участие не просто в ходе выдуманной ситуации, но и в условиях реальной жизни. Например, помочь воспитателю накрыть на стол, собрать игрушки. Такие игры неизменно вызывают у детей неподдельные эмоции и оживленную реакцию.

Особенно нравится детям игра «Шляпа волшебника».

Для этой игры нужно приготовить шляпу и разноцветные карточки. Детей рассаживаем в круг, каждый получает по три карточки. Ведущий говорит: «Есть на свете добрый волшебник, он может лечить больных детей. Когда ребенок плохо себя чувствует, прилетает наш волшебник, надевает ему на голову свою шляпу, и малыш сразу выздоравливает. Но волшебник этот — невидимый. К вам наверняка он тоже прилетал, но вы его не замечали. Только волшебник очень рассеянный и часто теряет свои вещи. Вот и сейчас уже второй день ищет свою шляпу. А она, оказывается, у нас с вами (показываем шляпу детям). Нужно срочно вернуть шляпу нашему волшебнику, чтобы он мог лечить всех больных деток. Есть один способ. Нужно заполнить шляпу разноцветными карточками, которые у вас в руках. Волшебник будет пролетать мимо и обязательно заметит ее. Но карточки в шляпу нужно не просто покидать просто так. Чтобы волшебная сила шляпы не пропала, каждый из нас должен помочь другому в чем-то и только потом положить карточку. Тогда волшебник найдет свою шляпу и продолжит лечить детей»

В течение дня дети помогают друг другу и складывают свои карточки в шляпу. Педагоги ненавязчиво напоминают, что к концу дня нужно вернуть шляпу волшебнику. Вечером наполненную карточками шляпу торжественно

ставят на подоконник, и, конечно, волшебник ночью ее находит.

Итак, педагог ДОУ должен осознавать, что детский сад — это место, где формируется умение ребенка выстра-

ивать дружеские взаимоотношения на всю жизнь. Ключевая роль воспитателей, психолога — научить детей дружить, быть чутким к проблемам других, ценить поддержку и внимание, уметь здраво оценивать свои поступки.

Литература:

1. Бабаева, Т. И., Римашевская Л. С. Как развивать взаимоотношения и сотрудничество дошкольников в детском саду. Игровые ситуации, игры, этюды: учеб.-метод. пособие. — СПб.: ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСТВО-ПРЕСС», 2012. — 224 с.
2. Лисина, М. И. Общение, личность и психика ребенка / Под ред. Рузской А. Г. — М.: Моск. психолого-социальный ин-т, 2011. — 384 с.
3. Смирнова, Е. О. Межличностные отношения дошкольников [Текст] / Е. О. Смирнова, В. М. Холмогорова. — М.: ВЛАДОС, 2005.

Частичные результаты социологических исследований о необходимости развития надпрофессиональных навыков в условиях профессиональной подготовки курсантов военных вузов

Овчаренко Марина Сергеевна, кандидат технических наук, доцент

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева (г. Санкт-Петербург)

В статье приводятся частичные результаты социологических исследований среди курсантов о важности приобретения и развития современных надпрофессиональных навыков, а также намеченные пути для дальнейших исследований по поиску новых подходов по развитию надпрофессиональных навыков курсанта в современных условиях.

Ключевые слова: высшее военное образование, компетенции, умения, знания, навыки, *hard skills, soft skills, digital skills*.

В современных условиях неоспоримы завышенные требования к военным учебным заведениям при профессиональной подготовке офицерских кадров нашей страны [1]. Безусловно, это связано с появлением инновационных технологий, способствующих созданию новейших образцов вооружения, военной и специальной техники, обладающих ранее недостижимыми характеристиками, а также новыми рисками и угрозами «кибермира», когда все больше объектов реального мира управляются при помощи компьютеров, программного обеспечения и сети Интернет, которые быстро становятся проблемами безопасности страны.

Сегодня, как никогда необходимо в образовательном процессе при подготовке курсантов постоянное упреждение, опережение и наращивание военно-профессиональных знаний, умений и навыков и развития личных качеств курсантов военных вузов страны [1, 2, 4, 6].

В настоящее время одним из трендов в профессиональной сфере динамичного меняющегося мира стали термины *hard skills, soft skills, digital skills* [3, 5]. Несмотря на то, что термины *hard* и *soft skills* берут начало именно в военном деле, а именно, армия США ещё в 1959 году при подготовке военнослужащих научно обосновала важность не только профессиональных навыков, но и *soft skills* военнослужащих. Сегодня в эпоху глобальной мировой циф-

ровизации эти термины имеют достаточную повсеместную популярность, дополнены понятием «навыки *digital skills*», и в целом, стали неотъемлемой составляющей мирового рынка труда в самых разных областях [3, 5].

Таким образом, проблематика понимания необходимости развития современных универсальных надпрофессиональных навыков в условиях профессиональной подготовки курсантов высших военных вузов является актуальной.

Обобщая, изученные материалы, можно сделать вывод, что навыки *hard skills* — «жесткие» профессиональные навыки, которым можно научить и которые можно оценить (проверить, измерить); *soft skills* — «мягкие» надпрофессиональные навыки, важные для любой карьеры, способствующие повышению эффективности работы, нахождению оптимальных решений в широком спектре задач, проявление которых сложно отследить, проверить и наглядно продемонстрировать; навыки *digital skills* — это новейшие цифровые навыки, необходимые для успешной работы (службы) в эпоху глобальной цифровой трансформации и в эпоху данных [5, 7].

Кроме этого, большинство ученых утверждают, что профессиональный успех любой личности только на 15 % зависит от жестких, узкопрофессиональных навыков и на 85 % определяется мягкими, связанными с эффек-

тивной ориентацией в различных областях и видах деятельности [3, 5].

Таким образом, сегодня нет сомнений в актуальности выбранного направления исследования и поиска новых подходов в развитии надпрофессиональных навыков будущего офицерского состава в стенах высших военных учебных заведений.

В ходе настоящих исследований изучались: состав, важность, предпочтения и технологии развития надпро-

фессиональных навыков в условиях профессиональной подготовки курсантов.

Выявление уровня сформированности soft skills, digital skills у курсантов, их важности, стремления к их развитию и саморазвитию, возможности реализовать свой потенциал, проводилось анкетирование курсантов Военного института (инженерно-технического), по специально разработанной структурированной анкете, представленной на рис. 1.

АНКЕТА
о важности навыков "Soft skills"
в развитии профессиональной карьеры военнослужащего

Для справки:
Soft skills – надпрофессиональные (личностные) навыки, применение которых сложно отследить, проверить и наглядно продемонстрировать. К Soft skills относятся навыки по коммуникациям, работе в команде, управлению временем, менеджменту, проведению презентаций, лидерству, личному развитию, самомотивации, а также научно-исследовательским и проектные навыки.
Это навыки, которые позволяют находить оптимальные решения в широком спектре задач, они не описаны в инструкции. Именно эти навыки в наибольшей степени определяют успех в профессиональной деятельности.

Ваш курс обучения?

1. Занимаетесь ли вы саморазвитием или дополнительным обучением?
а) Да, регулярно б) Да, но с переменным успехом в) Только когда это действительно нужно г) Нет

2. Если на 1 вопрос вы ответили утвердительно, что именно вы используете?
(отметьте 1 или несколько вариантов)
а) Самообразование с дополнительной литературой г) Самообразование с использованием Интернет (электронные ресурсы, онлайн курсы, вебинары и т.п.)
б) Изучение опыта других офицеров
в) Практическое применение знаний и навыков в служебной деятельности

3. К какому уровню развития Вы бы отнесли свои профессиональные навыки?
а) Начальный б) Развивающийся в) Средний г) Профессионал

4. У Вас есть представление о целях своего развития и конкретный план развития?
а) Да б) Нет в) Затрудняюсь ответить

5. Какие навыки Вы считаете ВАЖНЫМИ для реализации себя как профессионала в своём деле? (выберите не менее 5-ти ответов)
а) Коммуникативные навыки д) Адаптивность
б) Креативность л) Исследовательские навыки
в) Аналитическое мышление м) Математические навыки
г) Критическое мышление н) Командная работа

8. Есть у вас возможность реализовать свои навыки и потребности в повышении профессионального потенциала на практике?
а) Да б) Да, но редко в) Нет г) Нет

9. Если на 8 вопрос был дан утвердительный ответ, напишите какие именно возможности:
а) Участие в конференциях д) Научно-исследовательская деятельность
б) Проектная деятельность е) Дополнительное образование
в) Проведение производственной практики ж) Командная работа
г) Участие в работе ВНОК

10. Какими мягкими навыками Вы обладаете /не обладаете на данный момент?
Поставьте галочку напротив пункта а) (+) б) (-) в) (+) г) (-)
а) Коммуникативные навыки б) Креативность в) Адаптивность г) Исследовательские навыки
а) Аналитическое мышление б) Критическое мышление в) Математические навыки г) Командная работа
а) Гибкость б) Суждение и принятие решений в) Навыки работы в информационной среде (цифровая среда Интернет)
а) Самоконтроль б) Самоконтроль

11. Какие мягкие навыки могут быть сформированы только в военном вузе?
а) Коммуникативные навыки б) Креативность в) Адаптивность г) Исследовательские навыки
а) Аналитическое мышление б) Критическое мышление в) Математические навыки г) Командная работа
а) Гибкость б) Суждение и принятие решений в) Навыки работы в информационной среде (цифровая среда Интернет)
а) Самоконтроль б) Самоконтроль

12. Какими способами Вы бы хотели развивать свои мягкие навыки в военном вузе?
а) Участие в конференциях б) Проектная деятельность в) Практика международного обмена
а) Участие в тренингах б) Дополнительное образование г) Командная работа
а) Участие в деятельности общественных организаций в) Другие

13. Какие технологии и приемы используют Ваши преподаватели при обучении?
а) Дискуссии б) Кей-спиды в) Работа малыми группами
а) Дебаты б) Дебаты

Рис. 1. Фрагмент разработанной анкеты о важности развития на современном этапе надпрофессиональных навыков в карьере военнослужащего

Частичные результаты анкетирования представлены на рисунках 2–4.

В анкетировании приняли участие 67 курсантов.

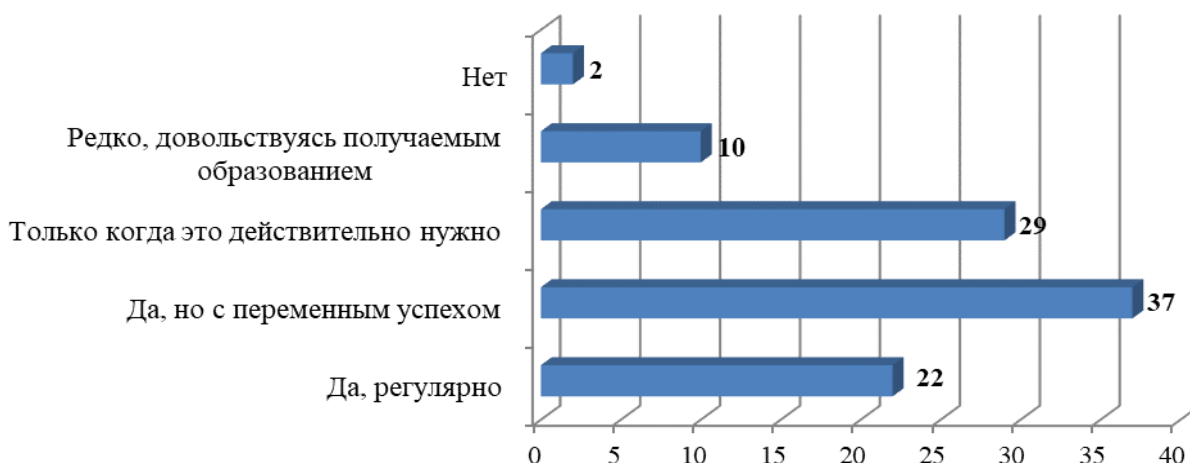

Рис. 2. Результаты анкетирования курсантов по вопросу «Занимаетесь ли Вы саморазвитием или дополнительным обучением?»

По общей тенденции диаграммы (рис. 2) видно, что только 22 % курсантов, более склонны к саморазвитию и дополнительному обучению, 29 % прибегают к дополнительному обучению только в случае острой необходимости.

Наиболее важным в ходе исследования явился ответ на вопрос: «Какие навыки Вы считаете важными для реализации себя как профессионала в своём деле?». Можно

констатировать, что курсанты действительно понимают важность навыков soft skills, так как (рис. 3) более 50 % курсантов отметили эти навыки востребованными.

Кроме этого, в ходе анкетирования установлено, что курсанты при появлении возможности предпочитают приобретать новые знания при помощи (электронных ресурсов) в сети Интернет — около 80 %, около 50 % кур-

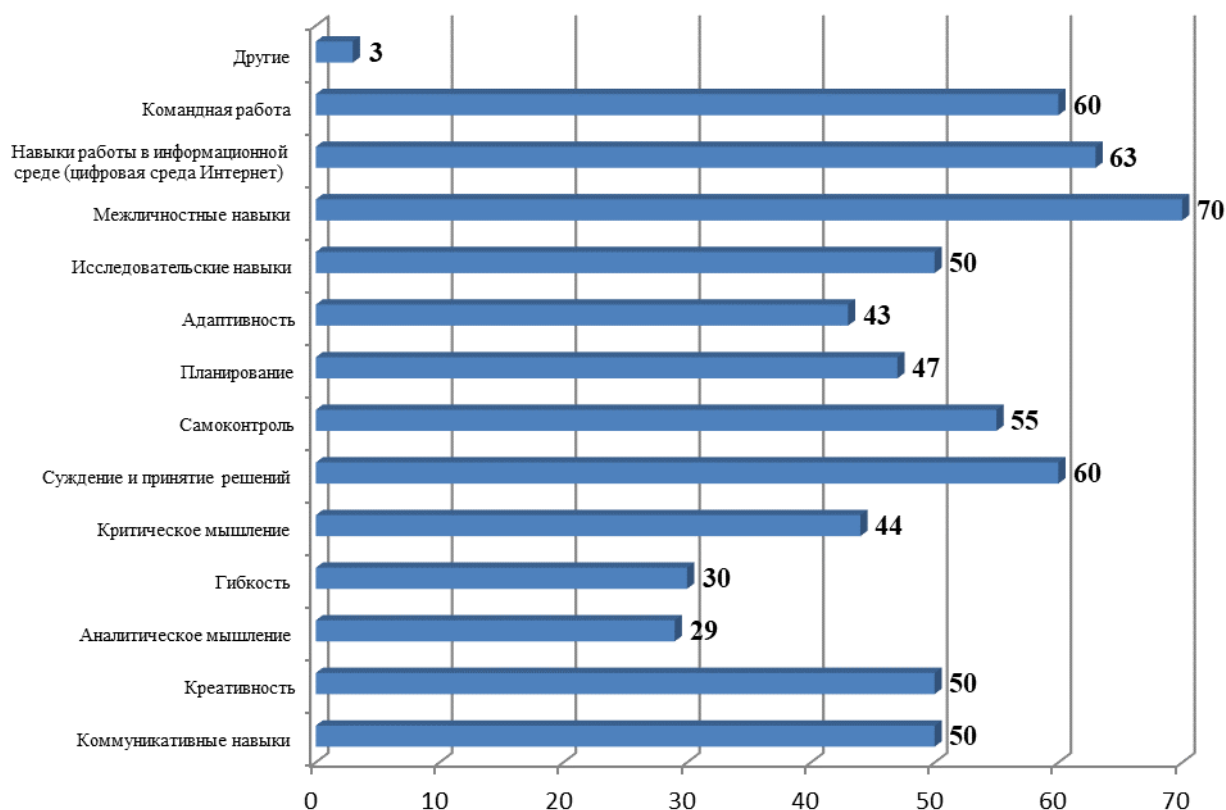

Рис. 3. Результаты анкетирования курсантов по вопросу «Какие навыки soft skills Вы считаете важными для реализации себя как профессионала в своем деле?»

сантов используют дополнительную литературу, равный процент респондентов (38,8 %) применяют свои знания на практике, изучают опыт других специалистов и самообучаются при помощи контактной среды Интернет (online-курсы, мастер-классы, видеоконференции), и самый малый процент — 26,9 % — посещают дополнительные учено-методические мероприятия на базе института.

Особый интерес в ходе исследования представили результаты ответов на вопрос: «Какими способами Вы бы хотели развивать свои навыки?» который и раскрывает сущность вопроса, какими именно педагогическими технологиями курсанты предпочитают развивать навыки soft skills на современном этапе.

Рис. 4. Результаты анкетирования курсантов по вопросу «Какими способами Вы бы хотели развивать свои мягкие навыки в военном вузе?»

Курсанты выбрали такие способы развития своих мягких навыков, обучаясь в военном вузе (рис. 3), как ко-

мандная работа, используя технологию обучения в сотрудничестве; традиционные технологии в процессе

обучения; онлайн обучение (информационно-коммуникационные технологии); участие в тренингах (создание предметно-развивающей среды); участие в конференциях (технология исследовательской деятельности) и проектную деятельность.

Полученные и частично представленные данные в рамках статьи говорят о том, что курсанты, осознают важность и приоритетность развития soft skills и digital skills, проявляют заинтересованность в возможностях саморазвития и получения новых знаний, предпочитают

сочетать современные и традиционные педагогические технологии. Но наряду с этим, ограничены особенностями протекания учебного процесса в военно-учебных заведениях очень строгой регламентацией всего образовательного процесса.

Таким образом, возникает необходимость поиска новых педагогических технологий и подходов в образовательном процессе и их апробацией по развитию надпрофессиональных навыков курсанта в современных условиях.

Литература:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ 02.07.2021 г. № 400) [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 20.08.2021).
2. О роли военного образования в условиях перевооружения [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://ria.ru/20161123/1481978829.html>. (дата обращения: 25.06.2021).
3. Официальный сайт Марафона Новое знание [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://marathon.znaniyruussia.ru/#about>. (дата обращения: 22.05.2021).
4. Овчаренко, М. С. О подходах к решению проблемы подготовки военных специалистов // Trends in the world of science. Сб. науч. тр. по материалам III Межд. научно-практ. конф. МНИЦ «Наукофера». Смоленск, 2019. — с. 7–11.
5. Навыки 21 века. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://akadem.irooo.ru/navyki-xxi-veka>. (дата обращения: 19.08.2021).
6. Чечева, Н. А. Развитие soft skills у курсантов в процессе обучения иностранному языку. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvi> (дата обращения: 12.08.2021).
7. Овчаренко, М. С. Об актуальности развития soft skills у курсантов военных вузов на современном этапе // Молодой ученый (№ 26 (368), июнь 2021 г.) ISSN 2072–0297, — с. 404–406.

Участие дошкольников в проектировании внутренней среды ДОУ с использованием технологий виртуальной реальности

Симонова Алиса Дмитриевна, воспитатель
МБДОУ Детский сад № 19 «Антошка» г. Белгорода

Богданова Юлия Евгеньевна, воспитатель;
Серикова Ольга Алексеевна, воспитатель
МБДОУ детский сад общеразвивающего вида № 28 г. Белгорода

Среда детского сада — это место, где дети проводят свои самые познавательные годы. Дизайн детского сада в последнее десятилетие претерпел ряд изменений в связи с трансформацией архитектуры и педагогики, появилось много подходов к проектированию здания детского сада. Свое видение здания детского сада есть у психологов, педагогов архитекторов, однако вопрос о том, каким видят свой детский сад будущие его воспитанники, остается открытым. В данном разрезе достаточно большой интерес представляют виртуальные проекты здания детского сада, в которых дети принимают самое живое участие. Данный вид работы способствует не только развитию у детей творческих и проектных навыков, но и повышает уровень виртуального взаимодействия педагога с детьми.

Ключевые слова: виртуальное взаимодействие, проектный подход в дошкольной педагогике, здание детского сада, проектирование, дети дошкольного возраста.

Физическая среда играет важную роль в обучении, мышлении, чувствах и поведении детей, особенно в первые годы их жизни, она связана с когнитивным, со-

циальным и эмоциональным развитием детей. Детские сады — это одна из самых важных сред, где дети проводят свое время. Это место, которое представляет собой

«остров переживания», на котором обогащается внутренний мир детей. Успешность влияния развивающей среды детского сада зависит от своевременного ее изменения в соответствии с возрастными особенностями воспитанников [3].

Развивающая среда детского сада должны быть включена в непрерывный процесс проектирования, потому что здание растет бок о бок с детьми, и в идеале детское игровое пространство никогда не может быть закончено, оно должно находиться в постоянном состоянии изменений, потому что дети быстро растут, в связи с чем растут и их потребности и эстетические предпочтения.

Исследователи отмечают, что при проектировании развивающей среды ДОУ необходимо учитывать мнения детей, которые будут проводить там длительное время. Дети и взрослые имеют разный взгляд на мир, как правило, здания проектируются взрослыми, однако большинство из них используются детьми.

Когда взрослые проектируют здания, они обычно в первую очередь учитывают такие факторы, как энергосбережение, эстетика и экономия. Однако детский опыт и предпочтения чаще всего учитываются не в полном объеме.

Дети должны восприниматься как участники процесса принятия решений. Если ранее дошкольники воспринимались только как объекты исследования и считались некомпетентными в области дизайна группы детского сада, то в настоящее время дети рассматриваются как социальные акторы, которые являются «экспертами» своей собственной жизни [4].

Общие методы, используемые в исследовании с детьми, можно разделить на два основных типа: визуальные и структурированные, структурированные методы включают в себя некоторые методы, которые могут быть представлены в вербальных и не вербальных отчетах. Хотя в некоторых исследованиях некоторые дополнительные методы могут быть использованы для получения лучших результатов, эти методы являются так называемыми визуальными методами. Структурированные методы — это опросы, интервью, анкетирование и инструментальный, в то время как визуальные методы — это наблюдение, использование камеры, детские рисунки и воплощенный режим.

Наиболее интересным приемом при работе по проектированию внутренней среды детского сада при участии детей выступает использование возможностей виртуальной реальности. Виртуальная реальность имеет много преимуществ во многих областях, таких как развлечения, архитектура, метрология, военное дело, производство, медицина, обучение и многие другие области [1].

Понимание виртуальной реальности было основано на человекоцентрическом определении, где оно представляло собой среду, состоящую из интерактивных компьютерных симуляций, в такой среде позиции и действия пользователя или участника воспринимаются для того, чтобы заменить или усилить обратную связь с одним или несколькими чувствами, такой подход дает ощущение

ментального погружения в симуляцию или виртуальный мир.

Все вышесказанное подтверждает три наиболее важных свойства виртуальной реальности — погружение, взаимодействие и воображение. Виртуальная реальность различается множеством устройств ввода и вывода, которые обеспечивают двунаправленный информационный поток между пользователем и виртуальным миром. Виртуальная среда характеризуется как иммерсивная с технологической точки зрения, если она обеспечивает стереоскопическое представление объектов в реальном размере.

Наиболее распространенным использованием виртуальной реальности в архитектуре было расширение опыта работы с несуществующей пока структурой здания. В последнее время виртуальная реальность широко используется в дизайне для визуализации различных проектных решений по одной важной причине: гораздо проще и дешевле оценить форму и дизайн в виртуальной среде, а не строить или модифицировать физическую модель [3].

Для полного погружения детей виртуальную реальность с целью ощущения ими себя частью виртуального пространства примеряется такая технология автоматической виртуальной среды, как «CAVE» (Пещера). Сама «Пещера» имеет форму куба, боковые стены которой состоят из задних проекционных экранов, в то время как пол состоит из нижнего или заднего проекционного экрана. Проецирование сцен в этой конкретной установке гарантирует более захватывающую среду, отбрасывая тени участника позади него. «Пещера» все чаще используется и исследуется во многих проектах и прикладных областях, применяется в военных и учебных приложениях, образовании, медицине, научных визуализациях и многих других областях человеческой деятельности.

Первый пример использования пещеры с детьми был в качестве образовательного инструмента в проекте NICE, NICE — это система виртуальной реальности, которая использует «Пещеру», чтобы позволить детям строить и взаимодействовать с виртуальными экосистемами таким образом, чтобы дать им возможность создавать истории в соответствии с их опытом взаимодействия. Вторым примером выступил исследовательский проект для создания иммерсивной виртуальной реальности решение, которое улучшает социально-коммуникативные навыки детей.

В одном из детских садов Германии был проведен эксперимент по проектированию дизайна здания детского сада при участии детей с использованием указанной выше технологии виртуальной «Пещеры». Результаты эксперимента были следующие [5].

Дети были полностью погружены в виртуальную среду и взаимодействовали позитивно, это было очевидно во многих отношениях, они смотрели на дисплей с полным вниманием, затем они начинали показывать пальцами и двигали свои тела вперед к экрану, они несколько раз касались визуальных изображений на экране, прыгали и ставили рассвет на траву, проецируемую на экран пола,

кроме того, они использовали язык тела и имитировали динамическое движение какого-то объекта. Они были полностью поглощены окружающим, как будто это была реальная среда.

Дети понимали концепцию отображения дизайна детского сада внутри «Пещеры», они внимательно наблюдали и позитивно взаимодействовали, но, к сожалению, они не понимали разницы архитектурного плана, они не различали открытого и закрытого пространств, они воспринимали разделенное и неразделенное пространство одинаково, как правило, они были вовлечены в визуальные эффекты внутри виртуальной среды независимо от того, какая архитектурная концепция стоит за ней.

«Пещера» была успешным инструментом визуализации для реализации проектных решений в области дизайна помещений детского сада с участием детей. Данная технология представляет собой хороший визуальный инструмент коммуникации как для экспертов (архитекторов), так и для неэкспертов (детей), она может играть роль принятия решений на этапе планирования и проектирования одного проекта детского сада.

В частности, дети не понимали архитектурной разницы между двумя проектами детских садов; они не могли представить себе 2D-план 3D-изображений или связать перспективный вид, который они видели, с его архитектурным планом, их больше привлекали объекты и особенности каждого проекта в отдельности, поэтому «Пещера» была успешным инструментом визуализации, который отображает один тип архитектурного дизайна и исследует, хотят ли дети этого или нет, но, к сожалению, «Пещера» не может представить инструмент принятия решений или метод сравнения двух проектов с детьми. Это всего лишь визуальный инструмент для отображения дизайна [5].

Различные методы, используемые с одним и тем же ребенком, часто показывали разные результаты, дети уточ-

няли свои предпочтения внутри «Пещеры», но в интервью некоторые из их ответов были изменены, использование 2D-изображений в качестве помощника во время индивидуального интервью приводит их к выбору разных предпочтений. В частности, цвет настенной живописи был признан светлым, затем он перешел на основной цвет, за исключением одного ребенка, который выбрал основной цвет, не изменил своего мнения. Это изменение может быть связано с другим используемым инструментом визуализации; среда полного погружения с масштабом, близким к реальному, определенно неравномерна с 2D-картинкой размером 10 * 5 см.

Дети могут участвовать в стадии проектирования проекта, их участие в таком эксперименте было настолько полезным, они могут помочь в оценке проектов, связанных с их окружением, они могут высказать свое мнение и прояснить свои взгляды с разумными ответами.

Наиболее подходящий возраст для участия в таком эксперименте — от четырех до шести лет, в соответствии с компетенциями детей и с учетом индивидуальных различий.

«Пещера» может быть использована для презентации и оценки любых других проектов, которые будут построены для детей, развлекательных и рекреационных проектов, таких как детское кафе, зоопарк, музей, детские площадки, художественные центры, спортивные академии, балетный центр, библиотеки или медицинские учреждения, такие как психологические центры, стоматологические клиники, больницы и процедурные кабинеты специализированной больницы.

Соответственно, виртуальная реальность может быть модернизирована для большего погружения и взаимодействия между людьми и виртуальной средой, это может позволить детям участвовать в проектировании внутренней среды ДОУ, редактируя исключительно визуальные объекты, или еще больше, создавая и проектируя новую построенную среду с нуля.

Литература:

1. G. Burdea, P. Coiffet Presence: Teleoperators and virtual environments Virtual Reality Technol., 12 (6) (2003), pp. 663–664
2. C. Cruz-Neira, D. J. Sandin, T. A. DeFanti, R. V. Kenyon, J. C. The CAVE: audio visual experience automatic virtual environment Commun. ACM, 35 (6) (1992), pp. 64–72
3. M. Faizi, A. Azari, S. Maleki Design principles of residential spaces to promote children's creativity Asia Pacific International Conference on Environment-Behaviour Studies. Procedia — Social and Behavioral Sciences (2011), pp. 468–474
4. M. Mauthner Methodological aspects of collecting data from children: lessons from three research projects J. Children Soc., 11 (1997), pp. 16–28
5. M. A. Muhanna Virtual reality and the CAVE: Taxonomy, interaction challenges and research directions J. King Saud Univ. Comput. Inf. Sci., 27 (2015), pp. 344–361

Раннее развитие навыков грамотного письма у дошкольников с применением виртуальных и компьютерных технологий

Симонова Алиса Дмитриевна, воспитатель
МБДОУ Детский сад № 19 «Антошка» г. Белгорода

Богданова Юлия Евгеньевна, воспитатель
МБДОУ детский сад общеразвивающего вида № 28 г. Белгорода

В работе рассмотрены особенности развития навыков грамотного письма у дошкольников посредством применения компьютерных технологий. Авторы приходят к выводу, что мероприятия по повышению уровня грамотности в раннем возрасте в среднем дают небольшие положительные результаты по типам программ и показателям результатов и по языкам, различающимся по глубине орфографии. Если вмешательство является частью интегрированной системы обучения на занятиях в ДОУ, то эффект их еще выше. Соответственно, организация взаимодействия с дошкольниками с использованием ИКТ и виртуальных технологий в рамках развития у них навыка ранней грамотности будет наиболее эффективным, если данные занятия будут интегрированы в учебно-воспитательный процесс.

Ключевые слова: грамотное письмо, дошкольники, фонологические знания, родной язык, метаязыковые навыки.

С самого раннего возраста дети учатся грамотности в коммуникативной среде, используя широкий спектр языковых игр и чтения рассказов. В литературе были предложены различные модели для определения знаний и умений, которые участвуют в ранней грамотности. Исследователи предположили, что ранняя грамотность сочетает в себе внешние и внутренние процессы, причем первые связаны с пониманием языка и фоновыми знаниями, а вторые — с процедурными знаниями, связанными с фонологическим знанием и знанием букв. Также было проведено различие между языковыми навыками, метаязыковыми навыками и базовыми навыками грамотности, а сама ранняя грамотность была определена как конструкция частично перекрывающихся компонентов, связанных с языком, фонологическим знанием и печатным знанием, и утверждает, что каждый из них имеет свою собственную траекторию развития [3].

Коммуникацию и язык можно рассматривать как общую основу, на которой строится возникновение грамотности. Фонологическое осознание — или способность воспринимать звуки языка независимо от значения — обычно считается условным условием для обучения чтению. Чтобы усвоить алфавитный принцип, дети должны осознать сегментарную природу речи и усвоить, что слова состоят из фонем, к которым могут быть отнесены буквы. Хотя имплицитная чувствительность к языку начинается уже в раннем возрасте, наблюдается резкий скачок в развитии фонологической осведомленности в дошкольном возрасте и детском саду. Этому часто способствуют игры, которые помогают детям сосредоточиться на фонологических составляющих языка.

Учитывая внутреннюю связь между фонологической осведомленностью и грамотностью, предполагается, что комбинированное обучение буквам и звукам может быть еще более эффективным. Кроме того, утверждалось, что раннее обучение грамоте должно предлагаться детям в значимом контексте. Исследования действительно по-

казали, что интерактивная деятельность во время чтения сказок может помочь детям получить представление о функциях и структуре письменного языка.

В последние два десятилетия наблюдается огромный приток компьютерных программ, способствующих раннему обучению детей грамоте. Обзорные исследования показали, что такие программы перспективны тем, что индивидуальный подход может быть предложен в ответ на потребности отдельного ребенка. Хотя во многих школах обучение, основанное на технологиях, стало мейнстримом, далеко не ясно, при каких условиях программы наиболее эффективны. Также неясно, чувствительны ли эффекты лечения ранней грамотности к языку, с которым они связаны [3].

В более старых исследованиях основное внимание уделялось обучению грамоте на английском языке, который можно считать непрозрачной орфографией, тогда как в более поздних исследованиях основное внимание также уделялось раннему обучению грамоте на более прозрачных языках с помощью технологий.

Когда дети занимаются в среде с грамотными, они имеют возможность узнать, что печать несет смысл, что письменные тексты могут иметь различные формы и функции, и что идеи могут быть выражены обычным письмом. В случае с алфавитными языками дети узнают, что слова состоят из фонем, которые могут быть представлены буквами. Существует общее мнение, что в случае систем алфавитной письменности приобретение грамотности предполагает переоткрытие принципов фонологического перекодирования с фонологическим осознанием в качестве ключевого компонента. Фонологическая осведомленность относится к доступу и пониманию звуковой структуры устного языка. Фонологическая осведомленность требует от детей осознанного осмысления фонологических сегментов произносимых слов и систематического манипулирования ими. Таким образом, фонологическая осведомленность за-

висит от способности фокусировать внимание на перцептивных репрезентациях речи. Его можно оценить с помощью задач измерения сегментации, смешивания и манипуляции звуками речи.

Исследования показали, что в разных языках дети следуют более или менее одинаковой последовательности развития фонологической осведомленности от доступа к более крупным фонологическим единицам до более мелких звуковых единиц. Действительно, было доказано, что развитие фонологического сознания прогрессирует от уровня слога и начального инея до уровня фонемы [3]. Осознание на уровне фонем, то есть фонематическое осознание, относится к осознанию фонем, звуков речи, которые используются для построения произносимых слов и различения значений. Это довольно трудно для детей из-за того, что фонемы акустически мимолетны и поэтому их трудно обнаружить. Буквы могут облегчить восприятие фонем и считаются существенными для перехода к чтению слов и написанию слов. Поэтому важно рассмотреть эффекты обучения фонологическому сознанию с включением и без включения букв.

Предыдущие исследования показали, что осознание звуков (слогов, наборов, ритмов) в слове связано с развитием грамотности детей. Многочисленные исследования действительно показали связь между мерами фонологического осознания, применяемыми в дошкольном или детском саду, и тестами распознавания слов среди тех же детей в первом или втором классе.

Однако связь может быть также обращена вспять в том, что опыт грамотности облегчает фонологическое осознание. Была также оказана поддержка в том, что отсутствие фонологических навыков может вызвать трудности с приобретением навыков чтения и письма.

Исследователи также уделяли значительное внимание воздействию компьютерных мероприятий по обеспечению ранней грамотности в дошкольных учреждениях. По результатам экспериментальных исследований были сделаны выводы о том, что компьютеры могут оказывать благотворное влияние на развитие у детей дошкольного возраста навыков грамотности. О значительных достижениях в области фонологической осведомленности, буквенного знания и раннего чтения и правописания можно судить по компьютерным мероприятиям по ранней грамотности. Однако следует отметить, что результаты вмешательства остаются позади результатов раннего обучения грамотности на занятиях [1].

Соответственно, использование образовательных технологий может быть более эффективным, когда материалы лучше интегрированы и согласуются с учебным планом и обеспечивают постоянную основу для каждого ребенка. Обучение и переподготовку педагогов ДООУ можно рассматривать как весьма актуальное для того, чтобы помочь им интегрировать компьютерные обучающие устройства в дошкольное образование.

Мероприятия по повышению уровня грамотности в раннем возрасте в среднем дают небольшие положительные результаты по типам программ и показателям результатов и по языкам, различающимся по глубине орфографии. Если вмешательство является частью интегрированной системы обучения на занятиях в ДООУ, то эффект их еще выше [4]. Соответственно, организация взаимодействия с дошкольниками с использованием ИКТ и виртуальных технологий в рамках развития у них навыка ранней грамотности будет наиболее эффективным, если данные занятия будут интегрированы в учебно-воспитательный процесс.

Литература:

1. Абрамова, И. В. Необходимость введения основ компьютерной грамотности в начальной школе и в дошкольном образовательном учреждении // Международный научный журнал «Символ науки». — № 1–2. — 2018. с. 127–131.
2. Кузнецова, О. В., Меркулова Н. И. Информационно-коммуникационные технологии как средство самообразования и саморазвития преподавателей // Стандарты и мониторинг в образовании, № 3, 2014, с. 17–27.
3. Першина, Е. Д. Формирование функциональной грамотности дошкольника-Астана, 2011.
4. Сябренко, А. П., Юленков С. Е., Тынченко В. С. Проблемы и перспективы информатизации современного дошкольного образования в России // Решетневские чтения. — 2017, с. 711–712.
5. Ягодина, Л. А. Методические подходы к обучению педагога-психолога использованию информационных и коммуникационных технологий в дошкольном образовании: автореф. дис.... канд. пед. наук: 13.00.02 / Л. А. Ягодина. — М., 2010. — 22 с.

Влияние цифровизации на развитие личности современных детей

Трофимова Елена Ивановна, аспирант

Московский информационно-технологический университет — Московский архитектурно-строительный институт

В статье говорится о влиянии цифровизации на подрастающее поколение. О феномене нашего времени «цифровом детстве». О том какие риски возникают в век всеобщей цифровизации и технологизации. О роли родителей в воспитании «цифрового ребёнка». Рассматривается понятие «цифровая социализация».

Ключевые слова: гаджет, информационное пространство, развитие личности, способы коммуникации, цифровизация, цифровой аутизм, цифровое детство, цифровая социализация.

Информатизация социального пространства, цифровая среда оказывает огромное влияние на эмоционально-личностное и психическое развитие. Актуальной научной проблемой является влияние цифровизации на общество и на каждого отдельно взятого человека. С раннего возраста дети используют электронные информационные устройства, которые становятся неотъемлемой частью жизни. Это позволяет нам говорить о феномене под названием — «цифровое детство» [9]. Цифровые устройства изменяют формы взаимодействия с внешним миром, дополняют жизнь ребёнка, создают новую ситуацию развития и становятся полноправным агентом социализации. Внедряясь во все сферы жизни общества, создают как новые возможности, так и новые риски. Дети живут и учатся в цифровой среде.

Современный мир — это мир всеобщей цифровизации, которая выражается в использовании современных цифровых технологий повсеместно для повышения качества жизни. В этом мире формируется личность ребёнка. Дети с самого рождения погружаются в цифровое пространство. Параллельно со всеобщей цифровизацией идёт развитие детей. Дети живут и учатся в цифровой среде, погружены с самого рождения в цифровое пространство. Они не представляют свою жизнь без цифрового поля, так как они никогда не жили без него, в отличие от старшего поколения. Цифровизация оказывает воздействие на когнитивную, коммуникативную, эмоциональную, психофизиологическую, социальную сферы развития человека [3]. За последний год, по данным лаборатории Касперского, — 85 % детей не мыслит своей жизни без цифровых устройств. Занятые домашними делами родители дают часто ребёнку мобильный телефон или планшет. С 4–5 лет приучают к гаджетам своих детей 92 % родителей. Свой аккаунт в соцсетях имеют более 40 % младших школьников. Мозг ребёнка развивается в цифровой среде, а должен развиваться в естественных условиях. К цифровому аутизму и общей разобщённости приводит изменение способов коммуникации. Дети не проникают во внутренний мир другого человека, они перестали контактировать друг с другом. Большое количество услуг теперь предоставляется только онлайн, школьники уже знакомы с дистанционным обучением. Сам человек подвергается трансформации — живое общение становится отягчающим. В отличие от взрослых, которые

ещё помнят реальность без «цифры», дети «родились со смартфоном в руках». В чём отличие современных школьников от ровесников, которые учились 20–30 лет назад? Дети стали больше сидеть дома, меньше гулять. Ребёнка надо упрашивать, чтобы он вышел на прогулку. Физическую активность, общение с близкими взрослыми, предметную и продуктивную деятельность всё больше подменяет компьютерный экран. Играть в совместные подвижные игры дети не умеют. Они теряют навык командного взаимодействия, лишившись общения на площадках и во дворах. Как дружить по-настоящему дети не знают. «Друзьями» теперь принято называть виртуальных собеседников, подменяя понятия. Количество друзей — это количество подписчиков, которых в любую минуту можно удалить. Когда у ребят возникает конфликт со сверстниками, они не знают, как поступить, ведь виртуальный мир — это не реальность. Кибермания приобретает характер эпидемии, растёт с пугающей быстротой. Риск главный, который часто недооценивают родители, это — диагноз — цифровая зависимость, который введён в международную классификацию болезней (МКБ-11) [10]. К проявлениям компьютерной зависимости можно отнести: резкое снижение учебной успеваемости, снижение учебной мотивации, падение познавательного интереса, девальвацию ценностей. Виртуальный мир очень часто враждебно настроен к виртуальному герою. Герой противостоит миру зла. Человек переносит законы мира виртуального на реальный мир [5]. Высоким уровнем тревожности называют такое отношение человека к окружающему миру. Человек всё меньше интересуется реальным миром и всё больше проводит времени в виртуальном пространстве.

Что же делать в такой ситуации? Ребёнку необходимо предложить альтернативу, которая не угрожает потерей психического и физического здоровья. Зачастую мало времени родители уделяют детям, интересуясь только внешней стороной жизни ребёнка (еда, одежда, оценки в школе). И не пытаются глубже заглянуть в душу, узнать круг интересов, постараться стать «другом» ребёнку в реальной жизни. Находясь в виртуальных играх человек теряет связь с реальностью. Проблема существует! Как же её решить? Надо избежать главной ошибки — детям не надо запрещать. Если ребёнок уже «подсел» на гаджет — вырвать просто из рук его не получится. Необ-

ходимо внимание ребёнка перенаправить на то, что ему будет интересно: спорт, творчество. Ребёнку станет гораздо интереснее побеждать в реальном мире, чем в виртуальном, который исчезает с выключением гаджета. И, однозначно, реальные результаты гораздо более значимы и приятны, чем интернет-иллюзия. Победа на соревнованиях или признание таланта в любой деятельности никогда не сравнится с виртуальной победой. Смартфоны, телефоны, планшеты — это просто средства, которые можно использовать для своего развития. Вредоносное действие гаджетов начинается тогда, когда мы тратим на него всё свободное время. Если ребёнка чем-то увлечь, то вырывать гаджет из рук не потребуется. Крайне важной темой является изучение того, как взаимосвязаны погружённость детей дошкольников в цифровую среду с их личностным развитием. Дошкольный возраст для развития личностной сферы является наиболее сензитивным периодом. В этот период закладываются психологические механизмы личности, основные личностные образования, ребёнок постигает общезначимые ценности и морально-этические нормы. Ведущим видом деятельности у дошкольников является игра, которая претерпевает изменения в современном «цифровом» обществе, что конечно же будет влиять на социально-личностное развитие [7].

Необходимо учитывать риски для здоровья, которые несёт цифровизация. Исследователи доказали, что цифровая зависимость в дошкольном возрасте может повлечь риск формирования других видов зависимости: игровой, алкогольной, наркотической. Недостаточная двигательная активность влечёт за собой отставание в развитии кинестетического механизма в работе мозга, и в последствии может повлечь проблемы в развитии речи и мышления [10]. Именно в дошкольном возрасте должны развиваться коммуникативные навыки и происходить активное освоение социального пространства. А у детей современных слабо формируется «социальный мозг» они перестали общаться в реальной жизни, лишились общения на площадках и во дворах. Существуют проблемы

с контролем и волевой регуляцией. В связи с тем, что дети используют только непроизвольное внимание, находясь во власти игры [10]. Механизмы целеполагания и контроля не задействованы. Данный механизм в работе мозга очень важен для постановки цели, самоконтроля. Также мы должны понимать, что она является мощным инструментом развития. Мы сегодня рассматриваем «цифрового ребенка», который существует отдельно от нас. Мы пытаемся его изучить в отрыве от ситуации, в которой он воспитывается.

Родителям нужно отложить гаджеты и начать общаться с детьми проявляя эмоции и даря им тепло. Необходимо организовать жизнь так, чтобы у ребёнка были реальные друзья, увлечения, впечатления. Чтобы он мог играть в «дворовые игры», научился разрешать конфликты со сверстниками, стал добрым, справедливым и чутким товарищем.

С помощью родителей у детей должно сформироваться понимание того, что такое современные цифровые технологии, для чего они нужны. В связи с этим, на плечи родителей и педагогов дошкольного образования должно ложиться воспитание правильного отношения к техническим устройствам [8].

Сегодня, повышая качество дошкольного образования, обеспечивая успешную подготовку к школе, в образовательном процессе используется огромный спектр педагогических технологий. В ФГОС указано, что педагоги должны владеть ИКТ-компетенциями, необходимыми и достаточными для планирования, реализации и оценки образовательной работы с детьми раннего и дошкольного возраста. По мнению практикующих педагогов — дошкольников, включение цифровых технологий может лечь в основу успешной подготовки к школе.

Подводя итог, хочется сказать, что цифровые технологии — это не зло, просто нужно относиться осознанно к их использованию, чтобы исключить всевозможные риски, грамотно использовать все достижения науки и техники, чтобы они приносили пользу.

Литература:

1. Денисенкова, Н. С., Красило Т. А. Развитие дошкольников в эпоху цифровой социализации // Современное дошкольное образование. 2019 № 6 (96) с. 50–57.
2. Карабанова, О. А., Молчанов С. В. Риски негативного воздействия информационной продукции на психическое развитие и поведение детей и подростков // Национальный психологический журнал. 2018, № 3 (31), с.37–46.
3. Киселёв, С. Ю. Дошкольный возраст — критический период развития не только психических процессов, но и личности ребёнка в целом // Современное дошкольное образование. — № 2 (104). — с. 4–11.
4. Коротаева, В. А. Анализ содержания контекста исследований использования гаджетов с технологией тачскрин детьми дошкольного возраста / Е. А. Коротаева // Педагогическое образование в России, — 2020.-№ 5,-с. 49–54.
5. Курочкина, В. Ю. Влияние медиапродукции, содержащей сцены насилия, на формирование девиантного поведения подростков // Экопсихологические исследования: экология детства и психология устойчивого развития.
6. Плешаков, В. А. Перспективы киберонтологического подхода в современном образовании // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. — 2014. — № 3 (29) — с.1–18.
7. Смирнова, Е. О., Матушкина Н. Ю., Смирнова С. Ю. Виртуальная реальность в раннем дошкольном детстве // Психологическая наука и образование. 2018. Том 23 № 3 с. 42–53.

8. Смирнова, Е. О., Смирнова С. Ю., Шеина Е. Г. Родительские стратегии в использовании детьми цифровых технологий // Современная зарубежная психология. 2019 Том 8 № 4 с. 79–87.
9. Солдатова, Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. — Смысл, 2017.—375с.
10. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация в культурно — исторической парадигме: изменяющийся ребёнок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. — 2018. — т.9-№ 3 — с. 71–80.
11. Спирина, А. В. Особенности влияния просмотра видео и телепередач с элементами насилия на психологическое развитие детей дошкольного возраста // Здоровье и образование в 21 веке. 2017. Том 19 № 6 с. 164–167.
12. Фельдштейн, Д. И. Современное детство: проблемы и пути их решения // Вестник практической психологии образования. — № 2 (19), апрель-июнь 2009.-с.28–32.

Роль философии в подготовке студентов инженерных специальностей

Черепкова Олеся Олеговна, ассистент
Амурский государственный университет (г. Благовещенск)

В статье формулируется роль философии как учебной дисциплины в подготовке студентов инженерных специальностей.

Основной задачей высшего образования является подготовка высококвалифицированных специалистов различного профиля. В свою очередь, цель высшего учебного заведения состоит в «удовлетворении потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии» [5]. Система высшего образования позволяет выпускнику адаптироваться к политическим, экономическим и социальным изменениям в мире, развиваться как профессионалу, быть ориентированным на решение профессиональных задач [2].

По окончании обучения в высшем учебном заведении молодой специалист должен быть способен ориентироваться в сфере своей профессиональной деятельности, а также быть готовым работать в коллективе (осуществлять социальное взаимодействие), творчески и критически мыслить, оценивать результаты своей деятельности и быть способным принять ответственность за результат своего труда. Кроме того, выпускник высшего учебного заведения должен быть готов к тому, что ему постоянно необходимо совершенствоваться, повышать собственную квалификацию, развиваться как личность и как профессионал.

Для того, чтобы выпускник высшего учебного заведения, обучающийся на технических (инженерных) специальностях, был конкурентоспособен на современном рынке труда, требуется не только практическая, профильная подготовка, то есть подготовка в рамках его будущей профессиональной деятельности, но и всесторонняя подготовка как личности, способной к культурно-творческой деятельности, которая была бы полезна как личности, так и обществу в целом [6].

Выпускник высшего учебного заведения — это одновременно и личность, и работник, профессионал. Как

квалифицированного работника его могут охарактеризовать профессиональные знания, умения, навыки, которые позволяют ему выполнять возложенные на него профессиональные обязанности. Как личность выпускника высшего учебного заведения характеризует система жизненных ценностей, мотивация к деятельности, интересы, цели, которые находятся за пределами профессиональной деятельности и не являются необходимыми для выполнения трудовых обязанностей. Связывает в единое целое «работника» и «личность» система гуманитарных знаний, которая позволяет видеть общество как единую систему, а также определить роль техники, технических достижений в развитии и жизни всего человечества [1].

Система гуманитарных знаний расширяется в рамках предметов гуманитарного цикла. В данный цикл входит и философия как учебная дисциплина. Философия как наука обращена к проблемам смысла жизни, смысла деятельности человека, осознания им своих возможностей и их воплощения в жизнь. Как теоретическое знание она открывает человеку путь к самостоятельному разумному и нравственному решению экзистенциальных проблем [6]. Цель решения всех проблем, которые находятся в поле философии как науки, состоит в способствовании совершенствованию человека, развитию его духовно-нравственных, эстетических и мировоззренческих установок, идеалов, которые позволят сохранить себя как личность в постоянно меняющейся социально-политической реальности, а также добиться своих целей.

Итак, философия как учебная дисциплина имеет высокое значение для подготовки студентов технических (инженерных) специальностей по ряду причин.

Во-первых, философия как гуманитарная наука способствует тому, что развивается способность студента видеть себя не как узкий специалист в рамках одной профессии, а воспринимать себя как разностороннюю личность в определенном культурно-историческом контексте. Человек живет не в вакууме, а в обществе, которое развивалось, менялось, в котором уже сформировались и действуют определенные правила и законы.

На занятиях по истории философии студент, обучающийся на инженерных (технических) специальностях, может составить общее представление о том, как в течение длительного промежутка времени развивались логика и математика как базовые языки науки, а также как изменялась роль техники в жизни общества, как технический прогресс влиял на личность [3].

Важно отметить, что изучение философии позволяет студенту научиться правильно строить речь и грамотно вести спор, находить аргументы для отстаивания собственной позиции в дискуссии.

Знания в области философии способствуют формированию у студента стратегического мышления, то есть мышления «на перспективу», развивают навыки критического анализа, а также расширяют возможности будущего специалиста в его профессиональной деятельности. Это происходит за счет того, что он учится осознавать и понимать свои способности и возможности, анализировать возможности для их развития, а также искать возможные способы их применения. Студент учится понимать сам себя, свои цели.

Оценочная деятельность связана с этическими аспектами деятельности человека, что проявляется и в технической сфере. Важно, чтобы выпускник умел оценивать возможные последствия своей деятельности для общества в целом не только с позиции выгоды для предприятия, науки, но и с позиции полезности для общества и отдельных личностей [4].

Философия соединяет в себе гуманитарное и естественнонаучное знание. Единство философских и естественнонаучных знаний в преподавании философии создает дополнительные возможности интеграции гуманитарного и технического образования.

Особенность философии как учебной дисциплины состоит в том, что студент должен постоянно анализировать не только учебный материал, но и себя и окружающую его действительность. Студент должен стремиться осмыслить, понять, изменить себя или свое отношение к миру [7].

С окончанием учебного курса философия остается в жизни студента, она не уходит, а продолжает формировать его мировоззрение. Важно только стремиться к саморазвитию. Освоение философских знаний способствует тому, что студент будет способен и подготовлен к постоянному расширению своего кругозора, развитию своей духовной культуры, применению творческого подхода в своей профессиональной деятельности.

Итак, современное высшее техническое (инженерное) образование не ограничивается только профильной подготовкой, а должно обеспечивать духовную, нравственную подготовку, воспитывать гражданскую позицию, способствовать эстетическому и культурному развитию. Выпускник высшего учебного заведения должен быть способен осознавать и понимать себя как личность и профессионала, а также окружающий его мир. Философия, являясь предметом гуманитарного цикла, является той учебной дисциплиной, которая способствует подготовке студента к профессиональной деятельности в глобализированной системе мирового хозяйства, позволяет ставить перед собой более реалистичные жизненные цели, выбирать пути их достижения с учетом нравственных, этических ценностей. Развитие навыков критического анализа, стратегического мышления, умения дискутировать и аргументировать свою позицию способствует повышению конкурентоспособности молодого специалиста на рынке труда.

Литература:

1. Бабкин, В. Ф. Гуманизм как ценностное основание современного высшего технического образования / В. Ф. Бабкин, Л. С. Перевозчикова // Воронеж.: Издательство Государственного архитектурно-строительного университета, 2001. — 219 с.
2. Зеленков, М. Ю. О проблемах совершенствования преподавания общественных наук в высшем учебном заведении и путях их решения / М. Ю. Зеленков // Проблемы и перспективы преподавания социогуманитарных наук в технических вузах в современных условиях: Материалы Всероссийской научно-методической конференции. (Москва, 19–20 ноября 2008 г.). — М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2008. — с. 84–93
3. Кавинова, И. П. Особенности преподавания в техническом вузе, или нужна ли философия инженерам / И. П. Кавинова // Проблемы и перспективы преподавания социогуманитарных наук в технических вузах в современных условиях: Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Москва, 19–20 ноября 2008 г. — М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2008. — с. 100–103.
4. Малькова, Т. П. Зачем инженеру нужна философия / Т. П. Малькова, В. В. Каплунов // Гуманитарный вестник. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/257.html>.
5. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 53 (часть I). — ст. 7598.

6. Федотова, Л. Ф. Роль философии в качественной подготовке специалистов технического профиля / Л. Ф. Федотова // Электронный научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации». — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.snauka.ru/issues/2015/05/53022>.
7. Черемных, Н. М. Философия в техническом вузе: единство знания и понимания / Н. М. Черемных // Проблемы и перспективы преподавания социогуманитарных наук в технических вузах в современных условиях: Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Москва, 19–20 ноября 2008 г. — М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2008. — с. 297–301.

МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ КАЗАҚСТАН

Қазақстан Республикасындағы мемлекеттік сатып алу саласындағы мамандарды даярлау

Бахтиярова Саида Батырбекқызы, магистрант
Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы (Нұр-Сұлтан)

Бұл мақалада мемлекеттік сатып алу саласындағы кадрлардың біліктілігінің жеткіліксіз болу себептері мен оларды даярлау мәселелері қарастырылады, сонымен қатар оларды шешудің мүмкін нұсқалары қарастырылған.

Кілт сөздер: мемлекеттік сатып алу, біліктілік, кадрлар, әлеует, мәселелер.

Подготовка специалистов в сфере государственных закупок в Республике Казахстан

Бахтиярова Саида Батырбековна, студент магистратуры
Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан (г. Нур-Султан)

В данной статье рассматриваются причины недостаточной квалификации кадров в сфере государственных закупок и вопросы их подготовки, а также способы их устранения.

Ключевые слова: государственные закупки, квалификация, персонал, потенциал, проблемы.

Бүгінгі таңда мемлекеттік сатып алу саласы ел экономикасында маңызды рөл атқарады. Мемлекеттік сатып алу мемлекеттік қажеттіліктерді қанағаттандыруға бағытталған. Соңғы жылдары бұл салаға қызығушылық айтарлықтай артты. Енгізілген санкциялар мен экономикалық дағдарыстың басталу кезеңінде экономиканы қолдау және жандандыру үшін мемлекет отандық кәсіпорындарға тапсырыс санын көбейтуге тырысуда. Бұл ретте, басты міндет — бюджеттік қаражатты олардан ба-рынша пайда алу арқылы үнемді жұмсау екенін ұмытпауымыз керек. Кез келген басқа қызметті жүзеге асыру сияқты, сатып алуды жүзеге асыруда да бірқатар мәселелер бар. [1]

Сатып алу — бұл күрделі процесс және ондағы әрбір әрекет адамдар арқылы жүзеге асырылады. Мәміленің нәтижесі мен қорытындысы әр қадамның қаншалықты реттілікпен, анық және дұрыс орындалуына байланысты. Бірақ бір мәселе бар, мемлекеттік сатып алу саласында жұмыс істейтін барлық мамандардың толық кәсіби білімі, дағдылары мен құзыреттері жоқ. Қазіргі уақытта сатып алу бойынша маманның біліктілігін анықтау үшін оның қандай кәсіби стандарты бар екенін қарастыру қажет —

бұл қызметкердің қандай жұмыс функциясын орындай-тынын көрсетеді.

Мемлекеттік сатып алу саласында жұмыс істеу үшін қажетті білімді:

- қажетті материалдарды өз бетінше зерделеу;
- қосымша білім алу;
- жоғары немесе орта оқу орнын бітіру арқылы алуға болады.
- Өз бетінше оқуға келетін болсақ, ол орындаушыларға (өнім берушілерге) қолайлы және мыналарды қамтиды:
 - семинарлар мен вебинарларға қатысу;
 - тендерге қатысу бойынша тренингтерден өту;
 - тәлімгермен жеке оқыту;
 - мемлекеттік сатып алуды және мемлекеттік тапсырыстарды үйрету бойынша онлайн мектептерде курстардан өту;
 - құқықтық базаны зерделеу.

Қосымша кәсіптік білім сатып алу саласындағы курстардан өтуді қамтиды. Оларды жеке, сырттай, қашықтықтан, семинар түрінде жүргізуге болады. Мұндай дайындықты орта кәсіптік білімі немесе жоғары білімі ту-

ралы дипломы бар немесе сол дипломды алатын уақытта қосымша ала алады.

Қазақстанның заңнамасы мемлекеттік сатып алу жүйесіндегі кадрлық әлеуетті дамытуға жауапкершілікті нақты бөледі. Қаржы министрлігі мемлекеттік сатып алу жүйесін басқаратын уәкілетті орган болып табылады және сонымен бірге кәсіби дағдыларды даярлау мен дамытудың ережелерін әзірлеуге жауап береді. «Мемлекеттік сатып алу туралы» заңға сәйкес, Қаржы министрлігі мемлекеттік сатып алу саласында өз қызметін жүзеге асыратын қызметкерлерді қайта даярлау және олардың біліктілігін арттыру қағидаларын бекітеді (16-баптың 8 — тармағы). 2018 жылғы заңның редакциясында Қаржы министрлігінің осыған байланысты міндеттер тізімі кеңейді: енді ол мемлекеттік сатып алу бойынша әдістемелік ұсынымдарды әзірлейді және бекітеді (16-баптың 11–2-тармағы). [2]

Мемлекеттік қызметшілердің осы тобы үшін (мемлекеттік сатып алу саласындағы маман) мамандандырылған, арнайы кәсіптік білімнің болуы қолайлы. Мұндай мамандар біздің елде дайындалмайды. Білім беру мемлекеттік басқару немесе басқа да жалпы (сатып алуға қатысты) мамандықтардың мамандарын дайындау шеңберінде жүзеге асырылады. Әзірге қазақстандық білім беру ұйымдары қосымша білім беру жүйесімен шектеледі, оның аясында мамандарынды кәсіби даярлау мен қайта даярлауды жүргізеді. [3]

Бүгінде заңнама туралы теориялық білім ғана емес, сонымен қатар сатып алушылардың нақты тәжірибелік дағдылары да қажет. Мысалы, келіссөздер жүргізу, іскерлік, шығындарды басқару, құқықтық білім, құрылыс саласы, қаржы және аудит. Бұл және басқа да көптеген құзыреттіліктер оқу орындарында оқытылуы және бағдарлама-ларға енгізілуі тиіс.

Әлеуетті дамыту бағдарламасын немесе оқыту стратегиясын құру мамандарды оқыту қажеттіліктері ескерілген жағдайда тиімдірек болады. Әлеуетті күшейту қажет аймақтарды анықтауда бірінші қадам мемлекеттік сатып алу қызметкерлерінің күшті және әлсіз жақтарын түсіну болуы мүмкін. Қазақстанның орталық және аймақтық деңгейдегі сатып алу жөніндегі қызметкерлерінің әлеуетін нығайтуға және дамытуға мүмкіндігі бар. Қазақстанда жиналған әкімшілік деректердің салыстырмалы түрде үлкен көлемі жағдайды жан-жақты талдауға мүмкіндік береді.

Мемлекеттік сатып алу саласындағы кадрлық ресурстар мәселесі сапалық жағынан да, сандық жағынан да қарастырылуы тиіс, яғни «қызметкерлердің қабілеті, дағдылары мен құзыреттілігі» мағынасындағы «әлеует», сонымен қатар мемлекеттік сатып алуға қатысатын қызметкерлер саны. Бұл екі аспект мемлекеттік сатып алуға қатысатын персоналдың құрылымы туралы қорытынды жасауға әкеледі. Сатып алу персоналының күшті және әлсіз жақтарын анықтау қолданыстағы оқыту мен әлеуетті дамыту бойынша шараларды мемлекеттік сатып алу жүйесінің қажеттіліктеріне бейімдеуге көмектеседі, себебі ол басым бағыттар мен қосымша аспектілерді анықтайды.

Мүдделі тараптардың ақпаратына сәйкес, мемлекеттік қызметте техникалық сауаттылықтың тиісті деңгейі бар сатып алу бойынша мамандар аз. Өнім берушілердің айтуынша конкурстық құжаттарда техникалық білімнің жоқтығынан болатын қателер кездеседі. Бұл болжам әлеуетті өнім берушілердің ескертулеріне байланысты конкурстық құжаттамаларға түзетулер енгізілетін сатып алу рәсімдерінің едәуір санымен де расталады. Мүдделі тараптардың өкілдерінің айтуынша, сатып алуды ұйымдастырушылар техникалық ерекшелікті дайындау үшін сыртқы сарапшыларға сүйенеді. [4]

Сондай-ақ күшті және әлсіз жақтарды анықтау әлеуетті нығайту мен дамытудың нақты шараларын жасауға көмектеседі. Мысалы, Қазақстан мамандардың жетіспеушілігіне талдау дайындау арқылы соған сәйкес мамандардың оқуға қажеттіліктеріне талдау жасай алады. Талдау нәтижелерін сатып алуды ұйымдастырушылар мен сатып алу бойынша мамандарға арналған бірқатар тиісті шараларды қамтитын кәсіпқойландыру стратегиясын әзірлеу мен жүзеге асыруда қолдануға болады.

Мемлекеттік сатып алу жүйесін жалпы стратегиялық міндеттердің аралық әсері арқылы қарау үшін келесі қадамды жасау қажет, атап айтқанда, мемлекеттік сатып алудың стратегиялық аспектісінің артықшылықтарын меңгерудің кілгі адами әлеует екенін ескеру қажет. Кадрлардың әлеуетін дамыту тұрғысынан алғанда, мемлекеттік сатып алулар бойынша мамандарды даярлау және олардың кәсіби шеберлігін шыңдау — медальдің бір жағы ғана. Тағы бір қажетті компонент — бұл жүйеге жоғары білікті мамандарды тарту. Мемлекеттік сатып алу жүйесіне білікті мамандарды тарту үшін оларға тартымды мансаптық перспективалар ұсынылуы қажет. Ал мансаптық перспективаларды құруға және мамандардың қызығушылығын оятуға мемлекеттік сатып алуды жеке мамандық ретінде тану себеп бола алады. Бүгінгі таңда Қазақстанда мемлекеттік сатып алу жеке мамандық болып саналмайды. Мемлекеттік сатып алуды стратегиялық функция ретінде тану бірқатар жаңа мүмкіндіктерге жол ашады. Кадрлық әлеуетті дамыту тұрғысынан бұл кез келген мамандыққа тән нақты лауазымдық нұсқаулықтың, біліктілік жүйесінің, иерархияның және басқа да аспектілердің қалыптасуын қамтамасыз етеді. Қазіргі уақытта мемлекеттік сатып алу қызметкерлерінің білімдері алуан түрлі. Мемлекеттік сатып алу саласында талап етілетін біліктілік пен дағдылардың нақты жүйесінің болуы жұмысшыларды тартуға және кадрлық әлеуетті дамытуға, сонымен қатар мамандықты беделді етуге көмектеседі. Мемлекеттік сатып алу жүйесінің мансабы беделді болып көрінуі үшін меритократиялық ілгерілеу принципі де қарастырылуы керек. Мемлекеттік сатып алушының кадрлық әлеуетін одан әрі дамыту тиісті дайындық қажеттіліктерін қанағаттандыруды талап етеді. Ал бұл мемлекеттік сатып алудың мамандық ретіндегі мәні туралы жалпы түсінік және стратегиялық функцияны жүзеге асыру үшін қажетті құзыреттер жиынтығы болған жағдайда ғана мүмкін болады. Мемлекеттік сатып алуды танымал мамандыққа айналдыру үшін

кадрлық әлеуетті дамытудың стратегиясын әзірлеген жөн және оның шеңберінде мемлекеттік сатып алуды жүзеге асыратындарға қажетті білім мен дағдыларды бір жүйеге енгізген жөн. Мұндай стратегия мен жетекші принциптер мамандардың жетіспеушілігін талдау нәтижелеріне негізделуі мүмкін. Бұл мемлекеттік сатып алу саласындағы кадрлық ахуалдың ағымдағы кемшіліктерін жою бойынша жұмыс жасауға мүмкіндік береді.

Мемлекеттік сатып алу саласындағы білім мен дағдыларды жүйелеудің және осы тапсырманы орындайтын персоналға стандарттарды орнатудың тағы бір тиімді әдісі — құзыреттілік моделі. Мысал ретінде, модельді әзірлеу кезінде ескерілуі мүмкін құзыреттілік түрлері көрсететілген мемлекеттік сатып алу жүйесіндегі құзыреттіліктің шотланд моделін қарастыруға болады. Шотландтық модель мемлекеттік сатып алуды жүзеге асыратындарға қажет он үш құзыреттілікті қамтиды. Бұл мемлекеттік сатып алу жүйесінде жұмыс істейтін қызметкерлердің болжалды күтуін жақсы түсінуге, сондай-ақ

олардың қайсысына оқыту мен біліктілікті одан әрі жетілдіру қажет екенін анықтауға көмектеседі. [4]

Қазақстанда мемлекеттік сатып алу жүйесін жетілдіру бойынша қолданыстағы шаралардың тиісті түрде жүзеге асырылуын қамтамасыз ету үшін қандай да бір жолмен мемлекеттік сатып алуды жүзеге асыруға байланысты, яғни процедуралық және әдістемелік мәселелермен айналысатын, сонымен қатар сатып алуды тікелей жүргізетін барлық қызметкерлердің әлеуетін көтеру ұсынылады. Бұл тек мемлекеттік сатып алулармен айналысатын (әсіресе бірыңғай ұйымдастырушылармен және тапсырыс берушілер) қызметкерлердің кәсіби білімі мен дағдыларының деңгейін арттырумен қатар штат санын көбейтуді білдіреді. Қазақстандағы қызметкерлердің қажетті санын және оларға қойылатын кәсіби талаптарды анықтау үшін қолда бар әкімшілік деректерді пайдалана отырып, қажеттіліктерді егжей-тегжейлі бағалауды жүргізуге, содан кейін бағалау нәтижелері бойынша қабілеттілік пен құзыреттілікті қалыптастыруға болады.

Әдебиет:

1. Шиликбаев, С. Проблемы системы государственных закупок // Каржы-Каражат. № 4, 2013. с. 39–40
2. «Мемлекеттік сатып алу туралы» Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 4 желтоқсандағы № 434-V ҚРЗ (02.01.2021ж. өзгертулер мен толықтырулармен) Электрондық ресурс — <http://adilet.zan.kz/>.
3. Аубакирова Б., Горковенко Л., Протасова О., Проблемы и перспективы развития системы электронных государственных закупок в РК // Инновационная экономика: Перспективы развития и совершенствования. № 3. 2018. с.29
4. OECD. Қазақстандағы мемлекеттік сатып алулар: тиімділікті арттыру үшін жүйені реформалау. Электрондық ресурс <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/b3007708-ru/index.html?itemId=/content/component/b3007708-ru>

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 34 (376) / 2021

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 01.09.2021. Дата выхода в свет: 08.09.2021.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.